На правахъ рукописи.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРОВЪ И СТУДЕНТОВЪ

ТОМСКАГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

НА ПОПРИЩѢ „ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ".

1901—1911 г.г.

1-65490

ТОМСКЪ.
Типографія Губернскаго Управленія.
1911.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ТГУ ДЛЯ КНИГ

15451-Н

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Наша современная школа не даетъ ни воспитанія, ни образованія; въ нашихъ университетахъ науки нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ томъ положеніи, какъ я желалъ бы ее видѣть; студенты— это толпа молодежи, не имѣющей ни малѣйшаго уваженія къ профессорамъ и доходящей до звѣроподобныхъ къ нимъ отношеній; профессора никакого авторитета не имѣютъ и не могутъ имѣть, такъ какъ многіе изъ нихъ, если не большинство, по слабой своей научной подготовкѣ, не достойны профессорскаго званія“...

Изъ рѣчи фонъ-Анрепа, сказанной въ 1908 г. съ каѳедры Государственной Думы, по вопросу объ открытіи университета въ городѣ Саратовѣ.

75451-н

62(071.1)(с181.1)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Открытіе Томскаго технологическаго института 1

II. Надежды, возлагавшіяся на Томскій технологическій институтъ, и крушеніе этихъ надеждъ. Начало безпорядковъ. Безпорядки продолжаются. Студенты получили названіе „скандалистовъ“. 4

III. Безпорядки усиливаются. Побоище у Думскаго моста. Попытка приступить къ занятіямъ. Дѣйствія обструкціонеровъ. 10

IV. Опять все тоже. Дѣло студента Ершова . . . 18

V. „Не экзаменъ, а комедія“. Студентамъ не понравилось серьезное отношеніе къ дѣлу преподавателя Соболевскаго. И. д. директора института проф. Обручеву предложено оставить сходку. Порицаніе Соболевскому. 23

VI. Обыскъ и арестъ студентовъ. Тайная типографія и прокламаціи. Ткемаладзе. Концертъ въ помѣщеніи общественнаго собранія. Опять прокламаціи. . . . 30

VII. 1905 годъ. Прекращеніе занятій. Интересныя убѣжденія профессорской коллегіи. Открытіе института допускается только на особыхъ условіяхъ. Если начнутся занятія, профессора угрожаютъ студентамъ отставкой. Достоинство и права совѣта требуютъ огражденія. Дальнѣйшее развитіе безпорядковъ. 33

VIII. Semper idem. Высылка проф. Зубашева и Кижнера изъ предѣловъ Сибири и Степного края, а также Тираспольскаго, Козьмина и Бундюкова. Попытка возвратить этихъ господъ не увѣнчалась успѣхомъ. Порицаніе ректору Томскаго университета Курлову. 44

IX. Годовщина кровавыхъ событій въ Петербургѣ. Засѣданія совѣта профессоровъ подъ предсѣдательствомъ проф. Михайленко. Возвращеніе Зубашева къ мѣсту службы. Изгнаніе студента Журавлева. Обсужденіе правилъ 11 іюня 1907 г. Студенты Куйбышевъ, Поздняковъ, Прусаковъ, Андреевъ и Гамсакурдія. Тайная типографія. 48

X. На сходкахъ начинаютъ обсуждаться вопросы академическаго характера. Поменьше работать-принципъ современнаго студента. Находка цилиндрическихъ бомбъ. Торговля нелегальной литературой. 53

XI. Бойкотъ преподавателей Кошурникова и Введенскаго. Безпорядки продолжаются. Административная власть въ институтѣ попрежнему бездѣйствуетъ. . . 58

XII. Студенты рекомендуютъ директору Алексѣевскому болѣе внимательное и сердечное отношеніе къ ихъ нуждамъ. Обсужденіе на сходкахъ пунктовъ А и Б § 4 правилъ учебнаго курса. Призывъ къ борьбѣ съ профессурой. 66

XIII. Студенты срываютъ экзамены. Профессора не выдаютъ зачинщиковъ. Въ дѣло приходится вмѣшаться Попечителю учебнаго округа. Воззваніе исполнительнаго комитета 71

XIV. Общестуденческая сходка 17 января 1911 г. Постановлено забастовать до 1-го сентября. 79

XV. „Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“. Бездѣйствіе власти—преступно. Мѣры, принятыя къ возстановленію порядка Попечителемъ учебнаго округа. Ціанистый кали. 86

XVI. Покушеніе на ограбленіе бухгалтера института Д. П. Соковнина и ограбленіе почтоваго поѣзда. . 94

XVII Общестуденческая сходка и убійство Д. П. Соковнина. 98

XVIII. Поджогъ студентами зданій технологическаго института. Демонстрація профессоровъ. 107

XIX. Казанскій и Тираспольскій. 112

XX. Кижнеръ, Козьминъ, Введенскій, Джонсъ и Некрасовъ 120

XXI. Полная безграмотность и неспособность логически мыслить современныхъ студентовъ. Политическія партіи. Незавидное положеніе лицъ, которымъ хотѣлось бы учиться. 125

XXII. Пренебрежительное отношеніе къ институту общества и прессы. Профессора и студенты становятся посмѣшищемъ. Публицисты „Сибирскаго Слова“ изощряются на нихъ въ своемъ остроуміи и острословіи. 134

XXIII. Ревизія технологическаго института . . . 145

XXIV. Какъ же быть съ технологическимъ институтомъ? 151

I.

Открытіе Томскаго технологическаго института.

Исходнымъ пунктомъ въ исторіи возникновенія Томскаго технологическаго института является письмо бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія графа Делянова къ бывшему Попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскому. Письмо это датировано 25 іюня 1895 г., и въ немъ говорится о необходимости, въ виду окончанія постройки Сибирской желѣзной дороги, подготовки въ Сибири свѣдущихъ людей, которые могли бы руководить добываніемъ и разработкой естественныхъ богатствъ этой обширной окраины. Переходя къ практической сторонѣ дѣла, графъ Деляновъ полагалъ своевременнымъ возбудить вопросъ объ учрежденіи при Томскомъ университетѣ физико-математическаго факультета, съ нѣкоторыми, однако, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, видоизмѣненіями въ преподаваніи входящихъ въ составъ факультета предметовъ. 11 августа того же 1895 года состоялось совѣщаніе Попечителя учебнаго округа В. М. Флоринскаго съ профессорами Томскаго университета Судаковымъ, Вернеромъ, Кащенко и Зайцевымъ. Согласившись принципіально съ письмомъ Министра, названныя лица выработали довольно подробный проектъ предполагавшагося факультета. По этому проекту предполагалось учрежденіе при новомъ факультетѣ особыхъ техническихъ отдѣленій для подготовки инженеровъ. Затѣмъ вопросъ этотъ возбуждался въ особой комиссіи, образованной при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Министерства проф. Московскаго университета Любимова. Комиссія пришла

къ заключенію, что для подготовки необходимыхъ Сибири инженеровъ и техниковъ долженъ быть учрежденъ въ Томскѣ самостоятельный технологическій институтъ съ двумя отдѣленіями: инженерно-строительнымъ и химико-техническимъ и съ усиленнымъ преподаваніемъ электро-техники и металлургіи въ виду быстро усиливающагося значенія первой для всѣхъ отраслей фабричной и заводской дѣятельности и важности второй для развитія горнаго дѣла въ Сибири.

Одновременно съ рѣшеніемъ этого вопроса въ С.-Петербургѣ, въ Томскѣ шла переписка между управленіемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Томскою Городской Думой объ уступкѣ городомъ необходимаго для построекъ участка земли, при чемъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы городъ отвелъ мѣсто вблизи университета. Переписка закончилась тѣмъ, что въ засѣданіи 15 января 1896 г. Городской Думой постановлено было отвести подъ постройку технологическаго института 6634 кв. сажени пустопорожней площади на Садовой улицѣ, противъ университетскаго ботаническаго участка. 14 марта 1896 г. вопросъ объ институтѣ благопріятно прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ, а 26 апрѣля того же года получилъ ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденіе. Было отпущено изъ государственныхъ суммъ 200000 рублей кредита на первые предстоящіе расходы по сооруженію зданій, и 6 іюля состоялась торжественная закладка перваго лекціоннаго корпуса технологическаго института. Строительныя работы лѣтомъ 1896 г. ограничились огражденіемъ мѣста и заготовкой строительныхъ матеріаловъ. Въ 1897 г. были вырыты рвы и положенъ фундаментъ по фасаду. Въ 1908 г., вслѣдствіе отсутствія плана отопленія, была произведена лишь кладка цоколя по фасаду главнаго корпуса.

Отъѣздъ Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскаго въ августѣ 1898 г. изъ Томска, а затѣмъ и смерть его въ Петербургѣ 3 января 1899 г. побудили Министерство Народнаго Просвѣщенія озаботиться назначеніемъ директора Томскаго

технологическаго института, каковымъ и былъ ВЫСОЧАЙШЕ назначенъ проф. Харьковскаго технологическаго института по каѳедрѣ технологіи питательныхъ веществъ инженеръ-технологъ Е. Л. Зубашевъ, на котораго вскорѣ возложено было и предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ. На основаніи личнаго ознакомленія на мѣстѣ въ теченіе лѣта 1899 г. съ технологическими и промышленными условіями и потребностями Сибири, Е. Л. Зубашевымъ былъ выработанъ новый проектъ учебнаго плана технологическаго института, согласно которому институтъ долженъ состоять изъ четырехъ отдѣленій: 1) механическаго съ подъотдѣлами фабрично-заводскимъ, желѣзнодорожнымъ и электро-техническимъ, 2) химическаго съ особеннымъ развитіемъ металлургіи и съ возможнымъ раздѣленіемъ на подъотдѣлы сельскохозяйственно-заводской промышленности и металлургической, 3) инженерно-строительнаго и 4) горнаго. Раздѣленіе студентовъ по отдѣленіямъ предположено было съ перваго же курса, а продолжительность учебнаго курса устанавливалась въ 5 лѣтъ. Что касается системы преподаванія, то наряду съ лекціями предположено было, въ замѣну репетицій, широкое развитіе практическихъ занятій, какъ по теоретическимъ, такъ и по техническимъ наукамъ, которыя передъ окончаніемъ курса должны были завершиться, помимо обычнаго защищаемаго въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ проекта, дипломной работой.

Этотъ проектъ учебнаго плана и штата института былъ разсмотрѣнъ въ октябрѣ 1899 г. особой комиссіей въ С.-Петербургѣ. Комиссія согласилась съ основными доводами Е. Л. Зубашева, и вопросъ объ институтѣ, получивъ, такимъ образомъ, ростъ въ ширь и глубь, получилъ и дальнѣйшее движеніе,—прошелъ снова черезъ Государственный Совѣтъ, и 12 іюня 1900 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта вновь было ВЫСОЧАЙШЕ утверждено. Были отпущены нужные кредиты, закончена постройка зданій, приглашены профессора и преподаватели, и 9-го октября 1900 г. въ 10 часовъ утра послѣдовало торжественное откры-

тіе учебныхъ занятій; оффиціальное же торжественное открытіе института было совершено 6 декабря того же года въ присутствіи Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія г. Звѣрева.*)

II

Надежды, возлагавшіяся на Томскій технологическій институтъ, и крушеніе этихъ надеждъ. Начало безпорядковъ. Безпорядки продолжаются. Студенты получили названіе «скандалистовъ».

На Томскій технологическій институтъ возлагались большія надежды. Думали, что это учебное заведеніе дастъ горныхъ инженеровъ, особенно нужныхъ для Сибири, богатой серебромъ и золотомъ, мѣдью и желѣзомъ, свинцомъ и каменнымъ углемъ; думали, что институтъ дастъ инженеровъ путей сообщенія, въ которыхъ очень нуждалась сибирская магистраль и которые необходимы были для развитія подъѣздныхъ желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей сообщенія; думали, наконецъ, имѣть своихъ химиковъ и архитекторовъ. Надежды эти, къ сожалѣнію, не оправдались. Томскій технологическій институтъ съ первыхъ же дней своего существованія явился настоящимъ гнѣздомъ мѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей; наукѣ же здѣсь всегда отводилось самое послѣднее и весьма ничтожное мѣсто. Митинги, сходки, обструкціи, уличныя демонстраціи и экспропріаціи—вотъ перечень событій, составляющихъ исторію Томскаго технологическаго института. Открытъ онъ, какъ говорилось выше, 9 октября 1900 г., а въ февралѣ мѣсяцѣ 1901 г. начались уже крупные безпорядки.

5 и 6 февраля происходили частныя студенческія сходки, на которыхъ обсуждался вопросъ о временныхъ правилахъ 1899 г.; постановлено было, въ

*) „Сибирскіе Отголоски“ 1910 г., № 56.

видѣ протеста противъ этихъ правилъ, прекратить на неопредѣленное время занятія, причемъ группы студентовъ срывали чтеніе лекцій и угрожали насиліемъ лицамъ, не пожелавшимъ принять участіе въ политическихъ выступленіяхъ. На этомъ дѣло не остановилось.

Какъ извѣстно, 2 марта 1901 г. скончался Министръ Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ, раненый 14 февраля во время пріема прошеній выстрѣломъ Карповича, спрятавшагося за спиной одного изъ посѣтителей. Въ день полученія извѣстія о кончинѣ Николая Павловича студенты-технологи устроили уличную демонстрацію, закончившуюся пирушкой въ гостинницѣ „Европа“, гдѣ пили за „здоровье заключеннаго“ т. е. Карповича, въ то время какъ въ церкви университета совершалась по убитомъ Министрѣ панихида. Нужно же было дойти до такого нахальства и безстыдства! Неопредѣленное положеніе тянулось до 7-го марта, когда состоялась общестуденческая сходка, потребовавшая отмѣны временныхъ правилъ 1899 г. и полной амнистіи всѣхъ наказанныхъ за участіе въ безпорядкахъ 1900 и 1901 г.г. На этой сходкѣ всѣ присутствовавшіе единогласно рѣшили забастовать. Слѣдующія сходки были 8 и 9 марта; студенты собрались передъ зданіемъ института и вели себя настоящими хулиганами. Для прекращенія безпорядка прибыли и. д. Томскаго Губернатора бар. Дельвигъ и Попечитель учебнаго округа г Лаврентьевъ. 11 марта произведена была уличная демонстрація, при чемъ технологами раздавались и разбрасывались прокламаціи самаго возмутительнаго содержанія. Пришлось вмѣшаться полиціи и Губернскому Жандармскому Управленію. Въ ночь съ 11 на 12 апрѣля были арестованы и высланы изъ Томска, какъ лица, препятствовавшія своимъ товарищамъ слушать лекціи, ходить въ чертежныя и лабораторіи, слѣдующіе студенты:

Бродскій Веніаминъ
Волженскій Михаилъ

Калико Веніаминъ
Конягинъ Георгій
Платоновъ Василій
Рогатыхъ Николай

Кромѣ того; за участіе въ волненіяхъ вообще и за прикосновенность къ дѣламъ политическаге характера уволены:

Агафоновъ Дмитрій
Барановъ Григорій
Каменьщиковъ Николай
Кирѣевъ Дмитрій
Колобовъ Николай
Колосовъ Евгеній
Лукинъ Евгеній
Масалитиновъ Николай
Мельниковъ Александръ
Мещеряковъ Михаилъ
Мицпловскій Михаилъ
Поповъ Александръ
Титовъ Павелъ
Тиховъ Иванъ
Фромбергъ Лейба
Хомутовъ Леонидъ

Въ сущности, съ 1 февраля до 10 апрѣля 1901 г. занятій въ институтѣ совсѣмъ не происходило. 10 апрѣля чтеніе лекцій началось при 19 студентахъ и 11 апрѣля при 36-ти, причемъ группа изъ 7 человѣкъ не пропускала въ институтъ студентовъ, желавшихъ слушать лекціи. Вскорѣ наступили лѣтнія каникулы.

Много ли и чему учились студенты? Начальство института, въ лицѣ директора и профессоровъ, смотрѣло сквозь пальцы на всѣ проступки учащихся и даже какъ бы вселяло въ нихъ увѣренность безнаказанности. Справедливость требуетъ, однако-же, сказать, что при первыхъ безпорядкахъ въ 1901 г. директоръ Зубашевъ почти все время находился въ Петербургѣ; при немъ была только одна сходка по поводу распространившихся ложныхъ слуховъ о раз-

стрѣляніи нѣсколькихъ студентовъ университетовъ, отданныхъ въ военную службу. Въ данномъ случаѣ директоръ ограничился увѣщаніемъ, и сходка разошлась. Дальнѣйшее теченіе безпорядковъ въ 1901 г. было, какъ сказано выше, въ его отсутствіе, и безпорядки эти приняли крайне рѣзкій характеръ. Начальствомъ института были открыты лишь десять лицъ, виновныхъ въ демонстраціяхъ, тогда какъ участвовало въ нихъ отъ 100 до 150 человѣкъ. Попечитель учебнаго округа не однажды указывалъ на весьма скудныя познанія студентовъ, на отсутствіе воспитательнаго воздѣйствія со стороны профессоровъ, на неисполненіе инспекціей института ея обязанностей и на слабый надзоръ; но дѣло не принимало лучшаго оборота. Заключеніе Попечителя доведено было до свѣдѣнія Министерства, и бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія П. С. Ванновскій, въ письмѣ отъ 11 апрѣля 1901 года за № 9483, вполнѣ раздѣлялъ его. Объ этомъ г. Лаврентьевымъ сообщено было директору института по возвращеніи его въ г. Томскъ. Какъ же отнеслась ко всему этому институтская администрація? Приняла ли она серьезныя мѣры къ тому, чтобы направить дѣятельность студентовъ на надлежащій путь? Въ маѣ мѣсяцѣ 1901 г. Попечитель округа получилъ донесеніе отъ директора института, въ которомъ высказывались сужденія совѣта профессоровъ по поводу его указаній. Говорилось, что всѣ мѣры принимались и совѣтомъ, и директоромъ, и инспекціей, но что сдержать волненіе не легко, что крутыя, рѣшительныя мѣры не приводятъ обыкновенно къ успокоенію, но вызываютъ еще большее раздраженіе и волненія, а потому практиковались главнымъ образомъ мѣры увѣщанія; объяснялось, что принятіе такихъ, именно, мѣръ не свидѣтельствуетъ о недостаточности знанія студентовъ и о слабости инспекціи, а указываетъ, что совѣтъ считаетъ задачей своей „не кару студентовъ, а приведеніе ихъ въ чувство“ и возстановленіе правильныхъ занятій. Характерно въ этомъ донесеніи, что совѣту извѣстны имена студентовъ университета, принимавшихъ участіе въ

уличныхъ безпорядкахъ и служившихъ *коноводами*, но начальство института *находитъ неудобнымъ ихъ приводить*, такъ какъ вѣдать это надлежитъ университетскому начальству. Далѣе совѣтъ говоритъ, что, по засвидѣтельствованію директора, инспекція въ смутное время несла свои тяжелыя обязанности настолько успѣшно, насколько возможно было при подобныхъ обстоятельствахъ. Свое пространное объясненіе совѣтъ цросилъ представить въ Министерство, на что Попечитель учебнаго округа сообщилъ директору, что его указанія были преподаны для руководства, а не для обсужденія. Между тѣмъ студенты-технологи стали проявлять наклонность къ постоянному броженію. Слабость взысканія вела послѣдовательно къ распущенности; безнаказанность же участія въ сходкахъ и безпорядкахъ постепенно входила въ обычай.

Въ 1902 г. безпорядки продолжаются. Начались они въ февралѣ мѣсяцѣ. Наиболѣе серьезная сходка была 12 февраля, когда студенты постановили вновь забастовать. На сходку прибылъ Попечитель учебнаго округа Лаврентьевъ, собралъ профессоровъ и преподователей и предложилъ имъ обсудить мѣры къ предупрежденію безпорядковъ; но толку изъ этого не вышло. Технологи до конца учебнаго года за дѣло не принимались, устраивали безобразныя выходки и получили въ обществѣ названіе „скандалистовъ“.

10 марта 1902 г. въ зданіи общественнаго собранія, во время вечера общества вспомоществованія учащимся, часть студентовъ университета и института, занявши въ нижнемъ этажѣ помѣщеніе, отведенное подъ буфетъ, образовала сходку и, избравъ предсѣдателемъ студента *Тихова*, повела шумные и безпорядочные дебаты. Когда же этотъ шумъ привлекъ сюда многихъ другихъ студентовъ и любопытныхъ изъ публики и когда въ помѣщеніи этомъ стало душно и тѣсно, студенты порѣшили перейти во второй этажъ, въ залѣ котораго, по окончаніи спектакля, шли танцы. Шумною и безпорядочною толпою, человѣкъ въ двѣсти, они двинулись вверхъ по лѣстницѣ и расположились въ одной изъ столовыхъ. Хотя предсѣдате-

лемъ сходки и была установлена очередь для ораторовъ, заявившихъ о своемъ желаніи говорить, однако и здѣсь порядка не было: рѣчи прерывались криками, аплодисментами, перебранкой и ругательствами. Шумный переходъ студентовъ изъ нижняго этажа въ верхній, суетливость, свистъ и гиканіе въ столовой такъ дурно подѣйствовало на лучшую часть публики этого вечера, что она, опасаясь серьезныхъ послѣдствій неумѣстной сходки полупьяныхъ студентовъ, поспѣшила оставить собраніе. Увѣщанія и убѣжденія распорядителя вечера проф. *Образцова*, съ которыми не разъ онъ обращался къ студентамъ, прося ихъ успокоиться, оставить сходку и итти, кто можетъ, къ гостямъ—не дѣйствовали на шумѣвшихъ и галдѣвшихъ студентовъ. На сходкѣ обсуждались два вопроса:

1. Какъ отнестись къ послѣднимъ студенческимъ волненіямъ,— выразить ли имъ сочувствіе забастовкою теперь же, или пока вздержаться отъ всякихъ выраженій сочувствія, и

2. Какъ отнестись къ слуху объ оскорбительномъ намѣреніи купца Кухтерина, имѣющаго здѣсь же, на вечерѣ, предложить студентамъ университета крупное денежное пожертвованіе съ выраженіемъ благодарности и признательности отъ томскаго купечества за ихъ благонравное поведеніе, такъ какъ въ текущемъ учебномъ году студенты Томскаго университета не допустили никакихъ безпорядковъ ни въ стѣнахъ университета, ни внѣ его?

Слухъ о Кухтеринѣ оказался совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности и на вечерѣ его не было.

2 и 3 апрѣля 1902 г. въ институтѣ были серьезныя волненія, которыя, ослабѣвая или усиливаясь, происходили затѣмъ вплоть до наступленія лѣтнихъ каникулъ.

Въ осеннемъ семестрѣ занимались немного; больше дѣйствовали «скандалисты». Въ ноябрѣ мѣсяцѣ студенты по поводу вступительной лекціи освистали либерально—революціоннаго проф. Тираспольскаго и вы-

шло: «своя своихъ не познаша». 6 декабря 1902 г. въ общественномъ собраніи на устроенномъ въ пользу студентовъ технологическаго института вечерѣ, они произвели новый скандалъ при исполненіи гимна: «Боже, Царя храни»! «Хулиганствующая молодежь» свистала и пѣла революціонныя пѣсни. 9 декабря устроена была общестуденческая сходка, съ порицаніемъ государственнаго строя Россійской Имперіи и правительства. Учащіеся приглашались къ забастовкѣ и рекомендовалось насиліе надъ лицами, несочувствующими „сознательной“ части студенчества, а также обструкція.

Участники сходки, нарушители порядка вообще и лица, примѣнявшія ту или другую обструкцію, начальствомъ института не переписывались; разслѣдованія не производилось, и все дѣло ограничивалось попрежнему «бесѣдами» и «увѣщаніями» директора. Серьезная сходка 12 февраля вызвала также лишь увѣщаніе директора; такая же мѣра принята была и по отношенію къ сходкѣ 9 декабря 1902 года, о которой сообщено было въ округъ 18-го декабря. Случаи подобныхъ промедленій въ донесеніяхъ наблюдались очень часто, какъ будто директоръ хотѣлъ проявить свою независимость и избѣгалъ контроля высшаго учебнаго начальства надъ его дѣйствіями. Объ устроенномъ скандалѣ 6 декабря 1902 г. въ общественномъ собраніи на вечерѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ сообщено было въ округъ лишь 18 декабря. По поводу свиста, раздававшагося по адресу Тираспольскаго, слѣдствія не было, и виновные никакого наказанія не понесли.

III

Безпорядки усиливаются. Побоище около Думскаго моста. Попытки приступить къ занятіямъ. Дѣйствія обструкціонеровъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло становилось все хуже. Безпорядки стали усиливаться.

18 февраля 1903 г. группа студентовъ университета въ нѣсколько десятковъ человѣкъ направилась въ часъ дня къ технологическому институту, гдѣ поджидали ихъ технологи. Настроеніе пришедшихъ и вышедшихъ навстрѣчу имъ товарищей, подъ вліяніемъ приготовленій къ демонстраціи на 19 февраля, было настолько приподнято, что кѣмъ-то сдѣланное предложеніе направиться въ городъ было встрѣчено общимъ согласіемъ. Взвилось наскоро приготовленное красное знамя. Подъ звуки „Марсельезы“, „Дубинушки“ и «Сбейте оковы» молодежь двинулась впередъ —по Садовой улицѣ. Толпа, состоявшая въ началѣ не болѣе, какъ изъ 200 человѣкъ, постепенно росла. Студенты, по обыкновенію, кричали: «Долой самодержавіе!..» „Да здравствуетъ свобода!..“ „Долой Царя!..“ „Да здравствуетъ соціализмъ!..“ и требовали учрежденія демократической республики. Вокругъ же происходилъ глухой ропотъ, вскорѣ смѣнившійся бурнымъ негодованіемъ народа. Многіе открыто ругали студентовъ дармоѣдами, бездѣльниками и даже мерзавцами. Изъ базарныхъ лавокъ выбѣжали приказчики и подручные, съѣхались извозчики, сбѣжались рабочіе и накинулись около Думскаго моста на толпу демонстрантовъ. Произошла форменная драка: били другъ друга кулаками, топтали ногами; взвивались палки; пускались въ ходъ кастеты и даже ножи. Изъ студентовъ особенно энергично дѣйствовалъ медикъ 1-го курса Аркадій *Бродовиковъ*. По свидѣтельству очевидцевъ, онъ все время былъ въ серединѣ демонстративной толпы и ораторствовалъ.... Во время побоища Бродовиковъ призывалъ къ натиску и кричалъ: „Зачѣмъ, братцы, разбѣгаетесь!..“ Какъ сильный человѣкъ, онъ „долго бился съ врагами прогресса и культуры“, пока не ослабѣлъ; дрался, по отзыву полиціи, вообще сильно и храбро, поддерживаемый студентами университета и технологическаго института. Просьба Томскаго Губернатора, прибывшаго къ мѣсту свалки, прекратить драку осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; даже отряды конной и пѣшей полиціи, съ полиціймейстеромъ и приставами

во главѣ, едва могли остановить побоище. Съ той и другой стороны много было избитыхъ; нѣкоторые настолько сильно пострадали, что ихъ пришлось отправить въ больницу. Въ Томскѣ это побоище извѣстно подъ именемъ „битвы русскихъ съ кабардинцами", такъ какъ изъ числа студентовъ-бойцовъ значительная часть принадлежала къ инородцамъ Кавказа. Арестовано 70 человѣкъ, въ томъ числѣ 30 технологовъ.

На слѣдующій день, 19 февраля 1903 года, по главнымъ улицамъ города ходили группы лицъ, въ ожиданіи демонстраціи; но этотъ день прошелъ тихо, въ приготовленіи къ безпорядкамъ на 20 февраля. Сходка состоялась въ читальнѣ 2-го студенческаго общежитія около 7-ми часовъ вечера и продолжалась не болѣе часа. Кромѣ студентовъ, здѣсь находились, по указанію завѣдывавшаго общежитіемъ Корниловича, служащіе въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина—Ивановъ и Семеновъ и другія постороннія лица. Студентами и томскими соціалъ-демократическими группами было заготовлено свыше 4000 прокламацій: „Къ народу", „Къ лишеннымъ правъ", „Къ рабочимъ" и др. По городской почтѣ разосланъ былъ цѣлый рядъ писемъ съ призывомъ къ активному участію въ демонстраціи.

20-го февраля съ 10-ти часовъ утра въ институтѣ и университетѣ состоялись сходки, на которыхъ присутствовало, въ общемъ, до 1000 человѣкъ. Большинствомъ голосовъ рѣшено было немедленно устроить демонстрацію. Выйдя на улицу, технологи и студенты университета образовали толпу до 700 человѣкъ и двинулись съ революціонными пѣснями къ соборной площади. Опять взвился красный флагъ, съ одной стороны котораго была надпись: „Долой самодержавіе!" а съ другой: „Да здравствуетъ соціализмъ!..." Толпа демонстрантовъ возрастала, и когда они приблизились къ зданію желѣзнодорожнаго управленія, численность ея дошла до 2000 человѣкъ. Изъ открытой форточки окна управленія послышался возгласъ: „Долой самодержавіе!" подхваченный толпой,

и черезъ нѣсколько минутъ все зданіе управленія, вмѣщавшее нѣсколько сотъ служащихъ, опустѣло. У управленія однимъ изъ студентовъ произнесена была рѣчь, выяснившая значеніе демонстраціи, а затѣмъ всѣ двинулись впередъ, но появившійся батальіонъ солдатъ преградилъ дальнѣйшій путь! Въ это время толпа достигала 3—4000 человѣкъ. Студенты продолжали неистово выкрикивать: „Долой самодержавіе!..“ Вслѣдствіе этого, по распоряженію Вице-Губернатора, были окружены солдатами. Обстоятельство это такъ подѣйствовало на безобразниковъ, что они тутъ же смирились и дали Вице-Губернатору обѣщаніе разойтись, если будутъ удалены солдаты. Вице-Губернаторъ распорядился удалить войско; студенты же черезъ двери университетскихъ клиникъ прошли въ университетскій дворъ и черезъ университетскія ворота вышли на улицу, гдѣ опять образовали толпу и продолжали пѣть и кричать. На этотъ разъ полиція, къ сожалѣнію, бездѣйствовала, и демонстранты разошлись около 4-хъ часовъ вечера со свистомъ и гамомъ. Задержано около 200 человѣкъ.

Отвѣтственности за безпорядки 18 и 20 февраля были подвергнуты слѣдующіе студенты Томскаго технологическаго института, какъ наиболѣе виновные:

Богдановичъ Вячеславъ
Бондаревъ Дмитрій
Дистлеръ Александръ
Зурабовъ Яковъ
Ковалевскій Антонъ
Коневъ Ѳедоръ
Короваевъ Константинъ
Линскій Виталій
Малыхъ Сергѣй
Минскій Марко
Молхасовъ Александръ
Накрапъ Павелъ
Никольскій Петръ
Никоновъ Иванъ
Овчинниковъ Яковъ
Павловъ Александръ

Пискуновъ Иванъ
Поповъ Дмитрій
Розинъ Алексѣй
Сарибанъ Моисей
Семеновъ Александръ
Суторихинъ Леонидъ
Тиховъ Иванъ

Послѣ демонстраціи 18 и 20 февраля, въ которой участвовали, какъ говорилось выше, студенты обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній гор. Томска—университета и технологическаго института, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія было предложено, „въ случаѣ непрекращенія проявленнаго студентами движенія и неуспѣшности увѣщаній со стороны кураторовъ и учебной администраціи передать дѣло безъ промедленія профессорскому суду". Въ виду этого управленіе округа просило директора института представить списокъ студентовъ, которые по тѣмъ или инымъ даннымъ оказываютъ воздѣйствіе на товарищей въ смыслѣ нарушенія спокойнаго теченія академической жизни и руководятъ движеніемъ и сходками. Вмѣсто исполненія такого порученія, Зубашевъ донесъ, что степень участія отдѣльныхъ студентовъ должна быть установлена профессорскимъ судомъ. Если это положеніе должно быть соблюдаемо, то онъ не считаетъ возможнымъ представлять оффиціальнымъ образомъ списки студентовъ, которые, по его личному мнѣнію, или по мнѣнію инспекціи являются наиболѣе вліяющими на товарищей въ отношеніи нарушенія порядка: такой, по убѣжденію Зубашева, списокъ долженъ быть представленъ, какъ результатъ уже разбора дѣла о нарушеніи студентами порядка въ стѣнахъ института, профессорскимъ судомъ. Этотъ весьма странный взглядъ директора на положеніе вещей въ значительной мѣрѣ воспрепятствовалъ успѣшному разслѣдованію дѣла о студенческихъ безпорядкахъ со стороны командированныхъ для этой цѣли въ гор. Томскъ бывшаго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Фонъ-Валя и Члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія тайнаго совѣтника Та-

вилдарова. По мнѣнію фонъ-Валя, въ Томскомъ технологическомъ институтѣ никогда не было порядка, а были только безпорядки; въ частности же чины инспекціи признаны были имъ виновными въ слѣдующемъ: 1) не явились на мѣсто демонстраціи 18 февраля 1903 года; 2) не выполнили своихъ обязанностей по наблюденію за воспитанниками 20 февраля; 3) внесли въ списокъ участниковъ демонстраціи только 23 студента; 4) отказались подъ разными предлогами давать показанія относительно участниковъ демонстраціи 20 февраля, вслѣдствіе чего пока не привлеченъ къ судебной отвѣтственности никто изъ технологовъ; 5) нарушали долгъ вѣрноподданныхъ и 7) оказали, по внушенію г. Зубашева, противодѣйствіе дѣлу выясненія студентовъ-технологовъ, виновныхъ въ безпорядкахъ, а также отказались отъ дачи показаній при разслѣдованіи этого дѣла. О противодѣйствіи начальства института выясненію студентовъ, виновныхъ въ безпорядкахъ, генералъ фонъ-Валь, какъ видно изъ телеграммы Министра Народнаго Просвѣщенія, докладывалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, но при этомъ имъ было сказано, что директоръ все таки далъ обѣщаніе прокурору Омской Судебной Палаты оказать возможное содѣйствіе къ выясненію виновныхъ, а потому Министръ Народнаго Просвѣщенія просилъ Попечителя учебнаго округа донести, при какихъ условіяхъ и въ какой формѣ дано было директоромъ Зубашевымъ это обѣщаніе и что было во исполненіе обѣщанія сдѣлано? На запросъ Попечителя учебнаго округа Зубашевъ отвѣтилъ, что онъ никогда не противодѣйствовалъ выясненію виновныхъ въ безпорядкахъ, но что онъ, согласно уставу и инструкціи для инспекціи только утверждалъ о несправедливости обвиненія инспекціи въ несоставленіи списковъ студентовъ, участвовавшихъ въ уличныхъ безпорядкахъ, такъ какъ это дѣло полиціи. Тѣмъ все и кончилось.

По донесенію объ этомъ Министерству, послѣднее разъяснило, что Зубашевъ не правъ былъ, уклоняясь отъ составленія списка студентовъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ и считавшихся вожаками; что пред-

варительно передачи въ профессорскій судъ дѣла о нарушеніи студентами правилъ, ему неизбѣжно приходилось составить списокъ тѣхъ, поступки которыхъ онъ передавалъ на разсмотрѣніе суда; списокъ этотъ не могъ не группировать студентовъ по извѣстнымъ категоріямъ поступковъ, соотвѣтствующихъ той или другой степени ихъ виновности; независимо отъ этого, директоръ въ порядкѣ чисто административной дѣятельности обязанъ намѣчать мѣропріятія дисциплинарнаго свойства, касающіяся учащихся; о результатахъ же надзора за студентами, который порученъ инспекціи, но подъ руководствомъ директора, обязанъ, по требованію окружнаго начальства, доставлять въ управленіе округа имѣющіяся подъ руками свѣдѣнія.

21 февраля въ технологическомъ институтѣ ни одной лекціи не состоялось, но около 11 часовъ въ аудиторіи № 1 собралось 400 человѣкъ. Сходка разошлась въ 2 часа дня, постановивъ забастовать, если къ участникамъ демонстраціи 18 февраля будутъ примѣнены какія-либо репрессивныя мѣры. Съ 22 до 27 февраля институтъ посѣщали не болѣе 350—370 студентовъ. 28 февраля въ 11 часовъ утра собралось на сходку около 200 технологовъ, постановившихъ устроить забастовку. Забастовщики ходили къ профессорамъ съ просьбою прекратить чтеніе лекцій.

1 марта 1910 г. съ 9-ти часовъ утра состоялись лекціи профессоровъ *Янишевскаго* и *Салтыкова* и преподавателей *Первова* и *Тихонова*. Преподаватель *Любимовъ* велъ занятія по геодезіи. Въ модельной занимались черченіемъ. Учащихся на лекціяхъ было, однако же, мало, по 5—10 человѣкъ. Въ 10 часовъ институтъ наполнился студентами, которые стали входить въ аудиторіи и препятствовать чтенію лекцій тѣмъ, что безпрерывно и громко просили профессоровъ о прекращеніи занятій. Вслѣдствіе этого было прекращено чтеніе лекцій профессорами Салтыковымъ и Янишевскимъ, а также преподавателями Тихоновымъ и Первовымъ; институтъ же былъ на два дня закрытъ.

3-го марта занятія въ технологическомъ институтѣ начались правильно, но въ 10 часовъ обструкціонеры, въ количествѣ 37 человѣкъ, сдѣлали попытку прекратить чтеніе лекцій по физикѣ. Попытка встрѣтила, однако, дружный отпоръ со стороны профессора *Ефимова* и слушателей, которыхъ было около 100 человѣкъ; при этомъ нѣкоторые изъ слушателей съ крикомъ: „вонъ!“ и „подлецы!“ вскочили съ мѣстъ, потрясая въ воздухѣ кулаками. Профессоръ Ефимовъ предупредилъ драку, обратившись къ вошедшимъ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ просилъ ихъ не вносить въ аудиторію пріемовъ фабрики и мастерской и не позорить себя насиліемъ надъ преподаваніемъ, котораго имъ никто не навязываетъ; слушателямъ же посовѣтовалъ избѣгать рѣзкостей и брани. Обструкціонеры стали понемногу поворачиваться къ выходу и затѣмъ удалились. Чтеніе лекціи пошло далѣе своимъ порядкомъ.

1-65499

Обструкція 1 и 3 марта явилась слѣдствіемъ сходки 28 февраля, такъ какъ участниками были выполнены постановленія этой сходки.

10-го марта 1903 г. не могли состояться лекціи проф. *Бобарыкова* и преподавателя *Тихонова*, такъ какъ въ аудиторіяхъ №№ 2 и 4, а также въ трехъ чертежныхъ были раздавлены пузырьки съ вонючею жидкостью, быстро испаряющейся и настолько удушливой, что ни профессора, ни студенты не могли оставаться въ аудиторіяхъ. Проф. *Ефимовъ* и преподаватель *Первовъ* продолжали чтеніе лекцій, такъ какъ въ тѣхъ аудиторіяхъ, гдѣ они читали, зловоніе было не особенно сильное. 11-го марта студентовъ было 209, 12-го 304, 13-го марта явилось 272. Въ началѣ 12-го часа 13 марта на главной лѣстницѣ и въ одной раздѣвальной комнатѣ опять было брошено нѣсколько стклянокъ съ вонючею жидкостью, но онѣ были убраны и занятія продолжались. 21-го марта 1903 г. въ 10 часовъ утра снова брошены въ нѣкоторыхъ чертежныхъ и на главной лѣстницѣ института стклянки съ изонитриломъ, а на боковой лѣстницѣ при входѣ разбита стклянка съ сѣроводородомъ. Вонь распростра-

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

нилась настолько сильно, что большинство студентовъ ушли изъ института. 24 марта передъ лекціей проф. *Ефимова* обструкція повторилась. До 31 марта занятій почти не происходило,—лекціи посѣщали десятки студентовъ. 31 марта, когда собралось болѣе или менѣе значительное количество учащихся, на площадкѣ лѣстницы была разлита стклянка съ изонитриломъ, а въ коридорѣ разбросано воззваніе, призывающее продолжать забастовку и до послѣдней возможности бороться съ самодержавіемъ.

IV

Опять все то-же. Дѣло студента Ершова.

18-го апрѣля 1903 г., около 3-хъ часовъ по полудни, у главныхъ университетскихъ воротъ и клиническихъ зданій начали показываться кружки разнаго рабочаго люда, которые вели себя сдержанно и стояли спокойно, повидимому, въ ожиданіи чего-то особеннаго. Проходившіе мимо слышали отдѣльныя фразы: „Нужно ждать“... „Намъ нечего опасаться“... „Нужно только, чтобы насъ было много“.., Выходившіе въ это время небольшими группами изъ университета студенты проходили мимо кружковъ, не обращая на нихъ вниманія. Послѣ трехъ часовъ по полудни, когда студенты совершенно разошлись изъ университета, кружки рабочихъ, предводительствуемые переодѣтыми студентами, спѣшно пошли по направленію къ клиникѣ. Затѣмъ около 5-ти часовъ по полудни постепенно увеличивающаяся толпа собралась около магазина Гадалова, что вынудило послѣдняго закрыть свой магазинъ,—пошла по направленію къ почтово-телеграфной конторѣ и, наконецъ, когда стемнѣло, сосредоточилась около двухъ мостовъ—Базарнаго и Думскаго. Демонстрація была, какъ и всѣ вообще антиправительственныя демонстраціи. Студентовъ насчитывалось около 100 человѣкъ; большинство изъ нихъ одѣлось въ партикулярное платье.

Наиболѣе другихъ выдавался студентъ механическаго отдѣленія *Гавриловъ*, который за неисполненіе требованія полиціи „разойтись“ и за увѣщаніе собравшейся толпы не расходиться былъ арестованъ и посаженъ на 6 сутокъ въ тюрьму; дѣятельное же участіе въ демонстраціи принимали студенты технологическаго института *Накрапъ* и *Никоновъ*.

16 октября директоромъ института Зубашевымъ, по просьбѣ студентовъ *Соболевскаго* и *Рѣпина*, разрѣшена была вечеринка внѣ стѣнъ института. Вечеринка состоялась 20 октября на Черепичной ул., а 23 и 24 было произведено нѣсколько арестовъ, по требованію чиновъ жандармскаго управленія, такъ какъ на вечеринкѣ 20 октября и на бывшемъ затѣмъ 22 октября вечерѣ въ общественномъ собраніи, устроенномъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, какъ и слѣдовало ожидать, читались рефеты противоправительственнаго содержанія и произносились рѣчи революціоннаго характера. Арестованы слѣдующіе студенты:

Дистлеръ Александръ
Дистлеръ Леонидъ
Красинъ Леонидъ
Левинъ Беръ-Гершевичъ
Отлановъ Алексѣй
Соболевскій Аркадій
Тиховъ Иванъ

На сходкѣ 25 октября присутствовало около 200 студентовъ, высказавшихъ порицаніе комитету по студенческимъ дѣламъ за распредѣленіе стипендій, не считаясь съ мнѣніемъ группы студентовъ, принявшей на себя обязанность распредѣлять эти стипендіи. Здѣсь же говорились рѣчи по поводу арестовъ 23 и 24 октября, съ призывомъ вести до послѣдней степени борьбу „съ царскими опричниками“.

27 октября произведенъ скандалъ въ театрѣ, гдѣ въ этотъ вечеръ шла оперетка „Прекрасная Елена“. Студентовъ собралось изъ ряда вонъ выходящее количество; преимуществовали, однако же, технологи; ложи второго яруса были ими сплошь наполнены;

много студентовъ находилось на галлереѣ и въ партерѣ. По окончаніи перваго дѣйствія, какъ только опустился занавѣсъ, изъ ложи второго яруса послышалась громкая рѣчь одного изъ технологовъ, говорившаго, что студенты собрались здѣсь съ цѣлью протеста противъ бывшихъ арестовъ ихъ товарищей. Раздались крики: „Долой самодержавіе"!... И въ то же время изъ ложъ посыпалась внизъ на публику масса прокламацій преступнаго содержанія. Вслѣдствіе этого, по распоряженію гражданскихъ властей, ложи были заперты, и 164 студента, преимущественно изъ технологовъ, были арестованы. Въ числѣ арестованныхъ находились:

Ананьинъ Евгеній
Барановъ Николай
Блиновсковъ Андрей
Бочковъ Михаилъ
Бржестовскій Владиміръ
Власовъ Александръ
Гросманъ Николай
Душинъ Николай
Зайцевъ Александръ
Здановичъ Константинъ
Каганъ Абрамъ Соломоновичъ
Казанскій Порфирій
Конаховъ Ѳедоръ
Кононовъ Борисъ
Кулаевъ Владиміръ
Поповъ Клавдій
Прохоровъ Александръ
Рѣпинъ Дмитрій
Сениловъ Аркадій
Скоробогатовъ Михаилъ
Смирновъ Александръ
Тимоѳеевъ Анатолій
Ткаченко Михаилъ
Топорковъ Александръ
Тюленевъ Петръ
Черницкій Іосифъ

Чередовъ Михаилъ
Шалаевъ Николай
Щегловъ Владиміръ
Юматовъ Григорій
Юртинъ Дмитрій
Яновицкій Всеволодъ
И др.

28 октября 1903 года мы видимъ въ технологическомъ институтѣ сборище студентовъ, обсуждавшихъ уже происшествіе въ театрѣ. Лекціи и занятія шли правильно, но при весьма незначительномъ количествѣ учащихся.

30 октября сходка въ технологическомъ институтѣ по поводу студента *Ершова*. Приблизительно около половины второго часа дня, въ то время, когда директоръ института былъ на вступительной лекціи преподавателя Соболевскаго, въ чертежной перваго корпуса механическаго отдѣленія собралась большая толпа технологовъ; инспекторъ студентовъ сообщилъ объ этомъ директору, при выходѣ его съ лекціи. Еще наканунѣ, вечеромъ, къ Зубашеву обратилось нѣсколько человѣкъ съ заявленіемъ, что начальникъ охраннаго отдѣленія предложилъ студенту Ершову доносить, кто изъ товарищей и какое принимаетъ участіе въ недозволенныхъ дѣяніяхъ и что, по словамъ того же Ершова, начальникъ охраннаго отдѣленія предложилъ другому студенту—*Емельянову*, арестованному въ числѣ прочихъ въ театрѣ во время демонстраціи 27 октября, выдать товарищей, производившихъ демонстрацію, съ угрозой, что, въ противномъ случаѣ, онъ не будетъ выпущенъ. Директоръ, по объясненію его, старался успокоить студентовъ и вечеромъ 30 октября былъ у Губернатора, отъ котораго узналъ, что относительно Емельянова слухъ ложенъ, такъ какъ дознанія по поводу демонстраціи въ театрѣ производиться не будутъ до пріѣзда прокурора судебной палаты и потому никакого сношенія съ арестованными охранное отдѣленіе не имѣло и не имѣетъ и никакого предложенія Емельянову сдѣ-

лать не могло. Узнавъ, что собравшіеся въ чертежной студенты обсуждаютъ вопросъ объ Ершовѣ, директоръ прошелъ въ чертежную и засталъ тамъ около 150 человѣкъ, допрашивающихъ Ершова; имъ предложено было немедленно разойтись, а Ершова Зубашевъ попросилъ къ себѣ въ кабинетъ и узналъ отъ него слѣдующее.

30 октября, утромъ, Ершовъ съ отцомъ студента Дитмара поѣхалъ къ начальнику охраны ходатайствовать объ освобожденіи студента *Емельянова*, какъ лица безусловно не принимавшаго участія въ демонстраціи и какъ принадлежащаго къ студенческой корпораціи „Трудъ и Надежда“, въ которой состоитъ и Ершовъ. Начальникъ охраннаго отдѣленія на эту просьбу заявилъ, что арестованнымъ сдѣлано предложеніе указать, кто, именно, производилъ демонстрацію, и если они не укажутъ, никто не будетъ освобожденъ, и далѣе предложилъ Ершову указать студентовъ, производящихъ смуту, на что Ершовъ сказалъ, что онъ, какъ корпорантъ, стоитъ въ сторонѣ отъ остальныхъ товарищей, фамилій многихъ не знаетъ и никакого участія въ студенческихъ движеніяхъ не принимаетъ и никого указать не можетъ. При выходѣ отъ начальника охраны, онъ встрѣтилъ студентовъ, которые потребовали отъ него объясненіе, зачѣмъ онъ туда пріѣзжалъ. Объясненіемъ Ершова они не удовлетворились, результатомъ чего и явилась сходка студентовъ, желавшихъ выяснить, состоитъ ли Ершовъ агентомъ охраннаго отдѣленія. 31 октября и 1 ноября никакихъ собраній, повидимому, не было, но вопросъ о Ершовѣ продолжалъ волновать студенчество, и директоръ института просилъ корпорацію „Трудъ и Надежда“, къ которой принадлежалъ Ершовъ, разобраться въ этомъ дѣлѣ и свое рѣшеніе сообщить ему, директору. Судъ чести корпораціи „Трудъ и Надежда“, разсмотрѣвъ дѣло о компрометирующихъ студента механическаго отдѣленія Ершова слухахъ, пришелъ къ заключенію, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, что Ершовъ совершенно не виновенъ въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ.

V.

„Не экзаменъ, а комедія". Студентамъ не понравилось серьезное отношеніе къ дѣлу преподаванія Соболевскаго. И. д. Директора института проф. Обручеву предложено оставить сходку. Порицаніе Соболевскому.

Съ второй половины февраля 1904 г. въ Томскомъ технологическомъ институтѣ среди студентовъ 1-го курса возникло недовольство по поводу преподаванія геодезіи. Новый преподаватель этого предмета горный инженеръ П. К. Соболевскій, желая поставить изученіе геодезіи наилучшимъ образомъ, организовалъ практическія занятія, программа которыхъ была одобрена собраніями отдѣленій и совѣтомъ института въ декабрѣ 1903 г. Въ виду перехода геодезическаго кабинета въ новое помѣщеніе (въ физическомъ корпусѣ) и приготовленія обстановки и пособій, практическія занятія начались только съ половины февраля и посѣщались студентами первое время весьма охотно; но затѣмъ они нашли, что эти занятія отнимаютъ очень много времени и при томъ въ ущербъ изученію другихъ предметовъ. На этой почвѣ возникли пререканія между преподавателемъ и студентами, которые, наконецъ, въ первой половинѣ марта обратились къ директору института съ просьбой уменьшить программу въ виду поздняго начала занятій. Совѣтъ, разсмотрѣвши вновь программу, удовлетворилъ просьбу студентовъ, уменьшилъ занятія настолько, что-бы они могли быть исполнены каждымъ учащимся при затратѣ двухъ вечернихъ часовъ въ недѣлю. По этой программѣ занятія и продолжались до и послѣ пасхальныхъ каникулъ, при чемъ преподавателю помогали особо приглашенные ассистенты. Во время разговоровъ о предстоящемъ экзаменѣ студенты спрашивали преподавателя, будутъ ли ему на экзаменѣ помогать ассистенты и нельзя ли экзаменоваться у нихъ, а не у него, т. е. у Соболевскаго? Студенты видѣли, конечно, серьезное отношеніе Соболевскаго къ исполненію своихъ обязанностей и знали повышенныя требованія его, сравнительно съ

предыдущими годами, когда экзаменъ по геодезіи принадлежалъ, въ числѣ другихъ, къ самымъ легкимъ, а потому и ставили такой вопросъ. Многіе, въ виду потери времени на безпрерывныя забастовки и демонстраціи, боялись не выдержать экзамена у г. Соболевскаго или, какъ выражались „провалиться". Послѣдній объяснилъ имъ, что ассистенты станутъ помогать ему на экзаменѣ, но что каждый изъ нихъ будетъ экзаменовать по особому отдѣлу, такъ что студентъ долженъ отвѣчать послѣдовательно нѣсколькимъ экзаменаторамъ, въ томъ числѣ и ему, Соболевскому, и не можетъ обойти послѣдняго. Подобный необычный для Томскаго технологическаго института, гдѣ все дѣлалось кое какъ, лишь бы съ плечъ долой, способъ предполагаемаго экзамена, конечно, не уменьшилъ опасеній студентовъ

2-го апрѣля, во время пасхальныхъ каникулъ, въ аудиторіи № 13 происходилъ, по соглашенію съ студентами 1-го курса, экзаменъ изъ теоретической механики. Въ виду отсутствія преподавателя этого предмета, проф. Н. Н. Салтыкова, находившагося въ отпускѣ, испытаніе производилъ одинъ изъ руководителей практическихъ занятій по механикѣ на 1-мъ курсѣ В. Ю. Ганъ. П. К. Соболевскій, случайно зашедшій въ эту аудиторію, увидѣлъ здѣсь толпу студентовъ, при чемъ одни—въ заднихъ рядахъ курили; другіе, стѣснившись къ столу и доскамъ, у которыхъ находились экзаменующіеся, открыто подсказывали послѣднимъ. Не замѣтивъ сначала, что онъ попалъ на экзаменъ, Соболевскій обратился къ присутствовавшимъ съ вопросомъ, что здѣсь происходитъ, частное ли совѣщаніе, запись на экзаменъ, раздача лекцій или что нибудь подобное? Получивъ отвѣтъ, что это экзаменъ, онъ выразился вслухъ: „въ такомъ случаѣ это не экзаменъ, а комедія"! и, пораженный видѣннымъ, пришелъ къ исправляющему тогда должность директора института проф. Обручеву въ геологическій кабинетъ, чтобы передать свои впечатлѣнія. Соболевскаго главнымъ образомъ волновала мысль, что если въ Томскомъ технологическомъ институтѣ

допускается подсказываніе, куренье и т. п. безпорядки, то это же должно быть и у него на экзаменѣ; недопустить же безобразій—значитъ вызвать скандалъ. При разсказѣ Соболевскаго въ кабинетѣ директора находились профессора Л. Л. Тове и И. И. Бобарыковъ, такъ что сообщеніе Соболевскаго не носило конфиденціальнаго характера, а являлось разсказомъ человѣка, дѣйствительнаго взволнованнаго видѣннымъ и своими по этому поводу соображеніями. И. И. Бобарыковъ успокаивалъ Соболевскаго, указывая, какъ примѣръ, на себя, который считается строгимъ экзаминаторомъ, а между тѣмъ студенты не устраивали ему скандаловъ. До прихода Соболевскаго, Обручевъ намѣревался обойти аудиторіи, въ которыхъ производились экзамены въ этотъ день, но послѣ полученнаго сообщенія рѣшилъ не итти туда, чтобы его появленіе и связанное съ нимъ возстановленіе порядка не было поставлено студентами въ связь съ посѣщеніемъ экзамена Соболевскимъ и не увеличило ихъ недовольства послѣднимъ. Только спустя три съ половиною часа, передъ окончаніемъ занятій въ институтѣ, и. д. директора обошелъ аудиторіи и заглянувъ въ аудиторію № 13, увидѣлъ, что у досокъ находятся послѣдніе экзаменующіеся; возлѣ одного изъ нихъ-экзаминаторъ Ганъ; другихъ студентовъ не было, но окурки, разбросанные по полу, позволяли судить о томъ, что въ аудиторіи дѣйствительно курили. Такъ какъ въ особомъ вмѣшательствѣ не было уже надобности, то проф. Обручевъ и не вошелъ въ аудиторію.

3 апрѣля, на той же пасхальной недѣлѣ, чтобы поскорѣе освободиться отъ занятій въ институтѣ, былъ ранѣе назначенъ Ганомъ еще одинъ экзаменъ по теоретической механикѣ; но въ виду безпорядка, допущеннаго студентами наканунѣ, который былъ такъ „нетактично“ оглашенъ Соболевскимъ, Ганъ не пожелалъ болѣе экзаменовать ихъ. о чемъ попросилъ инспекцію вывѣсить объявленіе. Тотъ фактъ, что объявленіе вывѣсилъ не экзаминаторъ, а инспекція, былъ естественно сопоставленъ студентами съ появленіемъ Соболевскаго на экзаменѣ и разговоромъ

его въ кабинетѣ директора; изъ этого вывели заключеніе, что второй экзаменъ отмѣненъ былъ Ганомъ по распоряженію проф. Обручева и что виновникомъ создавшагося положенія является никто иной, какъ „шпіонъ“ Соболевскій.

За нѣсколько дней до описаннаго событія вышли изъ печати одобренныя совѣтомъ института еще въ декабрѣ мѣсяцѣ программы по геодезіи; познакомившись съ ними, студенты замѣтили, что въ нихъ-де имѣются вопросы, о которыхъ Соболевскій на лекціяхъ не говорилъ; и, хотя послѣдній предупредилъ студентовъ, что на экзаменѣ по геодезіи будутъ спрашивать только то, что онъ прочиталъ на лекціяхъ, программы дали еще одинъ поводъ для безпокойства. И вотъ 9 апрѣля въ чертежныхъ 1-го курса появились объявленія, приглашавшія студентовъ 12 апрѣля на сходку, „для обсужденія поступка Соболевскаго на экзаменѣ по теоретической механикѣ и выпущенной имъ программы по геодезіи“. Эти объявленія были сняты инспекціей и представлены и. д. директора, но возобновлялись затѣмъ нѣсколько разъ, какъ 9, такъ и 10 апрѣля, при чемъ 10 апрѣля, объявленіе было вывѣшено уже на дверяхъ чертежной 3-го курса съ убѣдительнымъ приглашеніемъ на сходку студентовъ и этого курса. Тогда исп. об. директора института проф. Обручевъ, по соглашенію съ деканами И. И. Бобарыковымъ и В. Н. Джонсомъ, а также инспекторомъ студентовъ института, вывѣсилъ того же 10 апрѣля въ 4 часа дня въ двухъ чертежныхъ 1-го курса и въ витринѣ у актоваго зала такого содержанія объявленіе:

„Въ виду упорно повторяемыхъ приглашеній студентовъ 1-го курса на сходку въ понедѣльникъ 12-го апрѣля, считаю необходимымъ предупредить г. г. студентовъ, во избѣжаніе нарушенія правильнаго теченія академической жизни, о нижеслѣдующемъ:

1. По вопросу объ экзаменаціонной программѣ по геодезіи студенты должны обратиться за разъясненіями къ преподавателю; программа эта одобрена отдѣленіями и совѣтомъ института.

2. Экзаменъ по геодезіи будетъ происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и по другимъ предметамъ.

3. На неправильныя дѣйствія преподавателей студенты могутъ жаловаться деканамъ отдѣленій.

Въ виду близости конца учебнаго года и необходимости спокойно готовиться къ экзаменамъ, я, т. е. исп. обяз. директора института проф. Обручевъ, обращаюсь къ студентамъ съ просьбою не собираться на неразрѣшенныя сходки и не заставлять меня прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ прекращеніе частныхъ экзаменовъ до 6-го мая, закрытіе чертежныхъ внѣ часовъ, назначенныхъ по расписанію для черченія, преданіе участниковъ сходки профессорскому суду" и т. п.

Пунктъ 1-й этого объявленія имѣлъ цѣлью разъяснить студентамъ происхожденіе программы по геодезіи и указать возможность уладить недоразумѣніе съ преподавателемъ. Пунктъ 2-ой долженъ былъ уничтожить опасеніе студентовъ по поводу „необыкновеннаго способа" производства экзамена по геодезіи, предположеннаго Соболевскимъ. Пунктъ 3-й имѣлъ въ виду инцидентъ, происшедшій на экзаменѣ по теоретической механикѣ, давая возможность студентамъ выяснить дѣло съ исп. обяз. директора и двумя другими деканами.

11-го апрѣля, когда чертежныя института были открыты, вновь появились объявленія съ призывомъ на сходку, при чемъ даже нѣкоторое время всѣ три экземпляра объявленія проф. Обручева въ витринахъ были закрыты, поверхъ стекла, наклеенными объявленіями о сходкѣ. 12 апрѣля съ утра были опять студенческія объявленія о сходкѣ; но, по снятіи ихъ инспекціей, новыхъ болѣе не появлялось. При обходѣ чертежныхъ въ 10 часовъ утра, исп. об. директора увидѣлъ нѣсколько студентовъ, занимавшихся черченіемъ; лекціи шли обычнымъ порядкомъ и волненія не было замѣтно. Тѣмъ не менѣе съ 10-ти часовъ утра два помощника инспектора дежурили у входа въ чертежную 1-го курса механическаго отдѣленія, гдѣ предполагалась сходка; часъ, на-

значенный для послѣдней прошелъ, даже двѣнадцатый былъ на исходѣ, но все было спокойно. Полагая, что сходка не состоится, одинъ изъ помощниковъ инспектора прошелъ въ другой конецъ 3-го этажа, чтобы убѣдиться, не начинается ли сборище въ чертежной 1-го курса горнаго отдѣленія, тогда какъ другой помощникъ спустился внизъ къ инспектору, чтобы получить дальнѣйшія инструкціи. Воспользовавшись этимъ моментомъ, котораго, очевидно, дожидались, студенты потянулись толпами изъ всѣхъ чертежныхъ въ чертежную 1-го курса механическаго отдѣленія, гдѣ быстро организовалась сходка, такъ что прибѣжавшіе помощники инспектора могли только сообщить Обручеву о ея началѣ. Отправившись на сходку, исполняющій обязанности директора Обручевъ замѣтилъ въ толпѣ, достигавшей примѣрно 200 человѣкъ, студентовъ 2-го курса и прежде всего предложилъ имъ удалиться, такъ какъ волнующіе студентовъ вопросы касаются только 1-го курса; ему отвѣтили, что сходка намѣрена обсудить вообще общестуденческія дѣла. На вопросъ, какія именно? послѣдовало сначала молчаніе; затѣмъ одинъ изъ студентовъ заявилъ, что они желаютъ обсудить вопросъ о подсказываніи на экзаменахъ, практикуемыхъ частью студенчества, но другіе голоса добавили: „и обсудить вопросъ о шпіонствѣ и доносѣ Соболевскаго". Въ отвѣтъ на это и. д. директора разсказалъ, какъ было дѣло, и разъяснилъ, что никакого доноса не было, что вторичный экзаменъ не состоялся по личному желанію г. Гана и что со стороны директора не было никакого вмѣшательства въ инцидентъ, именно, благодаря *случайному* появленію Соболевскаго на экзаменѣ. Затѣмъ проф. Обручевъ предложилъ обсудить вопросы, волнующіе студентовъ въ его присутствіи, но студенты на это не согласились. Тогда со стороны г. Обручева было заявлено, что онъ не можетъ разрѣшить сходку, и тутъ же г. Обручевъ просилъ студентовъ разойтись, иначе участники будутъ переписаны и привлечены къ отвѣтственности. На это было заявлено, что при директорѣ Е. Л. Зуба-

шевѣ сходки происходили совершенно свободно и не имѣли дурныхъ послѣдствій. Отвѣтъ проф. Обручева, что сходки въ то время возникали почти внезапно и не предшествовались предостерегающими объявленіями директора, студенты заглушили криками: „мы теряемъ только время; это все частные разговоры; на сходкѣ можно только говорить съ разрѣшенія ея предсѣдателя!... Выбирайте предсѣдателя!...“ Наконецъ по адресу и. д. директора послѣдовало предложеніе *оставить сходку*. Такъ какъ шумъ усиливался и раздраженіе студентовъ возрастало, то проф. Обручевъ убѣдился, что *его присутствіе становится безполезнымъ*, и удалился, повторивъ, что всѣ присутствующіе на сходкѣ будутъ переписаны, если не разойдутся немедленно.

Вслѣдъ за г. Обручевымъ вышли около 10 человѣкъ; прочіе остались, и сходка продолжалась съ 12-ти до 4-хъ часовъ дня. Передъ концомъ сходки студенты посылали депутатовъ къ Соболевскому, находившемуся въ чертежной 1-го курса горнаго отдѣленія, съ приглашеніемъ на сходку. Г. Соболевскій сначала хотѣлъ итти, но узнавъ отъ делегатовъ, что сходка неразрѣшенная, отказался. Студенты, расходившіеся по окончаніи сходки, были переписаны, въ числѣ 163 человѣкъ, помощниками инспектора.

13 апрѣля лекціи и занятія въ институтѣ съ утра шли безпрепятственно, но количество учащихся было весьма незначительное. Въ половинѣ второго часа по полудни во всѣхъ чертежныхъ опять появились объявленія съ призывомъ на сходку 14 апрѣля въ 11 часовъ утра, при чемъ одно объявленіе вывѣшенное въ чертежной 1-го курса, гдѣ происходила сходка, гласило слѣдующее:

„Резолюція сходки 12-го апрѣля: студенты всѣхъ курсовъ, собравшіеся на сходку 12 апрѣля, *выражаютъ порицаніе г. Соболевскому за его некрасивый поступокъ по поводу экзамена механики*, а также и нѣкоторымъ студентамъ за ихъ разговоры на томъ же экзаменѣ. Для дальнѣйшаго разъясненія вопроса назначена сходка

14 апрѣля въ 11 часовъ дня въ механической чертежной 1-го курса".

Послѣдствіемъ этихъ призывовъ на сходку и явилось закрытіе института во избѣжаніе дальнѣйшихъ безпорядковъ.

VI

Обыскъ и арестъ студентовъ. Тайная типографія и прокламаціи. Ткемаладзе. Концертъ въ помѣщеніи общественнаго собранія. Опять прокламаціи.

3 и 4 марта 1904 г. у студентовъ Томскаго университета и технологическаго института произведены были обыски въ порядкѣ положенія о государственной охранѣ, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 14 августа 1881 г.: у братьевъ *Волковыхъ*, *Писарева*, *Павловыхъ* Алексѣя и Виктора, *Стефановича* Іосифа, *Лейбина* и *Алфутова* найдена большая тайная типографія и весьма значительное количество напечатанныхъ прокламацій. Студенты арестованы. Прокламаціи были самаго возмутительнаго содержанія: обращенныя то къ гражданамъ вообще, то въ частности къ солдатамъ, онѣ призывали народъ и войско къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ порядка, къ открытому бунту противъ правительственной власти, къ протесту и противодѣйствію начатой войнѣ съ японцами, съ глумленіемъ надъ тѣмъ патріотическимъ настроеніямъ, которое такъ ярко проявилось тогда въ русскихъ людяхъ, преданныхъ своему Государю и Отечеству.

12 апрѣля состоялась новая недозволенная сходка, сопровождавшаяся сильнымъ волненіемъ студентовъ. Въ сходкѣ участвовало до 200 человѣкъ. Этимъ закончился 1903—1904 учебный годъ.

2 сентября ночью полиціей были задержаны въ одномъ изъ Томскихъ трактировъ студенты:

Шашуринъ Андрей.
Колесниковъ Петръ.
Михайловъ Михаилъ.

Сухаревъ Владиміръ.
Игумновъ Сергѣй.

Они пѣли „Сбейте оковы". По произведенному обыску у первыхъ троихъ обнаружены революціонныя изданія; у остальныхъ же ничего предосудительнаго не было найдено.

23 сентября начато слѣдствіе по дѣлу студента III-го курса горнаго отдѣленія *Ткемаладзе*, привлеченнаго къ отвѣтственности, въ качествѣ обвиняемаго по ст. ст. 14 и 1606 Улож. о наказаніяхъ, по дѣлу о поджогѣ дома Джакса на Бочановской улицѣ. Въ этомъ зданіи находился публичный домъ, къ матеріальной сторонѣ котораго имѣли прикосновеніе студенты-технологи. *Ткемаладзе* поджегъ домъ съ цѣлью, чтобы Джаксъ получилъ высокую страховую премію. Студентъ этотъ окончилъ курсъ въ Кутаисской духовной семинаріи, участвовалъ впослѣдствіи въ одной изъ желѣзнодорожныхъ экспропріацій, сопровождавшейся убійствомъ артельщика, и бѣжалъ заграницу. До такого паденія не доходило еще ни одно высшее учебное заведеніе; студенты же Томскаго технологическаго института и профессора ихъ позора не чувствовали. Экая важность, что студентъ-технологъ, его родственникъ или пріятель содержитъ публичный домъ! Экая важность, что студентъ поджигаетъ публичный домъ съ корыстною цѣлью и убиваетъ артельщиковъ! На то, вѣдь онъ и студентъ!

6 сентября въ институтѣ были расклеены прокламаціи, призывающія къ ниспроверженію государственнаго строя.

28 октября у студентовъ *Суторихина* и *Пенна* произведенъ обыскъ, и оба они привлечены къ отвѣтственности по обвиненію въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 126 Уголов. Уложенія.

31 октября былъ устроенъ въ помѣщеніи общественнаго собранія концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Томскаго университета и технологическаго института. Концертъ окончился около 12-ти часовъ ночи, послѣ чего въ концертномъ залѣ потушили

электричество, и публика стала расходиться, но студенты обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ числѣ около 200 человѣкъ, собрались въ столовой и устроили сходку во время которой пѣли „Сбейте оковы“ и другія революціонныя пѣсни. Затѣмъ началось чтеніе прокламацій, а также произносились рѣчи между прочимъ слѣдующаго содержанія: „Не слѣдуетъ довѣрять Министру Внутреннихъ Дѣлъ Святополкъ-Мирскому въ его либеральныхъ заигрываніяхъ съ русскимъ обществомъ и ожидать серьезныхъ реформъ въ смыслѣ свободы печати и самоуправленія земствъ: что заигрыванія его съ обществомъ въ смыслѣ ослабленія цензуры предприняты исключительно въ виду нашихъ неудачъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, чтобы успокоить волнующееся общество, отвлечь его отъ этихъ неудачъ призракомъ скорой конституціи“ и т. п. Ораторы приглашали не вѣрить сладкимъ словамъ Святополкъ-Мирскаго и продолжать соціалъ-демократическую пропаганду путемъ изданія прокламацій противъ самодержавія и ведущейся войны.

Полиція на сходку не впускалась и при попыткѣ проникнуть туда энергично вытѣснялась. Буфетъ былъ закрытъ во все время концерта и послѣ него, но несомнѣнно, что многіе студенты приносили водку съ собой, такъ какъ были пьяны.

Арестовъ произведено не было.

23 ноября 1904 года была сходка технологовъ въ институтѣ для новаго обсужденія дѣйствій студента *Ершова*, обвиняемаго въ шпіонствѣ. Въ это же время раздавалась прокламація, составленная и изданная технологами противъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и профессора Кіевскаго университета кн. *Трубецкого*.

1 декабря въ 12 часовъ дня состоялась сходка въ аудиторіи № 1; студенты обсуждали современное общественное движеніе и рѣшали вопросъ, какое участіе они могутъ принять въ этомъ движеніи. Было свыше 300 технологовъ. На приглашеніе директора, дважды прихолившаго въ аудиторію № 1, разойтись —никто не отозвался. Сходка продолжалась съ 11-ти до 3-хъ часовъ.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря вновь стали появляться въ институтѣ прокламаціи революціоннаго характера, антиправительственное направленіе которыхъ переходило всякія границы приличія и терпѣнія.

VII.

1905 годъ. Прекращеніе занятій. Интересныя убѣжденія профессорской коллегіи. Открытіе института допускается только на особыхъ условіяхъ. Если начнутся занятія, профессора угрожаютъ студентамъ отставкой. Достоинство и нравы совѣта требуютъ огражденія. Дальнѣйшее развитіе безпорядковъ.

1905 годъ былъ тяжелымъ испытаніемъ для выс. шей и средней школы; не миновала эта чаша, какъ мы увидимъ, и Томскій технологическій институтъ. Лица, стоявшія во главѣ названнаго учебнаго заведенія, должны были проявить особую стойкость, энергію и твердость въ дѣлѣ подавленія безпорядковъ и провести строгое исполненіе правилъ и распоряженій власти; но ничего этого не оказалось. Учебно-воспитательная жизнь института, до крайности уже разшатанная, требовала со стороны начальства особаго подъема силъ и заботъ къ поддержанію возможнаго порядка; начальство же, не смотря на исключительное положеніе вещей, шло по своему старому ложному пути.

Съ 18 января 1905 года начинаются со стороны студентовъ такія безобразія, съ какими едва ли кому когда-либо приходилось встрѣчатся, особенно, если принять во вниманіе участіе ихъ въ вооруженной демонстраціи. Сибирскій союзъ-комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи заблаговременно выпустилъ прокламацію, подъ заглавіемъ: „На улицу“! „Товарищи рабочіе, студенты и всѣ граждане“, говорилось въ прокламаціи, „время настало! Своею борьбой, своею кровью должны мы разбудить тѣхъ, кто еще спитъ. На улицу товарищи, во вторникъ 18! На улицу подъ

красное знамя соціалъ-демократіи. Всѣ какъ одинъ! Кровь петербургскихъ рабочихъ лилась не напрасно. Долой царскую монархію! Долой войну! Да здравствуетъ всеобщая стачка по линіи Сибирской желѣзной дороги! Да здравствуетъ революція по всей Россіи"!

Демонстрантовъ собралось до 2000 человѣкъ. Главными дѣятелями были студенты—технологи, студенты университета, а также слушатели и слушательницы Томскихъ общеобразовательныхъ курсовъ, виднѣлись гимназисты и гимназистки. Впереди шли какія то дѣвицы и несли два красныхъ знамени. Толпа орала Марсельезу, сопровождавшуюся криками: „долой монархію"! На требованія полиціи разойтись, демонстранты отвѣтили залпами изъ револьверовъ, при чемъ ранили пристава, четырехъ городовыхъ и убили ни въ чемъ не повиннаго проходившаго мимо мальчика. Пришлось вызвать казаковъ и употребить въ дѣло холодное оружіе и нагайки. Демонстранты были разсѣяны и порядокъ возстановленъ, но оказалось нѣсколько человѣкъ убитыхъ и до сотни раненыхъ. Какъ главные участники демонстраціи 18 января, были арестованы и заключены въ тюрьму слѣдующіе студенты-технологи:

Бржестовскій Владиміръ.
Бирюковъ Ѳедоръ.
Гладовскій Владиміръ.
Душинъ Николай.
Кондрашевъ Сергѣй.
Киселевъ Владиміръ.
Карашуянцъ Кеворгъ.
Красильниковъ Иванъ.
Коноховъ Ѳедоръ.
Пышкинъ Ѳедоръ.
Шптуховъ Александръ.
Ульрихъ Дмитрій.
Шмаковъ Павелъ.
Шляпинъ Романъ.

Занятія прекращаются на весьма продолжительное время.

Совѣтъ возбуждаетъ вопросъ о причинахъ студенческихъ волненій и ходатайствуетъ о гласномъ разслѣдованіи дѣйствій полиціи и казаковъ при усмиреніи уличной демонстраціи 18 января 1905 года; при этомъ директоръ высказалъ свое мнѣніе, что причина безпорядковъ внѣ стѣнъ учебнаго заведенія: *они отраженіе общественнаго недовольства существующимъ режимомъ*. Зубашевъ объяснилъ, что онъ всѳгда близко стоялъ къ студентамъ и пользовался въ средѣ ихъ большимъ вліяніемъ и принималъ всѣ мѣрѣ къ прекращенію безпорядковъ, но убѣдился, что никакія мѣры не могутъ гарантировать правильное и спокойное теченіе академической науки, *пока внѣ учебныхъ заведеній не будетъ установленъ такой правовой порядокъ, который гарантировалъ бы свободу личности, неприкосновенность жилища, свободу слова и печати, свободу союзовъ и собраній и полную академическую свободу высшихъ учебныхъ заведеній*. Что касается разслѣдованія дѣйствій полиціи при прекращеніи уличной демонстраціи, то онъ присоединилъ свой голосъ къ ходатайству совѣта, такъ какъ факты избіенія студентовъ полиціей, при арестѣ ихъ, и казаками всѣхъ попадавшихся имъ на улицахъ Томска общеизвѣстны, и только гласное разслѣдованіе можетъ удовлетворить общественное раздраженіе.

Настоянія Министерства на возобновленіе лекцій не приводятъ ни къ какому положительному результату. „Открытіе института“, читаемъ въ журналѣ засѣданія совѣта института, „при современныхъ условіяхъ русской жизни вызвало бы прежде всего рядъ бурныхъ сходокъ; при попыткѣ читать лекціи для меньшинства студентовъ, желающихъ продолжать занятія, немедленно была бы примѣнена обструкція во всѣхъ формахъ со стороны большинства. Удаленіе обструкціонистовъ изъ стѣнъ института мѣрами полиціи или даже при помощи военной силы, охрана входа и впускъ желающихъ заниматься по предъявленіи билетовъ, неизбѣжное преслѣдованіе нарушителей порядка судебнымъ или административнымъ путемъ — всѣ эти мѣры возстановленія учебныхъ занятій, столь

часто примѣнявшіяся за послѣдніе годы, *совершенно несовмѣстимы съ достоинствомъ высшаго учебнаго заведенія.* Онѣ озлобляютъ молодежь и отчуждаютъ ее отъ педагогическаго персонала, доставляя цѣной крупныхъ жертвъ только временное и внѣшнее успокоеніе. Примѣненіе этихъ мѣръ въ настоящее время къ студентамъ, возбужденнымъ событіями русской жизни вообще и Томскими въ частности, идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями профессорской коллегіи и потому несовмѣстимо съ ея достоинствомъ, какъ несовмѣстимо съ нимъ веденіе занятій подъ охраной полиціи Успокоеніе студенчества, какъ и всего русска го общества, теперь возможно только путемъ широкихъ реформъ", вплоть, надо полагать, до конституціи и даже республики. Въ силу такихъ соображеній институтъ закрыли съ 29 января до 1-го сентября 1905 года.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ положеніе дѣла ухудшилось еще болѣе. Въ зданіи института шли постоянныя сходки, а также митинги, въ сущности похожіе одинъ на другой, съ участіемъ постороннихъ лицъ и нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Здѣсь приходится остановиться только на болѣе выдающихся явленіяхъ жизни института.

Въ засѣданіи Совѣта профессоровъ 5 сентября 1905 г. директоръ Зубашевъ доложилъ, что имъ сегодня, т. е. 5 сентября, разрѣшена сходка студентовъ, для выясненія вопроса о началѣ занятій, что на этой сходкѣ оказались присутствовавшими студенты университета и нѣсколько постороннихъ лицъ, среди которыхъ находились женщины. Директоръ просилъ указанія, какъ ему поступать далѣе. Совѣтъ нетолько одобрилъ дѣйствія Зубашева, но далъ позволеніе и впредь разрѣшать общестуденческія сходки, безъ участія, впрочемъ, постороннихъ лицъ. Студенты же на сходкахъ 5 и 6 сентября постановили: 1) не начинать занятій, а въ случаѣ возникновенія ихъ приложить всѣ усилія къ прекращенію и 2) открыть аудиторіи института и университета для широкой народной массы и превратить ихъ въ мѣста для народ-

ныхъ собраній. Въ частности ораторы на сходкѣ 5 сентября развивали самыя нелѣпыя и преступныя мысли. Первый изъ нихъ въ преступной рѣчи доказывалъ, что самодержавіе въ Россіи доживаетъ послѣдніе дни и что если оно къ январю 1906 г. добровольно не сложитъ своихъ полномочій и не откажется отъ своихъ прерогативъ, то будетъ ниспровергнуто насильственно путемъ кровавой революціи, и этотъ переворотъ будетъ сопровождаться такимъ кровопусканіемъ, котораго не видѣла еще исторія.... Всѣ высшіе чиновники уже теперь обречены на смерть: къ каждому изъ нихъ приставленъ убійца; если покушеніе не удастся, то на смѣну одному явится три четыре кандидата. Задача соціалъ-демократическаго союза, устроившаго настоящую сходку, продолжалъ ораторъ,—подготовить всѣ классы населенія къ дѣятельному участію въ революціи. Что же касается войска, то за Манджурскую армію уже и теперь можно быть спокойнымъ, она возвратится на родину обозленною и ожесточенною, наглядѣвшись и испытавъ на себѣ самой послѣдствія нашего самодержавнаго бюрократическаго строя. Далѣе, прочіе слои населенія въ великорусскихъ губерніяхъ также пристанутъ къ революціи... При этомъ, по приглашенію оратора, всталъ какой то весьма подозрительный субъэктъ, не разъ бывшій, надо полагать, на большой дорогѣ, назвалъ себя рабочимъ—революціонеромъ и подтвердилъ слова оратора. Другими лицами обсуждался вопросъ, какое участіе въ революціи должны принять высшія учебныя заведенія. По ихъ мнѣнію, роль студентовъ должна быть двоякая, активная и пассивная. Пассивное участіе въ политической дѣятельности должно состоять въ забастовкахъ и въ воспрепятствованіи начать учебныя занятія, активное же въ томъ, что, пользуясь досугомъ, студенты должны посвящать себя пропагандѣ революціонныхъ идей. Не секретъ, что студенты забастовщики энергично занимались политической пропагандой въ селахъ и городахъ и способствовали возникновенію забастовокъ всякаго рода, устройству демонстрацій и проявленію аграрна-

го движенія среди крестьянъ. Учиться въ настоящее время, когда на очереди стоитъ громадный вопросъ о революціи въ Россіи, было бы преступно; напротивъ, добиваясь повсемѣстнаго закрытія учебныхъ заведеній, студенты должны разъѣхаться по селамъ и городамъ и тамъ вести дѣло пропаганды революціонныхъ идей, подготовляя народъ къ революціи.

Сходка, бывшая 10 сентября и заключавшая въ себѣ около 450 человѣкъ, раскололась: часть студентовъ, до 260 человѣкъ, вынесла резолюцію, подтверждающую постановленіе сходокъ 5—6 сентября о невозобновленіи занятій и объ обструкціи въ случаѣ возобновленія послѣднихъ; остальная часть студентовъ, въ количествѣ 180—190 человѣкъ, нашла возможнымъ приступить къ занятіямъ, но при этомъ рѣшила считаться съ образомъ дѣйствій студенчества въ другихъ университетскихъ городахъ. Совѣтъ же нашелъ необходимымъ закрыть институтъ до 1 октября 1905 г. Тѣмъ не менѣе сходки и въ закрытомъ институтѣ устраивались 11, 18 и 29 сентября. Въ заключительномъ засѣданіи была принята слѣдующая резолюція:

„Принимая во вниманіе, съ одной стороны, что наука всегда являлась главнымъ двигателемъ прогресса и погашеніе ея въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній приноситъ огромный вредъ, какъ самимъ студентамъ, такъ и обществу; съ другой стороны, желая имѣть студенчество собраннымъ и организованнымъ въ крупныхъ общественныхъ центрахъ каковыми являются университетскіе города, какъ въ цѣляхъ политическаго воспитанія, такъ и для того, чтобы *въ наступающій рѣшительный историческій моментъ оно могло бы выступить въ качествѣ борющейся группы*, студенты Томскаго университета и технологическаго института, собравшіеся 29 сентября на общую сходку, въ количествѣ 830 человѣкъ, большинствомъ 440 противъ 376, при 14 воздержавшихся, постановили немедленно открыть институтъ и университетъ, но на особыхъ условіяхъ, а именно:

1. Уничтоженіе инспекціи.

2. Уничтоженіе требованія свидѣтельства о благонадежности.

3. Уничтоженіе при пріемѣ въ институтъ и университетъ какихъ либо ограниченій въ смыслѣ различія пола, вѣроисповѣданія и національности.

4. Устройство вечернихъ занятій въ университетѣ по вопросамъ государственнаго строя съ допущеніемъ всѣхъ гражданъ безъ изъятія.

5. Освобожденіе арестованныхъ за митинги 11 и 18 сентября.

Въ засѣданіи 30 сентября, по выслушаніи приведенной студенческой резолюціи, совѣтъ института постановилъ:

1. Занимающій мѣсто инспектора, впредь до упраздненія инспекціи законодательнымъ порядкомъ, долженъ являться секретаремъ комитета по студенческимъ дѣламъ, но безъ права голоса въ комитетѣ.

2. Надзоръ за порядкомъ въ институтѣ возложить на самихъ студентовъ.

3. Запросы и отзывы о поведеніи студентовъ упразднить, о чемъ увѣдомить всѣ высшія учебныя заведенія; отмѣнить требованія представленія свидѣтельствъ о благонадежности при поступленіи въ студенты института.

4. Профессорскій судъ отмѣнить, такъ какъ въ настоящее время налагать дисциплинарныя мѣры и кары на студентовъ нецѣлесообразно.

5. По предложенію проф. Тираспольскаго, процентную норму для евреевъ, поступающихъ въ Томскій технологическій институтъ, постановлено уничтожить".

Едва ли нужно говорить о незаконности и нецѣлесообразности такого постановленія, отмѣнившаго въ институтѣ организацію надзора и основы порядка, установленнаго законодательнымъ путемъ.

1-го октября была сходка, на которой присутствовалъ проф. *Кижнеръ*, заявившій студентамъ, что часть педагогическаго персонала отказалась вести занятія при современныхъ условіяхъ. *).

*) Протоколъ засѣданія Совѣта Томскаго технологическаго института 2 го октября.

На митингѣ 2 октября преподаватель технологическаго института *Козьминъ* предлагалъ студентамъ, въ присутствіи посторонней публики, отъ слова перейти къ дѣлу, отъ разныхъ резолюцій и постановленій къ баррикадамъ... 2-го же октября постановлено закрыть институтъ на неопредѣленное время.

12 октября на сходку явилось нѣсколько профессоровъ института, заявившихъ отъ лица 19-ти профессоровъ и преподавателей, что, если въ институтѣ начнутся занятія, они выйдутъ въ отставку.

По поводу этой выходки послѣдовало телеграфное распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія сообщить поименно, какіе профессора заявили на сходкѣ о выходѣ въ отставку, если начнутся занятія. При такой весьма щекотливой для директора института постановкѣ вопроса, онъ примѣнилъ всегда практиковавшуюся имъ уклончивость. Безъ засѣданія совѣта Зубашевъ затруднился, видите ли, сообщить списокъ профессоровъ, сдѣлавшихъ заявленіе, а совѣтъ, разумѣется, постановилъ инцидентъ съ намѣреніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ выйти въ отставку считать улаженнымъ, а потому фамилій ихъ до свѣдѣнія Министерства не доводить. Такимъ образомъ, группа профессоровъ и преподавателей, форменныхъ забастовщиковъ, укрылась за спиной совѣта, благодаря изворотливости директора, проявленной имъ въ ущербъ исполненія своего служебнаго долга. Игнорированіе этого долга особенно рельефно обозначилось въ тяжелые для института мѣсяцы съ октября 1905 г. до января 1906 г., когда Зубашевъ отдавался общественному теченію, вмѣсто строгаго исполненія обязанностей директора, дѣйствуя въ разрѣзъ съ намѣреніями и планами высшей учебной и гражданской администраціи.

18 октября 1905 г. за № 4916 имъ послано на имя Г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа весьма любопытное заявленіе. Оно гласило слѣдующее:

„Имѣю честь донести, что, согласно постановленію совѣта, отправлена сегодня Г. Министру Народнаго

Просвѣщенія телеграмма такого содержанія: „По распоряженію Губернатора, въ институтскомъ дворѣ разставлены часовые у входа въ зданіе. Со времени закрытія института не было попытокъ со стороны публики проникнуть въ институтъ (какая ложь!). *Требованіе* совѣта технологическаго института немедленно удалить солдатъ съ территоріи института и разставить стражу, если это нужно, по улицѣ, Губернаторомъ не удовлетворено. Для пропуска въ зданіе служащихъ требуется опознаніе личности. Вслѣдствіе такого положенія закрыты канцелярія и библіотека; очередное засѣданіе совѣта не состоялось, а экстренное собраніе—въ частномъ помѣщеніи. *Совѣтъ протестуетъ противъ насилія и проситъ оградить его достоинство и права*". Зубашевъ отъ лица Совѣта дѣйствительно *требовалъ* отъ Губернатора немедленнаго удаленія войскъ, называя Губернатора, вслѣдствіе мальчишеской выходки, несоотвѣтствующимъ титуломъ—„его высокородіе". *Требовать* сродно было въ то время всѣмъ людямъ, зараженнымъ микробомъ „освободительнаго движенія". Они никогда ни о чемъ не ходатайствовали, не просили и не желали просить; они только *требовали* и непремѣнно *немедленно* Надо полагать, что директоръ института, когда писалъ бумагу „его высокородію" Томскому Губернатору о немедленномъ выполненіи требованій совѣта, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ непростительную глупость, какъ это часто бываетъ съ людьми, одержимыми маніей величія и безтактными.

Однако же твердости и стойкости у Зубашева хватило не надолго; 20 октября тонъ его уже измѣнился въ зависимости отъ обстоятельствъ, и прежнее *требованіе* смѣнилось просьбой о совершенно обратномъ.

20, 21 и 22 октября въ Томскѣ—настоящая революція. Произошло столкновеніе патріотической манифестаціи съ милиціей, сформированной городскимъ управленіемъ изъ студентовъ, которые, сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ въ манифестантовъ, скрылись въ верхнемъ этажѣ зданія Королевой, гдѣ помѣщалось желѣзно-дорожное управленіе.

Далѣе слѣдуетъ пожаръ зданія Королевой и театра и еврейскій погромъ; идетъ преслѣдованіе студентовъ, какъ главныхъ поборниковъ революціи: разграбленъ домъ городского головы Макушина и т. д.

Въ эти дни кроваваго столкновенія слоевъ населенія гор. Томска, въ дни небывалаго народнаго волненія, когда институту грозила возможность серьезнаго разгрома, семьи лицъ служащихъ въ институтѣ и проживающихъ тамъ, обратились къ директору за содѣйствіемъ къ защитѣ ихъ, и г. Зубашевъ написалъ тогда же Губернатору вполнѣ корректное письмо съ покорнѣйшею просьбой о присылкѣ *его превосходительствомъ* одной или двухъ ротъ солдатъ, а самъ бѣжалъ изъ гор. Томска и нѣкоторое время старался скрыть мѣсто своего пребыванія.

19 декабря въ физической аудиторіи института состоялось совмѣстное засѣданіе педагогическаго персонала университета и технологическаго института по вопросу о началѣ занятій. Собралось около 50-ти человѣкъ профессоровъ и преподавателей, и большинство изъ нихъ принадлежало къ преподавательскому персоналу института. По просьбѣ собранія предсѣдательствовалъ Зубашевъ. Въ началѣ засѣданія *была почтена вставаніемъ память павшихъ борцовъ за свободу*. Въ виду того, что на засѣданіе явилось сравнительно мало представителей отъ университета, рѣшено было придать собранію чисто совѣщательный характеръ. Большинство ораторовъ стояло за открытіе университета и технологическаго института и главнымъ образомъ въ виду устройства въ стѣнахъ названныхъ высшихъ учебныхъ заведеній собраній и митинговъ, чтобы имѣть возможность содѣйствовать революціонному просвѣщенію широкихъ массъ.

26 декабря въ 12 часовъ дня въ технологическомъ институтѣ вновь состоялось собраніе профессоровъ и преподавателей института и университета, на которое приглашены были и всѣ находящіеся въ Томскѣ студенты обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній, для совмѣстнаго обсужденія начала учебныхъ занятій. Персоналъ технологическаго института былъ почти весь

полностью, изъ университетскаго же явилось не болѣе трехъ-четырехъ человѣкъ; студентовъ набралось около 150-ти. Партія студентовъ, причисляющихъ себя къ соціалъ-демократамъ, въ количествѣ 30-40 человѣкъ, стояла за открытіе занятій, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ институтѣ могли происходить разнаго рода митинги. Другая партія, именующая себя соціалъ-революціонерами, приблизительно въ томъ же количествѣ человѣкъ, стояла самымъ рѣшительнымъ образомъ на томъ, чтобы всѣ высшія учебныя заведенія были закрыты для всякаго рода занятій и открыты только для митинговъ. Остальная же группа студентовъ большею частью шумѣла и галдѣла, не высказывая никакихъ опредѣленныхъ постановленій и даже пожеланій.

Само по себѣ въ часъ дня въ другомъ помѣщеніи института, съ разрѣшенія Зубашева, открылось весьма многолюдное сборище разнаго званія и обоего пола лицъ, при весьма замѣтномъ участіи евреевъ, такъ называемый соціалъ-демократическій митингъ. На этомъ митингѣ послѣ шумныхъ дебатовъ, безпорядочныхъ криковъ и всяческаго гама было постановлено ввести въ городѣ Томскѣ, по примѣру Красноярска, временное правительство.

Словомъ, въ 1905 году совсѣмъ не учились. Вслѣдствіе закрытія института, занятія въ немъ совершенно прекратились; переходныхъ весеннихъ испытаній не было и потому всѣ студенты оставлены были на второй годъ на тѣхъ же курсахъ. За то хорошо жилось профессорамъ: дѣлать они ничего не дѣлали, а жалованіе получали. Это были поистинѣ нахлѣбники казны, даромъ пожиравшіе десятки тысячъ рублей трудовыхъ народныхъ денегъ и разводившіе революцію.

VIII.

Semper idem. Высылка профессоровъ Зубашева и Кижнера изъ предѣловъ Сибири и Степного Края, а также Тираспольскаго, Козьмина и Бундюкова. Попытка возвратить этихъ господъ не увѣнчалась успѣхомъ. Порицаніе ректору университета проф. Курлову.

Въ первой половинѣ 1906 года Томскій технологическій институтъ былъ закрытъ и никакихъ учебныхъ занятій въ немъ не происходило; во второй же половинѣ институтъ былъ открытъ 18 сентября для записи на лекціи и практическія работы. 27 сентября на 1 семестрѣ и 9 октября на старшихъ семестрахъ начались занятія, но шли чрезвычайно вяло и неправильно; дѣятели же революціи орудовали хорошо.

Помѣщенія института открыли свои объятія для самыхъ разнообразныхъ собраній. Здѣсь читались нѣкоторыми профессорами института и университета лекціи для учащейся молодежи среднихъ учебныхъ заведеній, которая въ то время бастовала; молодежь вступала съ лекторами въ пренія и нерѣдко все это заканчивалось митингами, на которые приходили всѣ, кому было угодно; здѣсь же въ институтѣ собирался неизвѣстно кѣмъ утвержденный „союзъ студентовъ-репетиторовъ“ и „бюро взаимопомощи студентовъ“, наконецъ, никѣмъ не разрѣшенный „учительскій съѣздъ“, гдѣ производился подсчетъ лицъ, кто къ какой партіи принадлежитъ.

Теперь обратимся къ частностямъ.

5 января 1906 г. въ технологическомъ институтѣ состоялось третье засѣданіе профессоровъ, старшихъ и младшихъ преподавателей, лаборантовъ, ординаторовъ и вообще всѣхъ лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу двухъ Томскихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Участвовавшія лица приглашены были на это засѣданіе по повѣсткамъ за подписью Зубашева, на его бланкахъ, какъ директора института. Профессоровъ и преподавателей университа было по прежнему мало. Ордина-

торъ университетской клиники *Корелинъ* и лаборантъ технологическаго института *Бундюковъ* говорили горячія рѣчи, въ которыхъ доказывали необходимость открытія учебныхъ заведеній для митинговъ, безъ возобновленія въ нихъ учебныхъ занятій.

Въ засѣданіи 10 января составъ Томскаго технологическаго института обсуждалъ вопросъ о возможности открытія института для занятій съ января мѣсяца и пришелъ къ заключенію, что правильнаго хода занятій ожидать нельзя и потому постановилъ представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства слѣдующее: „Совѣтъ находитъ, что при настоящихъ условіяхъ общественной жизни открытіе высшихъ учебныхъ заведеній не возможно; кромѣ того, съѣздъ студентовъ въ гор. Томскъ, въ виду военнаго положенія въ городѣ, не желателенъ, и потому постановилъ учебныхъ занятій въ весеннемъ семестрѣ текущаго учебнаго года не открывать, а подвергнуть вопросъ о времени открытія института и начала занятій послѣ созыва Государственной Думы и снятія въ гор. Томскѣ военнаго положенія".

Далѣе институтскія революціонныя дѣла слѣдовали, приблизительно, въ такомъ порядкѣ:

Постановленіемъ Томскаго временнаго генералъ-губернатора отъ 7 февраля 1906 г. за № 650 проживающій въ г. Барнаулѣ студентъ-технологъ *Авербургъ* высланъ этапнымъ порядкомъ на время военнаго положенія въ Нарымскій край, Томской губерніи, въ интересахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности. Въ февралѣ же мѣсяцѣ (10) устранены отъ должностей директоръ института *Зубашевъ* и проф. *Кижнеръ* и оба высланы въ теченіе 48 часовъ изъ предѣловъ Сибири и Степного края; затѣмъ отстранены проф. технологическаго института *Тираспольскій* и преподаватели *Козьминъ* и *Бундюковъ* отъ занимаемыхъ должностей и высланы на западъ подъ надзоръ полиціи.

За время отсутствія Зубашева обязанности директора института исполняли слѣдующія лица: проф. В. А. Обручевъ съ 12-го февраля до 10 мая 1906 г., проф.

А. А. Потебня съ 10 мая до 11 августа, проф. А. Э. Сабекъ съ 11 августа до 13 ноября и проф. В. П. Алексѣевскій съ 13 ноября 1906 г. до 1 января 1907 года.

5 марта Министръ Внутреннихъ Дѣлъ постановилъ выслать студента Томскаго технологическаго института *Александра Шура*, обвиняемаго въ принадлежности къ революціонной организаціи и въ агитаціи и руководительствѣ безпорядками и забастовками, въ отдаленный уѣздъ Вологодской губерніи, подъ гласный надзоръ полиціи, на три года.

Въ засѣданіяхъ совѣта 4 и 5 мая 1906 года, подъ предсѣдательствомъ проф. Обручева, постановлено было обратиться въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о допущеніи въ число студентовъ Томскаго технологическаго института лицъ женскаго пола и до рѣшенія Министерствомъ этого вопроса принимать женщинъ въ институтъ, какъ вольнослушательницъ, на первый курсъ сверхъ комплекта новаго пріема. На основаніи этого постановленія къ началу учебнаго года принято было, въ качествѣ вольнослушательницъ, 23 женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ *богословіе и исторія религій признаны подлежащими исключенію изъ программъ института.* *) Въ томъ же засѣданіи 4 мая постановлено послать на имя предсѣдателя первой Государственной Думы по телеграфу привѣтственный адресъ слѣдующаго содержанія:

„Петербургъ. Предсѣдателю Государственной Думы. Совѣтъ Томскаго технологическаго института, въ первомъ засѣданіи послѣ открытія Государственной Думы, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія привѣтствуетъ первую русскую законодательную палату, искренно желаетъ ей быстрыхъ успѣховъ *въ раскрѣпощеніи изстрадавшейся родины и установленіи истинно-конституціоннаго строя на демократическихъ началахъ*, твердо разсчитывая, что освободительная работа Думы встрѣтитъ энергичную поддержку громаднаго большинства русскихъ гражданъ и надѣясь на скорое

*) Отчетъ о дѣятельности и состояніи Томскаго технологическаго института за 1906 г., стр. 31.

осуществленіе амнистіи, освобожденіе „плѣнныхъ“ и возвращеніе „изгнанныхъ“.

7 сентября 1906 г. Зубашевъ прислалъ на имя директора института телеграмму, въ которой было сказано, что вопреки настоянія министерства, мѣстная власть рѣшительно не допускаетъ его возвращенія. Обезпокоенный судьбой института, высланный директоръ просилъ передать студентамъ, чтобы они „не дѣлали выступленій, могущихъ привести институтъ къ разгрому“.

9 сентября 1906 г. за № 1615 совѣтомъ Томскаго техологическаго института дана была Министру Народнаго Просвѣщенія такого содержанія срочная телеграмма: „Совѣтъ Томскаго технологическаго института, открывая институтъ и *предвидя неизбѣжность студенческихъ сходокъ, проситъ Министерство обезпечить отъ вмѣшательства мѣстной администраціи во внутреннія дѣла института.* Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ ходатайствуетъ объ ускореніи возвращенія административно высланныхъ директора, профессоровъ и преподавателей, отсутствіе которыхъ является препятствіемъ для правильнаго теченія занятій“. 9-го же сентября за № 1616 и. д. директора института вошелъ къ Попечителю учебнаго округа съ запросомъ, имѣетъ ли право Томскій временный генералъ-губернаторъ обращаться къ директору съ разными требованіями относительно сходокъ въ институтѣ? Это при военномъ-то положеніи! Подписалъ бумагу проф. Сабекъ.

22 сентября въ зданіи института состоялась совмѣстная сходка студентовъ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній гор. Томска. Сходка вынесла такую резолюцію: „Мы, студенты университета и технологическаго института, собравшись на сходку 22 сентября и обсудивъ поведеніе ректора университета М. Г. Курлова, высказываемъ полное порицаніе всей его дѣятельности, идущей въ разрѣзъ съ элементарной моралью гражданина, объявляемъ ему полное недовѣріе и настаиваемъ на оставленіи имъ ректорства. Предсѣдатель сходки *Милославскій*“. Нужно же дойти до такой наглости и дерзости! Курловъ—вѣдь это

украшеніе Томскаго университета по своей научной и практической дѣятельности; этотъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ не нашелъ, однако же надлежащей поддержки въ совѣтѣ профессоровъ и отказался отъ должности ректора.

Начиная съ октября мѣсяца въ технологическомъ институтѣ вплоть до конца 1606 г., какъ въ часы занятій, такъ и по вечерамъ постоянно происходятъ сходки, на которыхъ попрежнему присутствуютъ постороннія лица.

Тѣмъ временемъ образовавшійся центральный студенческій органъ, подъ наименованіемъ „Совѣтъ курсовыхъ представителей“, сдѣлалъ совѣту института заявленіе, чтобы сей послѣдній отвѣчалъ въ письменной формѣ на возбуждаемые курсовыми представителями вопросы. Совѣтъ постановилъ потребовать уставъ на утвержденіе и поручилъ дѣлопроизводителю канцеляріи давать отвѣты по запросамъ*), а въ засѣданіи 5 декабря 1906 г. подъ предсѣдательствомъ проф. Алексѣевскаго, по иниціативѣ послѣдняго, обсуждался вопросъ объ избраніи особой комиссіи изъ трехъ лицъ для сношенія со студентами, которые произвели выборы центральнаго студенческаго органа, — постановлено: „произвести выборы“.

IX.

Годовщина кровавыхъ событій въ Петербургѣ. Засѣданія совѣта профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ Михайленко. Возвращеніе Зубашева къ мѣсту службы. Изгнаніе студента Журавлева. Обсужденіе правилъ 11 іюня 1907 года. Студенты Куйбышевъ, Поздняковъ, Прусаковъ, Андреевъ и Гамсакурдія. Тайная типографія.

9 января 1907 года состоялось засѣданіе совѣта профессоровъ подъ предсѣдательствомъ *Михайленко*. Г. *Янишевскій* напомнилъ о второй годовщинѣ „кровавыхъ событій въ Петербургѣ“. Присутствовавшіе *почтили память погибшихъ вставаніемъ*.

*) Протоколъ отъ 5 января 1907 года.

10 января совѣтомъ заслушано постановленіе общестуденческой сходки 4 февраля, по которому функціонированіе университета и института признано возможнымъ только при слѣдующихъ условіяхъ:

1. Полная свобода кружковъ самообразованія и земляческъ совмѣстно универсантовъ и технологовъ и

2. Обязательное признаніе со стороны совѣта профессоровъ студенческихъ организацій.

Это засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ того же проф. Михайленко. Какія были пренія и какое состоялось постановленіе совѣта, неизвѣстно, такъ какъ въ протоколѣ ничего не записано.

Изъ донесенія исп. об. директора отъ 19 февраля 1907 года за № 553 видно, что, вслѣдствіе возбужденнаго настроенія студентовъ, совѣтъ института въ засѣданіи того же 19 февраля нашелъ нужнымъ закрыть это учебное заведеніе до 26 февраля. Временное закрытіе Томскаго технологическаго института подало поводъ общестуденческой сходкѣ, съ „центральнымъ студенческимъ органомъ“ во главѣ, составить резолюцію въ такомъ родѣ, чтобы, во первыхъ, не было никакихъ препятствій со стороны профессуры къ устройству общестуденческихъ сходокъ; во вторыхъ, чтобы совѣтъ профессоровъ не могъ закрывать институтъ безъ согласія съ центральнымъ органомъ студентовъ и, въ третьихъ, чтобы о каждомъ засѣданіи совѣта, касающемся студентовъ, извѣщался центральный органъ, для посылки делегатовъ отъ студенчества, съ правомъ совѣщательнаго голоса. Такое постановленіе общестуденческой сходки въ институтѣ дѣлалось обязательнымъ и для университета. Совѣтъ профессоровъ технологическаго института на резолюцію сходки отвѣтилъ тоже по пунктамъ въ томъ смыслѣ, что во первыхъ, въ принципѣ онъ противъ сходокъ ничего не имѣетъ, но *не можетъ гарантировать для участниковъ ихъ безопасность со стороны администраціи*; во вторыхъ, что право закрытія учебныхъ заведеній принадлежитъ только совѣту профессоровъ и, въ третьихъ, что допустить участіе сту-

дентовъ въ совѣтѣ не въ его власти, но для совмѣстнаго со студентами обсужденія касающихся ихъ вопросовъ еще 30 ноября минувшаго года установлена особая совѣщательная комиссія.

11 марта въ институтѣ состоялась новая общестуденческая сходка, которая и вынесла новую резолюцію въ томъ же духѣ, что и прежняя: »Во первыхъ, студенчество будетъ пользоваться своимъ юридическимъ и нравственнымъ правомъ сходокъ и бороться, не считаясь съ запугиваніемъ администраціей; во вторыхъ, что фактическое право закрытія учебныхъ заведеній принадлежало до сихъ поръ студентамъ и въ будущемъ нѣтъ данныхъ къ тому, что оно перейдетъ къ профессурѣ; въ третьихъ, студенчество отказывается отъ участія въ предлагаемыхъ профессурой совѣщательныхъ комиссіяхъ въ виду ясности характера этихъ комиссій». Въ общемъ тонѣ отвѣта профессоровъ найдена *хозяйская тенденція* и по этому поводу заявлено *о недовѣріи* профессурѣ и прекращеніи переговоровъ.

18 марта съ 9-ти часовъ утра была частная, а вечеромъ общестуденческая сходка.

Къ этому времени возвращается въ Томскъ административно-высланный директоръ института Зубашевъ и вступаетъ въ отправленіе своей должности; вмѣстѣ съ этимъ положеніе вещей становится болѣе худшимъ и оканчивается, какъ увидимъ въ этомъ же очеркѣ ниже, убійствомъ бухгалтера института Соковнина.

8 апрѣля чинами полиціи былъ задержанъ во время разбрасыванія прокламацій студентъ Томскаго технологическаго института Михаилъ *Дмитріевскій* и заключенъ въ порядкѣ Положенія о государственной охранѣ подъ стражу въ Томскомъ № 1 исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи.

4 мая студенческая сходка въ технологическомъ институтѣ постановила исключить изъ своей среды студента IV семестра химическаго отдѣленія Николая *Журавлева*, сообщить объ этомъ во всѣ высшія учебныя заведенія, какъ въ Россіи, такъ и заграницей,

и разослать его карточки, дабы онъ не имѣлъ возможности поступить въ какое либо изъ нихъ. Причиной такого изгнанія Журавлева изъ студенческой среды послужило обнаруженіе-де факта, что Журавлевъ состоялъ агентомъ охраннаго отдѣленія.

30 мая на станціи „Мѣжениновка“ чинами жандармской полиціи задержанъ студентъ технологическаго института Анатолій *Куйбышевъ*, причемъ въ корзинѣ у него обнаружено большое количество прокламацій и нелегальной литературы, вслѣдствіе чего Куйбышева заключили въ Томское № 1 исправительное арестантское отдѣленіе.

Въ ночь съ 9 на 10 іюня чинами полиціи 5 участка гор. Томска, около 12-ти часовъ ночи, въ кустахъ вблизи лагерей былъ задержанъ студентъ Томскаго технологическаго института Вячеславъ *Поздняковъ*, при обыскѣ у котораго найдены прокламаціи и восемь четвертинокъ бумаги съ написаннымъ отъ руки уставомъ военной организаціи Томскаго гарнизона. Писалъ самъ Поздняковъ; повидимому, онъ пробирался въ лагерь, для распропагандированія солдатъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, согласно ст. 34 Положенія о государственной охранѣ постановилъ сослать въ Вологодскую губернію подъ гласный надзоръ полиціи на два года, считая срокъ съ 30 іюля 1907 года, содержавшагося подъ стражей въ Симбирской тюрьмѣ студента Томскаго технологическаго института Ивана *Красильникова*, изобличеннаго въ устройствѣ противоправительственныхъ сходокъ и подстрекательствѣ рабочихъ и учащейся молодежи.

1 сентября 1907 года, совѣтъ института, подъ предсѣдательствомъ Зубашева, разсматривалъ правила 11-го іюня 1907 года. При обмѣнѣ мнѣніями одни изъ профессоровъ указывали на необходимость *протестовать* противъ введенія правилъ, какъ нарушающихъ академическую автономію (Янишевскій), другіе-на необходимость довести до свѣдѣнія Министерства и *общества* о вредѣ новыхъ правилъ и указать на грозящую въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ опасность отъ примѣненія ихъ (Некрасовъ); третьи нахо-

дили ихъ не цѣлесообразными и *возмутительными* въ виду пунктовъ 8 и 9, ставящихъ академическое начальство подъ контроль полиціи (Кижнеръ), а затѣмъ постановлено было дальнѣйшее обсужденіе этихъ правилъ отложить до слѣдующаго засѣданія. Но на слѣдующемъ засѣданіи, 6 сентября, совѣтъ института возбудилъ ходатайство предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о скорѣйшемъ возвращеніи *Тирасполь-скаго* и *Бундюкова* къ мѣсту службы, такъ какъ отсутствіе ихъ ставитъ институтъ въ крайне затруднительное положеніе; вопроса же о правилахъ 11 іюня не поднималось.

20 октября состоялась неразрѣшенная сходка.

1 ноября состоялась также неразрѣшенная сходка.

Въ ночь съ 2 на 3 ноября, по распоряженію временнаго генералъ-губернатора, произведенъ *обыскъ въ механическихъ мастерскихъ и подвалахъ химическаго корпуса* Томскаго техническаго института.

5 ноября институтъ былъ открытъ; студенты собрались, но ни на лекціи, ни въ лабораторіи не явились, да и профессора съ лекціями не спѣшили; на дверяхъ же института вывѣшено было объявленіе совѣта о недопущеніи сходки 6 ноября и о закрытіи института до 9 ноября.

Сходка 6 ноября все-таки состоялась. Слѣдующая сходка была 8 ноября. 17 ноября въ аудиторіи № 1 первымъ кружкомъ самообразованія, соціалъ-демократическимъ, былъ назначенъ въ 6 часовъ вечера рефератъ о страхованіи рабочихъ, а послѣ реферата обсужденіе вопроса *о боевой дружинѣ*. Въ тотъ же день, т. е. 17 ноября, второй кружокъ, соціалъ революціонный, назначилъ рефератъ на тему о классовой борьбѣ, при чемъ докладчиками были студенты-технологи *Прусаковъ* и *Зрѣловъ*. 18 ноября съ 11 часовъ утра центральный студенческій органъ назначилъ свое засѣданіе. 20 ноября, въ 11 часовъ утра, въ буфетѣ института было назначено засѣданіе смѣшанной комиссіи изъ соціалъ демократовъ и соціалъ-революціонеровъ по дѣлу студентовъ-технологовъ Евгенія *Прусакова* и Василія *Андреева*, взявшихъ самовольно

для фракціи соціалистовъ-революціонеровъ лишнихъ 50 рублей, вырученныхъ „драматическимъ кружкомъ“ отъ спектакля на станціи „Тайга“ и по поводу избіенія студентами студента же въ общественномъ собраніи. Около этого времени на стѣнахъ зданія появилось объявленіе о томъ, что среди студентовъ-технологовъ организовывается группа анархистовъ-индивидуалистовъ.

Въ ночь на 25 ноября произведенъ обыскъ у студента Константина *Гамсакурдія*, которымъ обнаружена переписка, указавшая на принадлежность его къ студенческой фракціи соціалистовъ революціонеровъ, очень большое количество освободительной литературы, а также изданія подпольныхъ революціонныхъ типографій; послѣднія во многихъ экземплярахъ каждаго отдѣльнаго наименованія. Гамсакурдія былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу въ Загородное исправительное арестантское отдѣленіе.

26 ноября сходка, постановившая закрыть институтъ до 3 декабря: то же постановилъ и совѣтъ профессоровъ въ засѣданіи 28 ноября.

Обыскомъ, произведеннымъ чинами Томскаго губернскаго жандармскаго управленія въ ночь на 11 декабря 1907 г. по Большой-Подгорной улицѣ, въ домѣ Ситникова, подъ № 50, въ квартирѣ, занимаемой студентомъ Владиміромъ *Сафьянниковымъ*, обнаружена тайная типографія военной организаціи Томскаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, очень большое количество брошюръ освободительнаго направленія и переписка. Сафьянниковъ арестованъ и заключенъ подъ стражу въ Томское № 1 исправительное арестантское отдѣленіе.

V.

На сходкахъ начинаютъ обсуждаться вопросы академическаго характера. Поменьше работать-принципъ современнаго студента. Находка цилиндрическихъ бомбъ. Торговля нелегальной литературой.

Нѣкоторое время институтъ живетъ спокойною жизнью. Наладились занятія; въ лабораторіяхъ и чер-

тежныхъ кипитъ работа... Но тамъ, гдѣ то далеко, въ тайникахъ духа учащейся молодежи и профессоровъ, тлѣютъ искры безпорядковъ, всегда готовыя вспыхнуть жестокимъ пламенемъ пожара. Снаружи все хорошо, а внутри все скверно. Правда, г. Зубашевъ вскорѣ сошелъ уже со сцены, какъ директоръ института, и мѣсто его занялъ проф. Алексѣевскій, но дѣло выиграло мало: «переложили изъ кулька», какъ говоритъ пословица, «въ рогожку». Въ управленіе г. Алексѣевскаго безпорядки дошли до того, что студенты подожгли институтскія зданія, не желая оставить камня на камнѣ. Въ хронологическомъ порядкѣ событія должны быть расположены слѣдующимъ образомъ.

28 сентября 1908 г., собравшись на разрѣшенную директоромъ института сходку, студенты постановили объявить забастовку. На сходкѣ присутствовало 1155 человѣкъ. Постановленіе принято большинствомъ 839 голосовъ противъ 16, при 168 оставшихся при особомъ мнѣніи и при 132 воздержавшихся отъ голосованія. Совѣтомъ по этому случаю того-же 28 сентября постановлено: «оставить институтъ открытымъ»; принятіе же другихъ мѣръ къ возобновленію занятій признано преждевременнымъ. Мало того, 8 октября вывѣшено было объявленіе: „Никакого обращенія къ студентамъ не дѣлать, въ виду того, что никакое обращеніе не можетъ возымѣть дѣйствія, такъ какъ настоящая забастовка въ институтѣ вызвана не какими либо мѣстными причинами, а является выраженіемъ солидарности съ остальными забастовавшими высшими учебными заведеніями и потому прекратится лишь съ возобновленіемъ занятій въ Россіи".

16 октября забастовка прекратилась постановленіемъ студенческой сходки. Октябрьской забастовкой руководилъ „коалиціонный комитетъ".

На сходкѣ 22 октября было постановлено: „Студентамъ предоставляется право держать экзамены по данному предмету *неограниченное число разъ*, но не болѣе одного раза въ мѣсяцъ. Несдача студентомъ

экзамена не должна служить причиной увольненія его изъ института".

9 ноября въ 11 часовъ дня въ технологическомъ институтѣ, въ аудиторіи № 1, состоялась общестуденческая сходка; всего присутствовало до 1000 человѣкъ. Сходкой выработана резолюція о забастовкѣ до исполненія слѣдующихъ требованій: отмѣны обязательности графика, уничтоженія минимума и семестроваго черченія. Говорились горячія рѣчи съ призывомъ къ борьбѣ съ профессурой. Настроеніе было повышенное. Вопросъ о забастовкѣ рѣшено провести плебисцитомъ; на время же плебисцита (10, 11 и 12 ноября) сходка постановила занятія прекратить. Здѣсь весьма интересно привести нѣкоторыя цифры, сообщенныя проф. В. П. Алексѣевскимъ. Оказывается, что въ институтѣ имѣлось 150 студентовъ, которые въ 1907—1908 учебномъ году не получили ни одного зачета, т. е. не сдали ни одного экзамена и не окончили работу ни въ одной лабораторіи; далѣе число студентовъ, не получившихъ 5 зачетовъ (минимума) достигало на различныхъ отдѣленіяхъ отъ 50 до 60 процентовъ всего числа студентовъ института; число же студентовъ, получившихъ болѣе 10-ти зачетовъ, т. е. проходившихъ курсъ болѣе или менѣе нормально, въ 5—7 лѣтъ, колебалось между 5, 9 и 14 процентами. Попросту сказать, студенты въ большинствѣ были совершенно чужды занятій, и это положеніе имъ хотѣлось во что бы то ни стало поддержать.

На сходкѣ 15 ноября оглашены результаты плебисцита. Изъ 1352 студентовъ, участвовавшихъ въ плебисцитѣ, за забастовку до удовлетворенія выставленныхъ условій было подано 1112 голосовъ, противъ 211 голосовъ и при особомъ мнѣніи осталось 29 человѣкъ. На этой же сходкѣ было постановлено: „Занятія въ институтѣ прекратить впредь до удовлетворенія совѣтомъ всѣхъ требованій студентовъ".

21 ноября, въ 12 часовъ дня, состоялась общестуденческая сходка въ аудиторіи № 1; собралось до 1000 человѣкъ, но студенты вскорѣ начали расхо-

диться, такъ что къ тремъ часамъ осталось всего 309 человѣкъ, которые большинствомъ 213 противъ 76 высказались за немедленное возобновленіе занятій. Сравнительно незначительное число участниковъ дало поводъ потребовать перенесенія окончательнаго рѣшенія опять на плебисцитъ 22 и 23 ноября. Изъ 822 голосовъ подано 23 ноября за возстановленіе занятій 517, противъ 267, при 38 воздержавшихся.

Отъ крика, шума и галдѣнія на сходкахъ—къ изготовленію бомбъ, послужившихъ, быть можетъ, причиною смерти не одной сотни русскихъ людей, смерти тяжелой, мучительной, переходъ довольно рѣзкій; тѣмъ не менѣе переходъ этотъ приходится сдѣлать.

Въ Сибири и въ Европейской Россіи долго и упорно носились слухи, что бомбы, которыми въ изобиліи пользовались революціонеры, изготовлялись, между прочимъ, и въ Томскомъ технологическомъ институтѣ. Этому никто не вѣрилъ, да и какъ было вѣрить? Чтобы рѣшиться на такое дѣло, нужно имѣть, казалось, по меньшей мѣрѣ двѣ головы.

Но вотъ 9 января 1909 г. въ кладовой подвала механическихъ мастерскихъ произведенъ былъ Томскою городскою полиціей, съ участіемъ чиновъ корпуса жандармовъ, обыскъ, при чемъ найдены зарытыми въ пескѣ шесть цилиндрическихъ предметовъ, по внѣшнему виду напоминавшихъ сухіе электрическіе элементы, которые присутствовавшій при обыскѣ жандармскій ротмистръ опредѣлилъ, какъ снаряженныя фитильныя бомбы. Въ другихъ помѣщеніяхъ осмотра не производилось. Дѣйствительно, это были бомбы, изъ нихъ четыре семифунтовыя и двѣ двухфунтовыя. Виновныхъ не обнаружено.

Съ этого времени слухамъ стали вѣрить.

Затѣмъ въ стѣнахъ института шла открыто широкая продажа произведеній исключительно революціонной печати и всякихъ изданій подпольныхъ типографій, какъ мѣстныхъ, такъ и иногородныхъ. Собираемыя отъ этой продажи деньги поступали въ тайныя кассы революціонныхъ организацій, что удостовѣрено отчетами найденными у студентовъ при обыскахъ

жандармской полиціей. Заведены были революціонныя библіотеки, хранившіяся въ институтѣ, и одна изъ такихъ библіотекъ обнаружена по обыску 21 октября въ помѣщеніи, принадлежавшемъ проф. Зубашеву, который, по обнаруженіи этой библіотеки, заявилъ полиціи лишь свое удивленіе, какъ эта библіотека могла попасть къ нему на квартиру.

Кромѣ того, подъ нижнимъ маршемъ лѣстницы праваго крыла одного изъ зданій института, ведущей въ лабораторіи и квартиры проф. Кижнера, Михайленко и др., въ глубинѣ амбразуры былъ найденъ ящикъ съ книгами, въ количествѣ слишкомъ 800 штукъ, нелегальнаго содержанія. Какъ попалъ сюда ящикъ, ни проф. Зубашевъ, ни кто другой опредѣленно сказать что либо не могли. Совершенно необъяснимымъ представляется и то обстоятельство, почему начальство института не сочло нужнымъ произвести тогда же разслѣдованіе съ опросомъ смотрителя зданія, низшихъ служителей, а въ случаѣ надобности и студентовъ. Смотритель зданій Яцура объяснилъ, между прочимъ, что во исполненіе приказанія проф. Зубашева въ одинъ изъ праздныхъ дней онъ совмѣстно со студентами очищалъ помѣщеніе буфета отъ книгъ, которыя затѣмъ были вывезены изъ института на подводахъ, но куда именно, онъ не знаетъ. Ящикъ съ книгами, найденный подъ лѣстницей, былъ, повидимому, запаснымъ. Кто торговалъ въ буфетѣ книгами и какой, именно, литературой, проф. Зубашевъ могъ, конечно, разслѣдовать, но не сдѣлалъ этого, а ограничился приказаніемъ Яцурѣ убрать книги. По словамъ Зубашева, состоявшій при матеріальномъ складѣ студентъ *Мамаевъ*, соціалъ-демократъ, заявилъ, что литература въ буфетѣ „не наша“, т. е. не соціалъ-демократической партіи, изъ чего можно заключить, что литература эта принадлежала студентамъ изъ партіи соціалъ-революціонеровъ.

Такой режимъ, допускавшій возможность дѣлать въ институтѣ все, что кому угодно, низвелъ это учебное заведеніе въ разрядъ притона для воровъ и

грабителей. Въ мѣстныхъ газетахъ сообщались случаи кражъ у студентовъ студентами-же какъ вещей, такъ и денегъ; въ цѣляхъ же партійнаго наблюденія за шпіонствомъ крали корреспонденцію своихъ товарищей. Наконецъ, на публичномъ вечерѣ 25 апрѣля 1907 г., устроенномъ Зубашевымъ въ стѣнахъ института съ благотворительною цѣлью, совершена уже крупная кража, около 5000 руб., изъ числа денегъ, собранныхъ съ посѣтителей, и безслѣдно исчезнувшихъ. Это хищеніе обратило вниманіе администраціи и прокурорскаго надзора, по иниціативѣ которыхъ и возбуждено было слѣдствіе. Если бы не вмѣшательство администраціи, то несомнѣнно дѣло это было бы скрыто Зубашевымъ; по крайней мѣрѣ, вопросъ этотъ имъ не поднимался, хотя, казалось бы, что Зубашевъ-то, какъ устроитель, первый долженъ былъ возбудить преслѣдованіе противъ студентовъ-похитителей денегъ, и у него же, какъ близко стоящаго къ этому дѣлу, должно бы быть въ рукахъ много данныхъ къ раскрытію преступленія.

XI.

Бойкотъ преподавателей Кошурникова и Введенскаго. Безпорядки продолжаются. Административная власть въ институтѣ попрежнему бездѣйствуетъ.

Теперь перейдемъ къ бойкоту, который былъ объявленъ преподавателямъ Кошурникову и Введенскому.

Дѣло началось съ 4 декабря 1909 г.

4 и 5 декабря 1909 г. происходили сходки студентовъ инженерно-строительнаго отдѣленія, на которыхъ обсуждался вопросъ объ удаленіи инженера *Введенскаго* и было постановлено предложить инженеру *Кошурникову* подать въ отставку. Поводомъ къ послѣднему постановленію послужило кѣмъ то брошенное въ среду студентовъ мнѣніе, что „Кошурниковъ весьма мало развитъ и съ большимъ гоноромъ“; затѣмъ относительно обоихъ названныхъ преподавателей былъ

вывѣшенъ въ институтѣ анонимный пасквиль. Тогда Кошурниковъ немедленно довелъ до свѣдѣнія студентовъ путемъ письменнаго объявленія о своемъ отказѣ отъ руководительства по статикѣ сооруженій, а 17 февраля подалъ прошеніе объ отпускѣ: такое же прошеніе подалъ и Введенскій. Объ изложенномъ инцидентѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія узнало только изъ сообщенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 25 декабря 1909 года за № 68121 на имя А. Н. Шварца. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ лишить студентовъ, принимавшихъ участіе въ оскорбленіи Кошурникова и Введенскаго, пособій и стипендій, но совѣтъ института, какъ видно, изъ донесенія отъ 14 марта 1910 года не нашелъ къ тому основаній. Вмѣсто выясненія виновниковъ сходки и безпорядковъ, а также авторовъ пасквиля и наложенія на нихъ того или другого наказанія, совѣтъ назначилъ еще производство дознанія надъ Кошурниковымъ и Введенскимъ, прекращенное впослѣдствіи по настоянію Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія Г. К. Ульянова.

2 февраля 1910 года въ 1-й аудиторіи Томскаго технологическаго института состоялась, подъ предсѣдательствомъ студента *Зоммерфильда*, уже разрѣшенная директоромъ института общестуденческая сходка, на которой присутствовало около 400 человѣкъ. Изъ нѣсколькихъ предложенныхъ на обсужденіе резолюцій по вопросу объ экзаменаціонныхъ періодахъ была принята резолюція студента *В. Сохanскаго* приблизительно слѣдующаго содержанія: „Въ виду посланнаго профессорами въ Министерство Народнаго Просвѣщенія запроса о разрѣшеніи срока экзамена въ апрѣлѣ мѣсяцѣ студенты рѣшили въ случаѣ, если отвѣтъ не придетъ во время или будетъ неблагопріятный, бороться всѣми способами, не останавливаясь даже передъ общестуденческой забастовкой“. Затѣмъ студентъ *Л. Абрамовичъ* сказалъ рѣчь, въ которой обличалъ въ крайне рѣзкой формѣ „теперешнихъ студентовъ“ въ отсутствіи у нихъ солидарности въ какихъ либо выступленіяхъ. На этой же сходкѣ былъ объявленъ бой-

коть двумъ студентамъ, не присоединившимся къ рѣшенію всего инженерно-строительнаго отдѣленія не итти на экзаменъ къ преподавателю Кошурникову, которому въ первыхъ числахъ декабря 1909 года студентами было постановлено, какъ говорилось выше, предложить подать въ отставку, а самъ онъ тогда же былъ объявленъ подъ бойкотомъ. Во время же сходки 2 февраля производились денежные сборы въ пользу заключенныхъ товарищей и на канцелярскіе расходы старшинъ студентовъ института. На запросъ по поводу этой сходки, сдѣланный Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 23 марта 1910 года за № 8 чрезъ Попечителя учебнаго округа, директоръ института отвѣтилъ, что съ содержаніемъ рѣчей ораторовъ онъ не знакомъ, и были ли денежные сборы на сходкѣ, ему не извѣстно, что резолюціи сходки не было вывѣшено и что ему ее не представляли*). Такимъ отношеніемъ своимъ къ дѣлу, совершенно непозволительнымъ для начальника учебнаго заведенія, г. директоръ считалъ инцидентъ законченнымъ; на вопросъ же, почему онъ не далъ своевременно свѣдѣній о сходкѣ учебно-окружному начальству, отвѣтилъ, что не имѣлъ къ тому никакихъ основаній. Тогда Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ распоряженіи отъ 21 мая за № 19, директору Томскаго технологическаго института г. Алексѣевскому поставило на видъ необходимость сообщать учебно-окружному начальству обо всемъ, происходящемъ на студенческихъ сходкахъ.

22 марта 1910 года состоялась неразрѣшенная сходка, число участниковъ которой достигло 500 человѣкъ. На этой сходкѣ, наряду съ вопросами объ апрѣльскомъ и сентябрьскомъ экзаменаціонныхъ періодахъ, опять происходилъ сборъ денегъ „въ пользу заключенныхъ товарищей“ и обсуждался вопросъ о депутатѣ Государственной Думы Пуришкевичѣ. Нужно замѣтить, что этотъ вопросъ являлся уже какъ бы продолженіемъ порицанія студентами дѣятельности

*) Донесеніе отъ 30 апрѣля 1910 года за № 4.

названнаго депутата: Такъ, 6 марта на собраніи студентовъ Томскаго технологическаго института для доклада о половой переписи была прочитана во время перерыва заранѣе заготовленная телеграмма съ выраженіемъ порицанія дѣятельности Пуришкевича, которая тотчасъ же, по одобреніи студентами, отправлена по назначенію. Участниками сходки 22 марта между прочимъ была вынесена слѣдующая резолюція: „Предложить директору института въ недѣльный срокъ выяснить вопросъ объ экзаменахъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при чемъ въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, студентами будетъ объявлена забастовка". Начальствомъ института почти никакихъ мѣръ къ воспрепятствованію сходкѣ принято не было; напротивъ, какъ будто бы употреблялись всѣ мѣры къ тому, чтобы эта сходка прошла безпрепятственно. Директоръ института сказался больнымъ и, вмѣсто него, объясняться съ студентами вышелъ проф. *Михайленко*, въ качествѣ помощника директора. Послѣдній объявилъ студентамъ о незаконности сходки, далъ имъ цѣлый часъ времени на размышленіе и послѣ этого отдалилъ еще этотъ срокъ на неопредѣленное время и, такимъ образомъ, сходка продолжалась до 2-хъ часовъ дня, проведя все, что ей было нужно. Кромѣ того, былъ уговоръ, что если свѣдѣнія о сходкѣ дойдутъ до администраціи и въ случаѣ какого либо запроса по этому поводу, отвѣтить, что никакой сходки не было, а собрались студенты въ небольшомъ количествѣ для совершенно частныхъ переговоровъ и занятій. Отъ начальства института относительно и этой сходки не послѣдовало никакого донесенія-ни устнаго, ни письменнаго. Когда же вопросъ о сходкѣ, вслѣдствіе отношенія Томскаго Губернатора отъ 27 марта 1910 г. за № 4223, возникъ, директоръ Алексѣевскій нашелъ оправданіе студентамъ. Въ донесеніи на имя Попечителя учебнаго округа отъ 2 апрѣля за № 3 онъ говоритъ: „необходимо напомнить, что, именно, въ это время столичныя газеты были переполнены извѣстіями о студенческихъ сходкахъ чуть не во всѣхъ высшихъ школахъ Имперіи

по поводу Пуришкевича. Одновременно газеты сообщали о недоразумѣніяхъ на академической почвѣ въ горномъ институтѣ, въ Московскомъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ техническомъ училищѣ, въ Варшавскомъ политехникумѣ, Ново-Александрійскомъ институтѣ, гдѣ дѣло дошло до забастовки, и т. д. Такимъ образомъ, создавалась постепенно атмосфера крайне благопріятная для возбужденія среди студентовъ". Виновники устройства незаконной сходки 22 марта установлены не были и никакого наказанія не понесли. Мало того, на предложеніе Попечителя учебнаго округа отъ 2 апрѣля 1910 г. за № 102 принять возможныя мѣры къ недопущенію въ институтѣ незаконныхъ сходокъ-директоръ отвѣтилъ, что надобности въ этомъ не имѣется, такъ какъ незаконныя сходки являются чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ: сообщенія же о нихъ Попечителю округа находилъ тенденціозно преувеличенными.

20 мая 1910 года, въ послѣдній день майскаго экзаменаціоннаго срока, двое изъ студентовъ — одинъ химическаго, другой инженерно-строительнаго отдѣленія изъявили желаніе держать экзаменъ по строительному искусству у преподавателя Кошурникова; послѣдній, въ виду того, что въ этотъ день всѣ аудиторіи въ главномъ корпусѣ уже были заняты экзаменующими по другимъ предметамъ, пригласилъ студентовъ въ совѣщательную комнату, противъ профессорской, и въ 10 часовъ утра приступилъ къ экзамену. Около 11-ти часовъ за дверями этой комнаты поднялся шумъ и распахнулась дверь. Г. Кошурниковъ направился къ раскрытой двери узнать, въ чемъ дѣло, и увидѣлъ, что человѣкъ 15—20, окруживъ какого-то студента, увлекали его отъ комнаты; за Кошурниковымъ вышли изъ комнаты и экзаменующіеся студенты. На вопросы Кошурникова: „Въ чемъ дѣло? Что случилось?" одинъ изъ экзаменовавшихся студентовъ заявилъ, что какой-то студентъ кавказецъ врывался въ комнату съ револьверомъ въ рукахъ съ словами: «Мы васъ заставимъ считаться съ нашимъ мнѣніемъ»! но товарищи окружили его и оттиснули

отъ дверей. Другой экзаменующійся, возмущаясь этимъ поступкомъ, заявилъ, что при такихъ условіяхъ продолжать экзаменъ невозможно, такъ какъ „они и насъ и васъ застрѣлятъ", и поспѣшилъ уйти. Г. Кошурниковъ прекратилъ послѣ этого экзаменъ. Свидѣтелемъ происшествія, кромѣ студентовъ, былъ еще служитель, находившійся въ верхнемъ коридорѣ при профессорской комнатѣ. Директоръ Алексѣевскій оказался безсильнымъ выяснить, кто былъ этотъ кавказецъ, а можетъ быть и не желалъ поднимать исторіи; Кошурниковъ же не могъ даже назвать фамилій экзаменовавшихся у него студентовъ; эти фамиліи не были выяснены, несмотря на настоятельное распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 4 августа 1910 г. за № 3896.

11 октября собравшимися студентами вновь обсуждался вопросъ объ отношеніи къ Кошурникову, при чемъ предложена была резолюція, коей къ означенному преподавателю долженъ быть примѣненъ бойкотъ въ видѣ непосѣщенія его лекцій и исполненія заданій на дому, безъ всякихъ съ его стороны указаній: нѣкоторые же изъ участниковъ сходки предлагали объявить Кошурникову полный бойкотъ, а именно: не брать какъ заданій, такъ и указаній и не держать у него экзаменовъ. И это сошло студентамъ съ рукъ.

20 октября лекціи и практическія занятія въ Томскомъ технологическомъ институтѣ не состоялись за воздержаніемъ отъ занятій студентовъ, *которые желали почтить память своихъ погибшихъ 20 октября 1905 г. товарищей революціонеровъ*. Объ изложенномъ директоръ института донесъ только по требованію Попечителя учебнаго округа тайнаго совѣтника Лаврентьева отъ 30 октября за № 2971, наивно присовокупивъ, что ученія не было «по примѣру прежнихъ лѣтъ». Хорошій же примѣръ! Въ правительственномъ учрежденіи, носящемъ Имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, ежегодно чтится память погибшихъ въ 1905 г. революціонеровъ. Какъ

же могъ допускать это г. директоръ Томскаго технологическаго института!

Но обратимся къ дальнѣйшему ходу событій.

На студенческомъ собраніи 24 октября, состоявшемся съ разрѣшенія директора института по поводу кончины Муромцева, рѣшено было почтить память умершаго посылкой телеграммы къ сороковому дню кончины на имя Ректора Московскаго университета. Съ этою цѣлью собраніемъ была организована комиссія, которой было поручено составить текстъ телеграммы и вывѣсить въ институтѣ для подписи сочувствующихъ подъ этой телеграммой. Сходка продолжалась два часа; присутствовало около 250 студентовъ. Текстъ телеграммы былъ вывѣшенъ 26 октября и 27 было 642 подписи. Телеграмма гласила слѣдующее; «Москва. Ректору Университета. Къ сороковому дню кончины Сергѣя Андреевича Муромцева. Студенты Томскаго технологическаго института глубоко скорбятъ о безвременной смерти благороднаго предсѣдателя 1-ой Государственной Думы, Думы народныхъ надеждъ. Нѣтъ болѣе стойкаго общественнаго дѣятеля, поборника идеи. Не стало борца за автономію высшей школы и свободную науку; нѣтъ больше друга студенчества, и мы лишь утѣшаемся словами Сергѣя Андреевича: „счастливъ тотъ, кого оплакиваютъ послѣ смерти“. Спрашивается, какое имѣлъ отношеніе къ институту г. Муромцевъ, чтобы у директора этого учебнаго заведенія было основаніе разрѣшить студентамъ сходку, для обсужденія вопроса, какъ почтить его память? О сходкѣ 24 октября, носившей безъ сомнѣнія политическій характеръ, Г. Попечитель учебнаго округа узналъ только изъ № 237 газеты „Сибирская Жизнь“; директоръ же института, не смотря на распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, не находилъ нужнымъ поставить его въ извѣстность.

6-го ноября въ часъ дня студенты института, въ количествѣ около 150 человѣкъ, собрались въ чертежной № 1 на неразрѣшенную сходку; главнымъ предметомъ обсужденія на этой сходкѣ было строгое

исполненіе въ институтѣ правилъ для студентовъ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. На этотъ разъ дѣло доведено до конца не было, такъ какъ послѣ двухкратнаго требованія директора студенты прекратили собраніе. На слѣдующій день, т. е. 7 ноября, уже съ разрѣшенія директора, предполагалась общестуденческая сходка, для обсужденія экзаменаціонныхъ сроковъ въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ. На сходку собралось около 500 человѣкъ; но въ самомъ началѣ сходка была прекращена, вслѣдствіе полученія извѣстія о кончинѣ Л. Н. Толстого. Студенты постановили въ знакъ траура воздержаться отъ занятій въ институтѣ въ теченіе трехъ дней—8, 9 и 10 ноября. По выходѣ изъ института они остановились противъ лекціоннаго корпуса, пропѣли „вѣчную память“ и направились по Садовой улицѣ—къ университету, гдѣ происходила защита докторскихъ диссертацій врачами *Вакуленко* и *Софотеровымъ*. Въ виду того, что зданіе университета было уже закрыто, толпа остановилась у подъѣзда. Явившійся къ толпѣ помощникъ проректора, г. *Каминскій*, предложилъ студентамъ разойтись и распорядился снять вывѣшенную на внѣшней стѣнѣ зданія резолюцію сходки—почтить память Толстого прекращеніемъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣсто снятой резолюціи, студентамъ разрѣшено было, по ихъ просьбѣ, вывѣсить только лаконическое извѣщеніе о смерти Толстого.

8 ноября около часа дня изъ зданія технологическаго института вышла толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ—студентовъ съ портретомъ умершаго графа и намѣревалась пройти съ пѣніемъ „вѣчной памяти“ на Ново-Соборную площадь; но полиціймейстеръ приказалъ студентамъ разойтись и прекратить пѣніе, предупредивъ, что, при неисполненіи этого распоряженія, онъ будетъ вынужденъ употребить силу. Часть студентовъ безъ особыхъ пререканій, вмѣстѣ съ портретомъ Толстого, отправилась къ зданію университета, и оставшіеся на улицѣ около 400 человѣкъ были разсѣяны прибывшимъ нарядомъ конной стражи. Ушедшіе къ зданію университета студенты также скоро разо-

шлись, и болѣе или менѣе значительныхъ безпорядковъ не произошло.

Слѣдующія сходки были 11 и 12 ноября.

XII.

Студенты рекомендуютъ директору Алексѣевскому болѣе внимательное и сердечное отношеніе къ ихъ нуждамъ. Обсужденіе на сходкахъ пунктовъ А и Б § 4 правилъ прохожденія учебнаго курса. Призывъ къ борьбѣ съ профессурой.

11 ноября состоялась сходка въ аудиторіи № 1, для прочтенія ряда рефератовъ по поводу кончины Л. Н. Толстого; на сходкѣ присутствовало около 1000 студентовъ. На этотъ разъ никакихъ инцидентовъ не произошло. Сходка разрѣшена была директоромъ института. Сходка 12 ноября состоялась также съ разрѣшенія директора и въ той же аудиторіи № 1 по поводу экзаменовъ въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ. Спустя часъ послѣ начала собранія, устроитель сходки заявилъ директору института, что студенты отступили отъ разрѣшенной программы, вслѣдствіе чего собраніе объявлено было незаконнымъ. Дѣло было, однако же, сдѣлано, результатомъ чего явилось объявленіе „Къ свѣдѣнію студентовъ, не бывшихъ на сходкѣ 12 ноября“. Содержаніе объявленія было слѣдующее: „Сходка студентовъ, въ числѣ 450 человѣкъ, обсуждая вопросъ о директорѣ, вынесла слѣдующую резолюцію: „Отрицательно относясь къ общей министерской политикѣ, а также къ общему укладу правилами установленныхъ взаимоотношеній между профессурой и студенчествомъ, сходка тѣмъ не менѣе выражаетъ пожеланіе, чтобы вновь избранный директоръ проявилъ, по возможности, болѣе внимательности и сердечнаго участія къ нуждамъ студенчества“. Такимъ образомъ, попустительство г. Алексѣевскаго не спасло его отъ порицанія студентовъ, нашедшихъ въ дѣятельности его отсутствіе вниманія къ студен-

тамъ и сердечности, а въ дальнѣйшемъ привело къ самымъ печальнымъ результатамъ. Вскорѣ начинаются сходки и волненія студентовъ на почвѣ обсужденія пунктовъ „А“ и „Б“ § 4 правилъ прохожденія учебнаго курса. Сходки происходятъ 21, 23 и 24 ноября и для профессоровъ выносятся обидныя резолюціи.

21 ноября студенты 1 курса института, съ подлежащаго разрѣшенія, собрались для обсужденія способовъ облегченія сдачи „минимума“, на эту сходку явились студенты среднихъ курсовъ и подняли вопросъ о пунктѣ „Б“ учебныхъ правилъ. Сходка носила характеръ предварительнаго совѣщанія.

23 ноября, съ 2-хъ часовъ дня, была созвана разрѣшенная сходка для студентовъ того же 1 курса, пожелавшихъ выяснить нѣкоторые пункты правилъ прохожденія учебнаго курса.

24 ноября состоялась общестуденческая сходка, для обсужденія пунктовъ „А“ и „Б“ § 4 тѣхъ же правилъ и продолжалась съ 2-хъ часовъ дня до 7-ми часовъ вечера; на сходкѣ присутствовало до 700 студентовъ. Вниманіе ихъ было обращено на § 6 учебныхъ правилъ объ увольненіи студентовъ, не выполнившихъ требованій § 4 и 5. Сходкой баллотировались двѣ резолюціи, а именно:

1. Принимая во вниманіе общую правительственную политику, а въ частности политику Министерства Народнаго Просвѣщенія, выразителемъ коей является Томская профессура, общестуденческая сходка, собравшаяся 24 ноября 1910 г., въ количествѣ стольких то человѣкъ, рѣшила, что установленные циркуляромъ минимумы зачетовъ, какъ идущіе вразрѣзъ съ идеей автономной школы, для студенчества не пріемлемы, а посему правила, касающіяся минимума, изданныя циркуляромъ, должны быть отмѣнены, какъ направленныя противъ свободы науки, свободы высшей школы. Руководствуясь вышеизложеннымъ, постановили: вплоть до удовлетворенія требованій, т. е. отмѣны минимума, уклониться отъ занятій, не считаясь съ продолжительностью времени“.

2. „Вѣрная лозунгу, выброшенному сознательнымъ студенчествомъ: „да здравствуетъ свободная высшая школа“! сходка студентовъ Томскаго технологическаго института выражаетъ свой протестъ по поводу вторженія грубой силы въ нашу академическую жизнь въ формѣ установленныхъ Министерствомъ минимумовъ, а также протестуетъ противъ молчаливаго и пассивнаго отношенія профессуры къ этому дѣлу. Считая, что при данныхъ обстоятельствахъ общая принципіальная борьба на почвѣ полнаго уничтоженія минимума практически не цѣлесообразна, сходка тѣмъ не менѣе считаетъ для облегченія положенія своихъ товарищей вполнѣ раціональнымъ и своевременнымъ перенести борьбу съ общей принципіальной почвы на почву нашей академической жизни. Съ этой цѣлью сходка немедленно же выдѣляетъ изъ себя исполнительный комитетъ, который въ возможно короткій срокъ сгруппируетъ рядъ тѣхъ вопросовъ, касающихся минимума, на почвѣ которыхъ необходимо будетъ вести борьбу. На него также возлагается вся организаціонная работа по выбору курсовыхъ старостъ—организаціи безусловно необходимой для планомѣрной организаціонной борьбы“.

Такъ какъ студенты раздѣлились почти поровну, то рѣшено было устроить плебисцитъ. 25 ноября одинъ изъ студентовъ, явившись къ директору института, просилъ разрѣшенія на устройство плебисцита. Вопросъ подвергся обсужденію въ совѣтской комиссіи, а затѣмъ былъ переданъ на обсужденіе совѣта института. 26 ноября совѣтъ постановилъ плебисцитъ отклонить и довести объ этомъ до свѣдѣнія студентовъ путемъ нижеслѣдующаго объявленія: „Совѣтъ Томскаго технологическаго института, узнавъ о желаніи студентовъ поставить на плебисцитъ вопросы, выработанные ими на сходкѣ 24 ноября текущаго года, не нашелъ возможнымъ разрѣшить такой плебисцитъ, съ одной стороны, съ чисто принципіальной точки зрѣнія, именно въ виду выяснившейся въ теченіе ряда лѣтъ необходимости извѣстныхъ рамокъ въ видѣ требованія минимума зачетовъ, для обезпеченія

успѣшности занятій студентовъ, съ другой стороны— считая недопустимой форму означенныхъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ находитъ обсужденіе вопроса о возможномъ увольненіи студентовъ изъ за невыполненія минимума въ настоящее время преждевременнымъ, такъ какъ остается еще три экзаменаціонныхъ срока и цѣлое полугодіе занятій". Виновные въ порицаніи профессоровъ не были привлечены г. директоромъ къ какой либо отвѣтственности, а ламентаціи совѣта не оказали на студентовъ никакого воздѣйствія; даже не было предпринято совѣтомъ серьезныхъ мѣръ противъ организаціи исполнительнаго комитета и курсовыхъ старостъ, установленныхъ „для организаціонной борьбы съ профессурой".

Чѣмъ больше г.г. профессора потакаютъ студентамъ въ ихъ распущенности, тѣмъ больше теряютъ свой авторитетъ и всякое къ себѣ уваженіе. Это общеизвѣстная истина. Такъ и въ данномъ случаѣ. Мѣры совѣта, принятыя противъ осуществленія плебисцита, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣнчались успѣхомъ. Студенты произвели плебисцитъ, при чемъ изъ 1620 студентовъ института 459 высказались за первую резолюцію, т. е. за объявленіе забастовки, а 611 за вторую резолюцію—за выборъ исполнительнаго комитета и курсовыхъ старостъ для планомѣрной и организаціонной борьбы съ профессурой относительно минимума. Далѣе явился вопросъ о разрѣшеніи 30 ноября общестуденческой сходки, для объявленія результатовъ плебисцита. Вопросъ этотъ былъ переданъ директоромъ института на обсужденіе совѣта, который постановилъ сходку разрѣшить и напомнить студентамъ отъ имени совѣта о недопустимости курсовыхъ старостъ, согласно министерскому распоряженію.

Сходка 30 ноября носила бурный характеръ и продолжалась съ 12-ти часовъ дня до 5 часовъ вечера; въ началѣ присутствовало до 800 человѣкъ, но часовъ съ 3-хъ—около 400 человѣкъ. Вопросъ шелъ о тѣхъ же пунктахъ „А" и „Б". Сходка избрала комиссію изъ пяти человѣкъ, кото-

рую и уполномочила подать въ совѣтъ заявленіе съ просьбой дать отвѣтъ на вопросы студентовъ въ трехдневный срокъ; кромѣ того, постановила, по полученіи отвѣта, созвать новую сходку для рѣшенія способовъ продолжать борьбу. Предсѣдателемъ на сходкѣ 20 ноября, на которой, кстати сказать, пѣлись революціонныя пѣсни, произносились рѣчи на политическія темы и производились денежные сборы въ пользу политическихъ заключенныхъ, былъ студентъ Иванъ *Протасовъ*; названный же Протасовъ являлся иниціаторомъ резолюціи, вынесенной 24 ноября 1910 года о проведеніи трехдневной забастовки, въ видѣ демонстраціи; онъ былъ намѣченъ въ кандидаты замѣстителей членовъ „стачечнаго исполнительнаго комитета“; обыскомъ, произведеннымъ у него 12 декабря 1910 года, обнаруженъ автоматическій пистолетъ системы «Браунингъ» съ 2-мя къ нему обоймами и 8 боевыми патронами. Въ 1906 г. Протасовъ состоялъ членомъ Томской организаціонной партіи соціалъ-революціонеровъ и занимался приготовленіемъ бомбъ-шумихъ, и несмотря на все это, начальствомъ Томскаго технологическаго института не только не былъ привлеченъ за устройство, вмѣсто академической, незаконной политической сходки студентовъ къ отвѣтственности, но когда понесъ наказаніе со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нашелъ себѣ, въ лицѣ директора Алексѣевскаго, защитника и покровителя, который самымъ настойчивымъ образомъ ходатайствовалъ о возвращеніи этого студента изъ ссылки въ Тобольскую губернію, гдѣ онъ находился подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

Слѣдующая неразрѣшенная сходка, подъ предсѣдательствомъ того же Протасова, съ пѣніемъ тѣхъ же революціонныхъ пѣсенъ и сборомъ денегъ, была 3 декабря. Участники этой сходки пытались обязать студентовъ воздержаться отъ экзаменовъ. Окончательное постановленіе не состоялось, благодаря выходу въ коридоръ части студентовъ, не согласныхъ съ забастовщиками. На слѣдующій день, т. е. 4 декабря, поступило заявленіе студентовъ о разрѣшеніи

торжественнаго собранія въ воскресенье, 5 декабря, по поводу десятилѣтія существованія института, гдѣ предполагалось прочитать рядъ рефератовъ, между прочимъ, *объ участіи студентовъ въ событіяхъ послѣдняго десятилѣтія.* Въ виду отказа директора, мотивированнаго тѣмъ, что въ праздники 5 и 6 декабря институтъ будетъ закрытъ, студенты стали просить разрѣшить сходку по академическимъ вопросамъ на 7 декабря. По всѣмъ даннымъ эта сходка предназначалась для окончательнаго провозглашенія забастовки. Въ этотъ же день еще двѣ группы студентовъ обращались къ директору за разрѣшеніемъ особыхъ сходокъ также 7 декабря; но въ виду крайняго возбужденія студентовъ и ихъ намѣренія противодѣйствовать забастовщикамъ, совѣтъ института, въ засѣданіи 4 декабря, постановилъ закрыть институтъ 7, 8 и 9 декабря, а съ 10 начать экзамены. Закрытіе института состоялось вопреки циркулярному распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія вообще не закрывать высшихъ учебныхъ заведеній. Далѣе неблагопріятныя для академической жизни института обстоятельства пошли crescendo; виновные же попрежнему не привлекались къ отвѣтственности и не несли никакого наказанія.

XIII.

Студенты срываютъ экзамены. Профессора не выдаютъ зачинщиковъ. Въ дѣло приходится вмѣшаться Попечителю учебнаго округа. Воззваніе исполнительнаго комитета.

Въ учебно-окружномъ управленіи получены были свѣдѣнія, что часть студентовъ Томскаго технологическаго института, рѣшившая воздержаться отъ декабрьскихъ экзаменовъ, намѣрена 10 декабря 1910 года и въ послѣдующіе дни экзаменовъ насильственно не допускать къ таковымъ своихъ товарищей, желающихъ экзаменоваться, не останавливаясь даже передъ примѣненіемъ, въ случаѣ надобности, химической

обструкціи. Директоръ института поставленъ былъ объ этомъ въ извѣстность, но, по обыкновенію, не принялъ никакихъ болѣе или менѣе положительныхъ мѣръ къ недопущенію сходки и безпорядковъ.

10 декабря около 10 часовъ утра нѣсколько десятковъ студентовъ ворвались въ главный корпусъ вслѣдъ за пропущенными на экзамены и въ канцелярію, оттолкнувъ сторожей. У воротъ появилось объявленіе за подписью исполнительнаго комитета, приглашавшее студентовъ прекратить экзамены, но не отходить отъ главнаго корпуса. Постепенно подходившіе студенты входили въ институтъ почти безпрепятственно, такъ какъ стоявшіе во дворѣ не давали возможности запереть калитку. Затѣмъ была взломана дверь въ аудиторію № 1 и въ 11-ть часовъ, когда собралось около 400 человѣкъ, началась сходка. При входѣ въ аудиторію директора вмѣстѣ съ деканомъ проф. Тове и преподавателемъ Введенскимъ, въ ней царили невообразимый шумъ и хаосъ. Подождавъ, когда наступила тишина, Алексѣевскій объявилъ сходку незаконной и пригласилъ студентовъ разойтись. Предсѣдатель сходки заявилъ, что студенты сейчасъ разойдутся, такъ какъ уже вынесена резолюція о забастовкѣ до 10 января. Спустя четверть часа студенты дѣйствительно вышли изъ аудиторіи и разошлись по коридорамъ. Сходка продолжалась около часа и закончилась къ 12-ти часамъ. Въ это время въ институтѣ было, вѣроятно, до 1000 человѣкъ. На стѣнахъ появились объявленія: „Постановленіемъ сходки объявляется бойкотъ тѣмъ профессорамъ и студентамъ, которые будутъ экзаменовать и экзаменоваться“. Въ физическомъ корпусѣ экзаменъ въ этотъ день начался только у проф. Бобарыкова, къ которому явились экзаменоваться 7 человѣкъ. Вскорѣ послѣ начала экзамена, при пропускѣ двухъ лицъ, представившихъ бланки, прорвалось около десятка студентовъ, которые затѣмъ, отстранивъ служителя, впустили еще человѣкъ пятнадцать. Нѣсколько человѣкъ вошли на экзаменъ и предложили профессору и студентамъ прекратить экзаменъ. Пятеро экзаменовавшихся не-

медленно подчинились требованіямъ забастовщиковъ, а двое остались. Въ горный корпусъ, вслѣдъ за двумя студентами, пришедшими экзаменоваться, вломилось нѣсколько человѣкъ, которые, сорвавъ расписаніе экзаменовъ, бросились осматривать помѣщеніе съ цѣлью убѣдиться, не идутъ ли экзамены? Тогда и тѣ двое, которые намѣревались экзаменоваться, вышли изъ корпуса. Въ химическій корпусъ никто изъ студентовъ не явился. На слѣдующій день директору и нѣкоторымъ профессорамъ была прислана по почтѣ слѣдующая резолюція сходки 10 декабря: „Принимая во вниманіе, 1) что совѣтъ Томскаго технологическаго института закрылъ съ 5 декабря институтъ, что этимъ закрытіемъ совѣтъ имѣлъ въ виду воспрепятствовать студентамъ собираться для обсужденія вопросовъ, недопустимыхъ только съ полицейской точки зрѣнія; такимъ образомъ совѣтъ профессоровъ выступилъ въ несоотвѣтствующей роли охранителя такъ называемой общественной безопасности и государственнаго порядка, добровольно взявъ на себя роль полиціи; 2) что закрытіе института явилось вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ для обсужденія академическихъ нуждъ, что такимъ образомъ на попытку студенчества формулировать свои желанія и заговорить съ совѣтомъ человѣческимъ языкомъ, послѣдній отвѣтилъ закрытіемъ дверей; 3) что самое закрытіе безъ всякаго повода со стороны студенчества было обставлено такими возмутительными условіями, что институтъ походилъ скорѣе на тюрьму, чѣмъ на учебное заведеніе,—сходка студентовъ-технологовъ, собравшихся въ громадномъ большинствѣ 10 декабря, предъявляетъ совѣту профессоровъ слѣдующія требованія.

1. Экзаменаціонные сроки по всѣмъ предметамъ должны быть не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ и Московскомъ техническомъ училищѣ, при чемъ сходка указываетъ совѣту профессоровъ, что какъ въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, такъ и въ Московскомъ техниче-

скомъ училищѣ экзамены происходятъ болѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ.

2. На выполненіе минимума „Б“ для студентовъ всѣхъ годовъ, начиная съ 1908 г., должно быть одинаково дано 4 года.

3. Студентамъ, уволеннымъ по пункту „А“, должны быть зачтены всѣ сдѣланные ими зачеты, независимо отъ отмѣтки.

4. Исполненіе минимума «А» и «Б» должно учитываться послѣ сентябрьскаго срока.

5. Всѣ другія ненормальности въ программахъ отдѣленій и курсовъ должны разрабатываться совѣтской комиссіей совмѣстно съ представителями студенчества.

Выставляя вышепоименованныя требованія, студенты Томскаго технологическаго института объявляютъ забастовку до 10 января 1911 года и назначаютъ на тотъ же день сходку, гдѣ, ознакомившись съ рѣшеніемъ совѣта профессоровъ, студенчество предприметъ дальнѣйшіе шаги. Кромѣ того, студенчество считаетъ не лишнимъ обратить вниманіе г.г. профессоровъ на поведеніе проф. *Малѣева*, который во время закрытія института устроилъ «частные экзамены съ задняго крыльца», такое поведеніе проф. Малѣева является нарушеніемъ постановленія совѣта о закрытіи института. Хотя проф. Малѣевъ и дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ въ интересахъ общественнаго спокойствія и государственнаго порядка, удовлетворяя благонравную часть студенчества и содѣйствуя скорѣйшему разъѣзду студентовъ изъ Томска, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ г. г. профессорамъ исполнять свои собственныя рѣшенія. Исполнительный Комитетъ“.

Въ половинѣ перваго въ институтъ прибылъ Попечитель учебнаго округа г. Лаврентьевъ, чтобы узнать о положеніи дѣла. Сходка уже разошлась. Г. Попечитель предложилъ директору созвать экстренное засѣданіе совѣта, для обсужденія создавшагося положенія и для принятія на будущее время самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ предупрежденію возможныхъ безпорядковъ. На этомъ совѣтѣ г. Лаврентьевъ въ са-

момъ подробномъ изложеніи нарисовалъ общую картину всѣхъ бывшихъ въ теченіе послѣдняго времени въ институтѣ безпорядковъ съ попутною характеристикой всѣхъ студенческихъ безобразій и указаніемъ на неправильныя дѣйствія какъ директора, такъ и совѣта. Въ заключеніе г. Попечитель просилъ совѣтъ сдѣлать выводъ изъ его изложенія и высказаться относительно принятія на будущее время надлежащихъ мѣръ. Такъ какъ ни г. директоръ института, ни совѣтъ никакихъ серьезныхъ мѣръ не указали, а рекомендовали принаравливаться къ обстоятельствамъ и сообразоваться съ дальнѣйшимъ положеніемъ вещей, то г. Попечитель учебнаго округа предложилъ съ своей стороны директору и совѣту института на будущее время сходокъ, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, въ зданіи института не допускать. Кромѣ экстреннаго совѣщанія профессоровъ въ 3 часа дня, созваннаго по иниціативѣ г. Лаврентьева, совѣтъ въ тотъ же день, т. е. 10 декабря, имѣлъ другое экстренное засѣданіе, на которомъ постановлено было продолжать экзамены согласно расписанію и предоставить свободный входъ въ институтъ всѣмъ студентамъ безъ предъявленія экзаменнаго бланка и объявить отъ имени совѣта слѣдующее:

„Совѣтъ Томскаго технологическаго института выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу насилія, произведеннаго студентами 10 декабря 1910 года.

Совѣтъ приглашаетъ студентовъ приступить къ экзаменамъ съ 11 декабря и имѣетъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ открыть чертежныя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія студентовъ, что впредь до возстановленія нормальнаго хода жизни въ институтѣ, желая избѣжать дальнѣйшихъ осложненій, онъ не считаетъ возможнымъ допустить въ стѣнахъ института какія либо сходки и собранія“.

Виновники безпорядковъ 10 декабря не понесли никакого наказанія. Г. Попечитель учебнаго округа и г. Министръ Народнаго Просвѣщенія настоятельно

просили директора института и совѣтъ выяснить забастовщиковъ и зачинщиковъ безпорядковъ, устроившихъ сходку, но просьба эта осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ представленіи отъ 14 декабря за № 14 директоръ Алексѣевскій сообщилъ г. Лаврентьеву, что фамиліи зачинщиковъ студенческихъ безпорядковъ ему неизвѣстны; между тѣмъ, какъ видно изъ его же донесенія отъ 13 декабря за № 12, что онъ самъ разговаривалъ, въ присутствіи проф. Тове и преподавателя Введенскаго, съ предсѣдателемъ сходки. Неужели никто изъ нихъ не зналъ этого студента и не поинтересовался узнать, кто онъ такой! Неужели всѣ трое они не запомнили даже физіономіи его, чтобы установить затѣмъ фамилію? Безцеремонность отвѣта г. Алексѣевскаго прямо поразительна! Можно попустительствовать, но не въ такой ужъ степени.

11 декабря никто изъ студентовъ на экзамены не явился.

12 декабря, въ воскресенье, институтъ былъ закрытъ Въ этотъ же день, утромъ, по дѣламъ студенческой забастовочной организаціи обысканы и арестованы въ порядкѣ положенія о государственной охранѣ студенты Томскаго технологическаго института:

Добролюбовъ Дмитрій.
Гузманъ Абрамъ.
Соколовъ Григорій.
Созонтовъ Семенъ.
Родкевичъ Игорь.
Абрамовичъ Левъ.
Соханскій Василій.
Иванянцъ Абрамъ.
Бергольцъ Яковъ.
Сергѣевъ Сергѣй.
Протасовъ Иванъ.

По телеграфному распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 17 декабря 1910 г. перечисленные студенты были исключены и высланы подъ

гласный надзоръ полиціи: Добролюбовъ и Протасовъ въ сѣверные уѣзды Тобольской губерніи на 3 года; Иванянцъ, Родкевичъ, Татариновъ, Гузманъ, Созонтовъ, Сергѣевъ и Бергольцъ въ Вологодскую губернію на два года и Абрамовичу воспрещено жительство въ Томской губерніи и въ столичныхъ городахъ, а также въ городахъ съ высшими учебными заведеніями на одинъ годъ; кромѣ того постановлено выслать изъ предѣловъ Томской губерніи *Барскаго*. Директоръ же института, слѣдуя своей обычной тактикѣ, далъ объ уволенныхъ студентахъ самый благопріятный отзывъ и настаивалъ на обратномъ пріемѣ ихъ въ институтъ, такъ какъ ничего худого они не сдѣлали.

13 декабря экзамены не состоялись. Студенты приходили въ институтъ и собирались небольшими группами для переговоровъ. Были вывѣшены слѣдующія объявленія:

1) Исполнительный Комитетъ извѣщаетъ объ арестѣ 35 товарищей въ ночь на 12 декабря и проситъ не отступать отъ рѣшеній послѣдней сходки.

Карандашемъ было приписано: „Арестовано 12 человѣкъ. Правленіе четвертаго кружка самообразованія“.

2) Воззваніе къ студентамъ.

«Товарищи!»

„Кому теперь неизвѣстно, что академическая жизнь института поставлена въ недопустимыя условія? Совѣтъ профессоровъ за послѣдніе дни рѣшительно и окончательно ярко охарактеризовалъ себя. Наши отношенія къ нему опредѣленно выражены въ нашихъ резолюціяхъ на послѣдней сходкѣ. Нужна борьба; внѣ ея нѣтъ исправленія недостатковъ, нѣтъ выхода изъ создавшагося положенія. Третьяго дня мы всѣ узнали телеграфно, что Совѣтъ Министровъ поручилъ начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ, независимо отъ общеустановленной отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ среди учащихся, безотлагательно распорядиться исключеніемъ изъ учебныхъ заведеній лицъ, не под-

чиняющихся правиламъ, установленнымъ для учебныхъ заведеній. И это распоряженіе Министровъ съ лихорадочною поспѣшностью уже выполняется у насъ! Вчера уже арестовано нѣсколько товарищей. Старая идея—ловить подстрекателей и руководителей движенія выплыла вновь. Но тамъ, гдѣ всѣми чувствуется ненормальность, тамъ нѣтъ руководителей; тамъ всѣ единодушны. Мы не будемъ молчать и на этотъ разъ, у насъ хватитъ энергіи для отстаиванія неповинно арестованныхъ и не отвѣтственныхъ за всѣхъ насъ нашихъ товарищей! Только единодушіе можетъ служить залогомъ успѣха въ борьбѣ за наши нужды".

„Товарищи".

„Мы призываемъ васъ съ той же настойчивостью продолжать начатое дѣло, отстаивать свои нужды, отстаивать своихъ товарищей, не измѣнять свои отношенія и къ совѣту профессоровъ, большинство котораго, упорно примѣняя полицейскія мѣры, забыло всякія границы элементарной этики и, проводя свои „принципы" въ академическую жизнь, забыло совсѣмъ даже о нашей „псевдоавтономіи".

Приписано карандашемъ: „Товарищи! собирайте покамѣстъ деньги на нужды арестованныхъ".

Того же 13 декабря обысканъ въ порядкѣ государственной охраны и арестованъ *Борисъ Барскій*, по обвиненію въ участіи въ составѣ стачечнаго комитета; кромѣ того, остались неразысканными подлежащіе задержанію, какъ изобличаемые въ организаціи сходокъ, агитаціи за проведеніе забастовки и участіи въ составѣ стачечнаго комитета студенты: Моисей *Келлерманъ*, Абрамъ *Эпштейнъ* и Хаимъ *Бронштейнъ*. Названные студенты исключены изъ института по телеграфному распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 8 января 1911 г.

Этимъ день 13 декабря не окончился. Въ виду несостоявшихся въ послѣдніе три дня экзаменовъ, совѣтъ института въ экстренномъ засѣданіи 13 декабря постановилъ закрыть институтъ съ 14 декабря до начала весенняго полугодія 1910—1911

учебнаго года. Привыкшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ ничего недѣланію, кромѣ занятія политикой, профессора Томскаго технологическаго института только и могли остановиться на этой мѣрѣ, какъ вполнѣ отвѣчающей выработавшемуся у нихъ міровоззрѣнію и установившимся привычкамъ.

17 декабря къ директору института явился жандармскій ротмистръ Кирпотенко, который, послѣ разспросовъ въ теченіе двухъ часовъ о бывшихъ безпорядкахъ въ институтѣ и участіи въ нихъ нѣкоторыхъ студентовъ, предложилъ г. *Алексѣевскому* собственноручно заполнить приложенный бланкъ протокола. Г. Алексѣевскій вступилъ съ Кирпотенко въ пререканія; онъ выразилъ ротмистру свое сомнѣніе въ правѣ жандармскаго управленія предлагать ему, какъ директору института, заполнить бланкъ для свидѣтелей, полагая, что запросы по дѣламъ службы дѣлаются письменно, съ цѣлью дать возможность сообщить требуемыя свѣдѣнія не только на память, но и по наведеніи надлежащихъ справокъ. Вмѣсто того, чтобы оказать жандармскому ротмистру всякое содѣйствіе, г. Алексѣевскій обратился еще, отъ 29 декабря 1910 г. за № 3248, къ Попечителю учебнаго округа съ жалобой на него, какъ это жандармскій офицеръ позволилъ себѣ опрашивать его, директора института?

XVI.

Общестуденческая сходка 17 января 1911 г. Постановлено забастовать до 1-го сентября.

Съ 14 декабря 1910 г. до 17 января 1911 г. жизнь технологическаго института находилась въ колебательномъ состояніи. Дѣлать никому ничего не хотѣлось; студенты о чемъ-то все совѣщались; откуда-то ждали какихъ-то инструкцій; профессора неохотно шли на экзамены и другія занятія; преподаватели тоже. На такое печальное положеніе дѣла своевремен-

но обращено было вниманіе директора Алексѣевскаго со стороны г. Попечителя учебнаго округа, который, въ предложеніи отъ 13 января 1911 г. за № 246, писалъ слѣдующее: „До свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренномъ Вамъ Томскомъ технологическомъ институтѣ въ настоящее время нѣтъ ни начальства, ни профессоровъ, ни преподавателей, не ведется рѣшительно никакихъ занятій; студенты же бродятъ по коридорамъ и другимъ помѣщеніямъ института, оставаясь рѣшительно безъ всякаго надзора и наблюденія, о чемъ-то между собою разговариваютъ, вывѣшиваютъ разныя объявленія и прокламаціи“ и т. д. Въ виду изложеннаго г. Лаврентьевъ просилъ Алексѣевскаго увѣдомить его, насколько полученныя имъ свѣдѣнія достовѣрны и буде они подтвердятся или хоть нѣкоторая часть ихъ, предлагалъ увѣдомить, какія мѣры предполагалъ онъ принять для прекращенія указанныхъ безобразныхъ явленій и для предотвращенія ихъ на будущее время.“. Что же отвѣтилъ на это г. директоръ Томскаго технологическаго института?—Профессора-де постоянно являются въ назначенное время для исполненія своихъ обязанностей, но число студентовъ, приступившихъ къ занятіямъ лабораторнымъ и графическимъ работамъ, незначительно и достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ; настроеніе же студентовъ остается по прежнему тревожнымъ, такъ какъ волненія студенчества Европейской Россіи безъ сомнѣнія отражаются на настроеніи студентовъ Томскаго института (15 января 1911 г, за № 124). Изъ приведеннаго сообщенія видно, что г. Алексѣевскій не единымъ словомъ не обмолвился относительно мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ въ подвѣдомомъ ему учебномъ заведеніи; свѣдѣнія же, данныя относительно исполненія профессорами и преподавателями института возложенныхъ на нихъ обязанностей, нисколько не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію дѣла. Наконецъ, ожидаемое событіе совершилось, 17 января въ 11 часовъ дня въ коридорѣ главнаго корпуса технологическаго института состоялось, сравнительно, значительное и непро-

должительное собраніе студентовъ, вынесшее рѣшеніе о прекращеніи занятій до 1 сентября 1911 г. Дѣло происходило такъ. Одинъ изъ студентовъ, помѣстившись на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, объявилъ себя предсѣдателемъ сходки, указавъ при этомъ на недостатокъ времени для выбора такового. Объявивъ собраніе открытымъ не болѣе, какъ на пять минутъ, въ виду возможности появленія полиціи, прочиталъ гектографированную резолюцію и поставилъ на баллотировку два срока забастовки: 1 февраля и 1 сентября. Послѣдній срокъ былъ принятъ большинствомъ поднятіемъ рукъ и одобренъ громомъ аплодисментовъ. Никакихъ преній не происходило. Мотивы забастовки: событія университетской жизни послѣдняго времени, усиленіе реакціи, возмущеніе политикой правительства и негодованіе на совѣтъ профессоровъ, который въ отвѣтъ на предъявленныя требованія „отвѣтилъ гробовымъ молчаніемъ, скрывшись за спину министерскихъ циркуляровъ“. Уже въ концѣ сходки явился директоръ института и предложилъ студентамъ, находившимся въ корилорѣ, разойтись. Въ то же время всѣ входы и выходы заняла полиція, и выходъ изъ института сталъ, такимъ образомъ, не возможенъ Полицейскія и жандармскія власти, послѣ переговоровъ съ директоромъ, предложили всѣмъ студентамъ сообщить свои фамиліи, при условіи свободнаго выхода послѣ этого изъ института. Большинство назвать свои фамиліи отказалось и попросило вызвать для объясненій по поводу случившагося г. директора. Послѣ переговоровъ студентовъ съ директоромъ, вестибюль института былъ занятъ отрядомъ городовыхъ и начата была переписка. Желающихъ выходить и сообщать свои фамиліи находилось сначала очень мало; когда же полиціймейстеръ заявилъ что всѣ, не желающіе сообщить свои фамиліи, будутъ препровождены въ участокъ, дѣло пошло успѣшнѣе. При записываніи фамилій въ институтѣ и на улицѣ 6 человѣкъ студентовъ были арестованы за сопротивленіе полиціи:

Ѳоминъ Ѳедоръ:

Тельгинъ Андрей.
Краце Евгеній.
Поповъ Николай.
Воловикъ Анатолій.
Гофманъ Яковъ.

Среди нѣсколькихъ студентовъ, бывшихъ во время вышеописанныхъ событій въ библіотекѣ института, возникла мысль подать директору прошеніе объ освобожденіи ихъ изъ библіотеки, такъ какъ въ сходкѣ они не принимали никакого участія. Подъ прошеніемъ подписалось около 15 человѣкъ. Во время записи лицъ, находившихся въ институтѣ, противъ зданія главнаго корпуса собралось около 200 студентовъ института и университета, наблюдавшихъ за событіями со стороны. Эта толпа студентовъ стояла на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока не кончилась запись; въ половинѣ третьяго всѣ разошлись.

Содержаніе резолюціи, вынесенной со сходки 17 января, было слѣдующее:

„Глубоко возмущенные политикой правительства по отношенію ко всему россійскому студенчеству, вылившейся, какъ въ формѣ полнаго игнорированія академическихъ нуждъ студенчества, въ частности Томскаго, такъ и въ формѣ вмѣшательства полиціи въ академическую жизнь всего студенчества, повлекшаго за собою рядъ ненужныхъ и дорогихъ для студенчества жертвъ; отмѣчая повсемѣстныя факты усмиренія студенческаго движенія грубымъ насиліемъ и волной репрессій, прокатившейся по всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ Россіи; обращая особенное вниманіе студенчества на послѣдній циркуляръ Совѣта Министровъ, отнимающій у студенчества самое дорогое и неотъемлемое право собраній, право обсужденія своихъ нуждъ, внѣдряющій въ академическую жизнь полный просторъ для административнаго произвола, мы, студенты-технологи, собравшись на сходку, постановляемъ, въ знакъ протеста противъ политики правительства, воздержаться отъ занятій, практическихъ работъ и предстоящихъ экзаменовъ до 1-го сентября

сего года. Вмѣстѣ съ тѣмъ сходка, санкціонируя дѣятельность стачечнаго комитета, предлагаетъ ему, въ случаѣ объявленія общестуленческой забастовки, присоединиться къ послѣдней подъ флагомъ „Всероссійскаго студенчества“, съ правомъ измѣненія срока окончанія забастовки. Въ то же время сходка выражаетъ свое негодованіе политикѣ совѣта профессоровъ, который въ отвѣтъ на предъявленныя ему требованія, отвѣчаетъ гробовымъ молчаніемъ, позорно скрывшись за спину министерскихъ циркуляровъ. Подтверждая всѣ свои старыя требованія, сходка заявляетъ, что только съ того момента, когда составъ профессоровъ приведетъ ихъ въ исполненіе, возможно правильное и нормальное функціонированіе института“.

Кромѣ *Воловика*, *Гохмана*, *Краце*, *Попова Николая*, *Тельгина* и *Ѳомина*, за сопротивленіе распоряженіямъ полиціи, 17 и 18 января были обысканы и арестованы еще слѣдующіе студенты:

Бабалянцъ Мерсесъ
Балуевъ Николай
Бенедиктовъ Николай
Вайнеръ Абрамъ-Айзикъ
Вечхайзеръ Зальманъ
Варбанцъ Георгій
Волковъ Николай
Волохъ Самуилъ
Волынскій Алексѣй
Давыдовъ Георгій
Джаошвили Іосифъ
Добисовъ Александръ
Ивановъ Павелъ
Ишхонянцъ Павлы
Каганъ Абрамъ
Калантарянцъ Тиграиъ
Кондратьевъ Петръ
Куперманъ Генрихъ
Міодушевскій Чеславъ-Станиславъ
Непсадзе Александръ
Плехановъ Владиміръ

Плоткинъ Аронъ
Пулло Николай
Рифъ Израиль
Райхбаумъ Мордохей
Сальмонъ Іосифъ-Левъ
Слонимчикъ Борисъ
Соколовъ Борисъ
Трубниковъ Георгій.
Фальевъ Анатолій.
Фугенфировъ Ицхокъ.
Хельвасъ Борисъ.
Хельвасъ Георгій.
Шульце Евгеній.
Шмуйловичъ Веніаминъ.

Больше всего инородцы: евреи, поляки, армяне и грузины.

Послѣдствія этой сходки были для студентовъ весьма тяжкія: собравшіеся на сходку 17 января 1911 г. и переписанные полиціей студенты, въ количествѣ 373, по телеграфному распоряженію Г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 18 января, исключены. Но виноватъ во всемъ этомъ прежде другихъ никто иной, какъ директоръ института Алексѣевскій, понесшій впослѣдствіи весьма ничтожное наказаніе. Начать съ того, что сообщеное ему, въ предложеніи Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа отъ 13 января 1911 г. за № 245, телеграфное распоряженіе Г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о воспрещеніи, кромѣ научныхъ, всякихъ другихъ студенческихъ собраній въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ не объявилъ студентамъ. Свой крайне нетактичный и противозаконный поступокъ, какъ неисполненіе распоряженія начальства, г. Алексѣевскій оправдываетъ слѣдующими соображеніями:

1. Телеграфное предложеніе Г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, коимъ временно запрещаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ студенческія собранія, противорѣчитъ постановленію

Совѣта Министровъ, которымъ допускаются собранія съ научною цѣлью.

2. Онъ, Директоръ института, имѣлъ основаніе, по нѣкоторымъ даннымъ, опасаться, что 14 или 15 января предполагалась студенческая сходка, а поэтому, не желая давать повода къ лишнему возбужденію студентовъ, воздержался отъ немедленнаго распубликованія телеграммы.

3. Наконецъ, сообщенное по телеграфу постановленіе предложено не къ распубликованію, а принятію къ немедленному исполненію.*)

Нѣтъ надобности говорить о совершенной неосновательности подобныхъ соображеній, тѣмъ болѣе что г. директоръ института распоряженіе Министерства, вопреки заявленію въ третьемъ пунктѣ, не принялъ и къ немедленному исполненію. Весь городъ Томскъ, за нѣсколько еще дней, зналъ, что 17 января предполагается въ технологическомъ институтѣ общестуденческая сходка. Въ этотъ день съ ранняго утра была уже готова полиція и конные стражники на случай безпорядковъ, а съ 10-ти часовъ стали собираться все въ большемъ и большемъ количествѣ студенты, заполнили весь вестибюль, верхній и нижній коридоры, шумѣли и галдѣли. Только начальство, по установившемуся порядку вещей, не хотѣло вѣдать того, что творится въ институтѣ; ни г. Алексѣевскій, никто изъ профессоровъ здѣсь не показывался. Мало того, когда изъ ближайшаго полицейскаго участка спросили, въ какомъ положеніи находится дѣло? смотритель зданій *Лури* отвѣтилъ, что студентовъ собралось много, но сходки не предвидится, между тѣмъ какъ сходка почти уже начиналась. Г. Директоръ изволилъ прибыть, по докладу того же Лури, къ 11 часамъ, т. е. къ концу уже сходки. Отсюда выводъ одинъ: директоръ института не только не принялъ никакихъ мѣръ противъ устройства сходки, но своимъ попустительствомъ какъ бы содѣйствовалъ устройству ея. Впрочемъ, онъ, быть можетъ, «не

*) Представленіе отъ 26 января 1911 г. за № 10.

желалъ давать повода къ излишнему возбужденію студентовъ».

Совѣтъ института въ экстренномъ засѣданіи своемъ вечеромъ 17 января, обсудивъ происшедшія событія, постановилъ обратиться къ студентамъ съ слѣдующимъ объявленіемъ:

„Совѣтъ Томскаго технологическаго института, обсудивъ создавшееся 17 января сего года положеніе, высказываетъ порицаніе группѣ лицъ, навлекшихъ на институтъ серьезную опасность своими дѣйствіями и мѣшающихъ возобновить занятія большинству желающихъ учиться. Совѣтъ института приглашаетъ студентовъ приступить немедленно къ экзаменамъ, исполненію графическихъ и лабораторныхъ работъ, напоминая, что прекращеніе занятій повлечетъ за собой неизбѣжныя, въ силу требованій учебныхъ правилъ, и тягостныя для студентовъ послѣдствія".

Здѣсь мы видимъ тѣ же ламентаціи, съ которыми приходилось встрѣчаться и ранѣе.

XV.

Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Бездѣйствіе власти—преступно. Мѣры, принятыя къ возстановленію порядка Попечителемъ учебнаго округа. Ціанистый кали.

На другой день, 18 января, въ одиннадцатомъ часу утра въ институтъ прибылъ Попечитель учебнаго округа и долго бесѣдовалъ съ директоромъ о необходимости принять со стороны института тѣ или другія мѣры, не ограничиваясь одними объявленіями отъ совѣта, такъ какъ на объявленія студенты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, вывѣшивая рядомъ съ ними свои прокламаціи, оказывающія наибольшее вліяніе. Г. Лаврентьевъ указывалъ и на содѣйствіе профессоровъ, которымъ вмѣнено въ обязанность отстранять всѣ препятствія, такъ или иначе мѣшающія правильному ходу учебныхъ занятій; но, конечно, отъ директора ничего серьезнаго не услышалъ, такъ

какъ г. Алексѣевскій ограничился только ссылкой на общестуденческіе безпорядки и на неудовлетворительное состояніе современной Россіи. Да и что можно было ожидать отъ директора, безсмысленно только критиковавшаго распоряженія высшаго правительства и находившаго, что Министры превышаютъ свои права! Разговоръ этотъ происходилъ внизу. Поднявшись на верхъ съ директоромъ къ студентамъ, г. Лаврентьевъ замѣтилъ, что многіе изъ нихъ ходятъ по коридору группами и о чемъ-то словно совѣщаются. Экзаменовъ не было за отсутствіемъ экзаменующихся, коихъ эти группы студентовъ или просто не допускали или грозили переписать ихъ фамиліи и отпечатать въ своемъ бюллетенѣ—„Къ позорному столбу“. Замѣтивъ совершенно безучастное отношеніе къ происходящимъ безпорядкамъ, какъ со стороны директора, такъ и профессоровъ, даже потворство студентамъ въ ихъ безобразіяхъ, г. Попечитель учебнаго округа рѣшилъ посѣтить институтъ и на слѣдующій день, 19 января, предвидя, что сходбища студентовъ въ разныхъ мѣстахъ по группамъ не останутся безъ послѣдствій, вредныхъ для дѣла. 19 января въ 11 часовъ утра онъ отправился въ институтъ и вошелъ въ зданіе не съ бокового профессорскаго подъѣзда, а съ главнаго, которымъ ходятъ студенты. Уже въ вестибюлѣ г. Лаврентьевъ не могъ не обратить вниманія на толпившихся здѣсь студентовъ, снявшихъ свои пальто и о чемъ-то оживленно разговаривавшихъ. Чѣмъ шелъ онъ далѣе, тѣмъ встрѣчалъ ихъ все болѣе и болѣе. Собралось около 600—700 человѣкъ. Повышенное настроеніе явно было на всѣхъ лицахъ, въ жестахъ и походкѣ. Когда пришелъ директоръ, Попечитель округа подѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями, на что Алексѣевскій сказалъ, что и изъ другихъ городовъ Россіи идутъ неблагопріятныя свѣдѣнія и что ожидается всеобщая студенческая забастовка и т. д.; къ этому онъ прибавилъ, что назначенный на-сегодня въ 10 часовъ экзаменъ у проф. *Пинегина* былъ сорванъ студентами, двое другихъ профессоровъ просидѣли даромъ нѣсколько времени

въ аудиторіяхъ; никто изъ студентовъ, записавшихся на экзамены, къ испытанію не явился. Можетъ быть, это было результатомъ вывѣшеннаго наканунѣ, т. е. 18 января, гектографированнаго объявленія слѣдующаго содержанія:

„Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ".

„Стачечный Комитетъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, въ томъ числѣ и совѣта профессоровъ, что согласно рѣшенія сходки 17 января, всѣ занятія, экзамены, чертежныя, лабораторныя и другія работы прекращаются до 1 сентября 1911 г. Всякія попытки какъ приступить къ занятіямъ, такъ и подорвать рѣшеніе сходки, стачечный комитетъ объявляетъ дезорганизаторскими, явно стремящимися къ разстройству рядовъ борющагося студенчества. Противъ всѣхъ такихъ попытокъ стачечный комитетъ оставляетъ за собой свободу дѣйствій".

Войдя вмѣстѣ съ директоромъ въ профессорскую, г. Лаврентьевъ засталъ тамъ нѣсколько профессоровъ и преподавателей, которые передали ему то же самое, что сообщилъ ранѣе директоръ института. Нѣкоторые изъ профессоровъ находились здѣсь въ тщетномъ ожиданіи предстоящихъ со студентами занятій, при чемъ были увѣрены, что никакихъ занятій не состоится. Все это передавалось тономъ совершенно равнодушнымъ, безучастнымъ, какъ будто въ институтѣ ничего особеннаго не происходило. Тогда Попечитель вышелъ изъ профессорской и сталъ бесѣдовать съ окружившими его студентами. Онъ сталъ уговаривать ихъ не оставаться безъ всякой цѣли въ институтѣ; пусть останутся тѣ, которымъ есть дѣйствительная надобность. Студенты долго и упорно настаивали на своемъ правѣ находиться въ институтѣ даже безъ всякой надобности. Тогда г. Лаврентьевъ попросилъ воздѣйствовать на студентовъ сначала директора, а потомъ профессоровъ и преподавателей; на директора студенты не обратили, однако же, ни малѣйшаго вниманія; часть профессоровъ незамѣтно скрылась, другая упорно молчала, а проф. *Молинъ* какъ-то странно улыбался. Сказаннаго вполнѣ достаточно,

чтобы понять всю безвыходность положенія Томскаго института при такомъ профессорскомъ составѣ.

Учебная жизнь института не то шла, не то стояла. Забастовщики мѣшали занятіямъ студентовъ, которые работали въ чертежныхъ или лабораторіяхъ, а также мѣшали экзаменамъ. 21 января въ аудиторіи, гдѣ производилъ экзамены преподаватель *Микулинъ*, пришла группа студентовъ съ цѣлью воспрепятствовать экзаменамъ. Экзаменъ не состоялся. Въ другихъ случаяхъ обструкторы хлопали дверями, производили шумъ и мѣшали экзаменамъ, которые поневолѣ прекращались. При такомъ положеніи дѣла, многіе студенты, пожелавшіе подвергнуться испытаніямъ, во избѣжаніе скандаловъ, вовсе не явились въ институтъ. Къ водворенію порядка г. Алексѣевскій не предпринималъ почти никакихъ мѣръ и не привлекалъ виновныхъ къ отвѣтственности. Къ лицамъ, стоявшимъ за занятія и за производство экзаменовъ, профессора института относились или иронически, или пренебрежительно. 22 января усиленно заговорили объ обструкціи. Въ институтѣ было вывѣшено объявленіе стачечнаго комитета—„Къ позорному столбу:“

„Стачечный Комитетъ сообщаетъ фамиліи лицъ, державшихъ январьскіе экзамены, вопреки постановленію товарищеской сходки:

Молоковъ
Крахалевъ
Стрижевъ
Петровскій
Лидеманъ
Жейцъ
Эренбургъ
Гинсбургъ
Воскресенскій
Пуцято
Семашко
Кормушкинъ
Пакъ

Карякинъ
Паньшинъ
Наумовъ.

„Къ характеристикѣ академистовъ: студентъ *Мамаенко* назвалъ товарищей, проводящихъ забастовку, «сволочью». Стачечный Комитетъ".

Въ тотъ же день, т. е. 22 января, г. Попечитель учебнаго округа поставленъ былъ въ необходимость послать Управлявшему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія такого содержанія телеграмму: „Прикажите предварительно профессорамъ обратиться къ студентамъ не производить обструкціи, не мѣшать правильному ходу учебныхъ занятій; профессора должны исполнять возложенныя на нихъ обязанности, но не желаютъ, не смотря на сдѣланныя мною указанія. Бездѣйствіе власти преступно", а 23-го вторую: „Убѣдившись во вторникъ лично въ пассивномъ отношеніи къ безпорядкамъ, въ среду удалилъ толпу студентовъ, предложилъ профессорамъ обратиться къ нимъ съ увѣщаніемъ; въ четвергъ, пятницу и субботу мѣръ директоромъ не принято. Наплывъ исключенныхъ. Анархія. Въ понедѣльникъ, въ случаѣ безпорядковъ, будетъ призвана полиція". Того же 23 января Попечителемъ округа былъ приглашенъ на продолжительную бесѣду директоръ Алексѣевскій по поводу создавшагося крайне ненормальнаго положенія дѣлъ въ институтѣ, въ особенности со дня сходки въ немъ 17 января. Обсудивъ всесторонне происшедшее въ институтѣ въ теченіе послѣдней недѣли, г. Лаврентьевъ предупредилъ директора, что если 24 января будутъ происходить въ подвѣдомомъ ему учебномъ заведеніе какіе бы то ни было *безпорядки*, то, онъ, согласно полученному имъ изъ Министерства телеграфному приказанію, обратится за содѣйствіемъ къ полиціи. Г. Алексѣевскій долго и упорно оспаривалъ такое пониманіе полученной Г. Попечителемъ учебнаго округа телеграммы, увѣряя, что подъ «безпорядками» слѣдуетъ разумѣть не какія бы то ни было безпорядки вообще, а массовые, въ родѣ схо-

докъ. Г. Лаврентьевъ разъяснилъ ему, что о сходкахъ нечего было въ телеграммѣ и говорить, такъ какъ относительно сходокъ было особое постановленіе Совѣта Министровъ; слѣдовательно, по этому вопросу и не требовалось еще новаго распоряженія, только подтверждающаго уже существующее. Тогда г. Алексѣевскій пытался стать на ту точку зрѣнія, что призывъ полиціи въ институтъ, помимо сходокъ, есть распространительное толкованіе постановленія Совѣта Министровъ, на что каждый изъ Министровъ въ отдѣльности правъ не имѣетъ. Вслѣдствіе такихъ разсужденій, пришлось сдѣлать директору Алексѣевскому указаніе, что въ настоящее время надлежитъ толковать не о правахъ Министра, а исполнять наши обязанности, т. е. проводить въ жизнь данныя намъ приказанія. Обсудивъ тѣ или другія рѣшительныя мѣры къ предотвращенію возможныхъ на слѣдующій день безпорядковъ, которые въ институтѣ получили уже длительный характеръ, Попечитель учебнаго округа и директоръ остановились на самой радикальной — впускать студентовъ въ одинъ боковой входъ, заперевъ главный подъѣздъ, по билетамъ, по предъявленіи коихъ записывать входящихъ съ обозначеніемъ, съ какою цѣлью каждый изъ студентовъ пришелъ въ институтъ; другой же боковой входъ, со двора, оставить открытымъ для студентовъ, приходящихъ за полученіемъ писемъ и за справками въ канцелярію, при чемъ дверь, черезъ которую студенты, пришедшіе этимъ путемъ, могли бы проникнуть въ другія помѣщенія института, закрыть и поставить сторожей. Въ экстренномъ засѣданіи совѣта института, собранномъ директоромъ того же 23 января вечеромъ, эта мѣра была вполнѣ одобрена.

Прибывъ въ 10 часовъ утра 24 января 1911 года въ институтъ, г. Лаврентьевъ засталъ тамъ небольшое количество студентовъ, но къ 11-ти часамъ на площадкѣ передъ закрытыми стеклянными дверями была уже толпа около 50—60 человѣкъ, слушавшая чтеніе какой-то прокламаціи. Г. Попечитель пригласилъ студентовъ выйти для чтенія прокламаціи на

улицу, гдѣ имъ будетъ просторнѣе; но они просили остаться въ стѣнахъ института, чтобы имѣть возможность получить почту. Черезъ директора института имъ разрѣшено было дождаться почты съ тѣмъ, однако же, непремѣннымъ условіемъ, чтобы, по полученіи корреспонденціи, всѣ немедленно разошлись. Объявивъ это, директоръ снялъ со стѣны висѣвшую прокламацію (бюллетень стачечнаго комитета № 1) и передалъ Попечителю. Съ другого входа въ это время подходили студенты, предъявляя свои билеты, которые тутъ же контролировались и фамиліи студентовъ записывались. Экзамены шли, однако же, туго. Такъ къ профессору Некрасову пришелъ только одинъ человѣкъ; за то многіе занимались въ чертежныхъ. Къ часу дня всѣхъ вошедшихъ въ институтъ было уже около ста человѣкъ. Такъ какъ почта къ этому времени не только пришла, но и должна была уже быть разобрана, то г. Лаврентьевъ пошелъ посмотрѣть на ту площадку, гдѣ толпились въ началѣ его прихода студенты. Ихъ оказалось тутъ еще больше, чѣмъ было ранѣе. Пришлось распорядиться о немедленномъ удаленіи собравшихся безъ дѣла студентовъ изъ института. Объясняться съ студентами пошелъ директоръ, который, возвратившись, принесъ еще двѣ прокламаціи. Студенты вскорѣ разошлись. Въ тотъ же день Попечителемъ учебнаго округа была написана директору строжайшая бумага съ разъясненіемъ какъ слѣдуетъ понимать слово «безпорядки», и съ предупрежденіемъ, что если 25 января онъ, Попечитель учебнаго округа, снова застанетъ въ институтѣ безъ дѣла толпящихся студентовъ, то будетъ введена, по его распоряженію, полиція. Вмѣстѣ съ этимъ предложено было г. директору сдѣлать распоряженіе, чтобы студенты получали корреспонденцію въ почтовой конторѣ, а не въ институтѣ и чтобы такимъ образомъ уничтоженъ былъ предлогъ для собранія ихъ въ институтѣ безъ учебныхъ цѣлей.

25 января г. Лаврентьевъ прибылъ въ Томскій технологическій институтъ для провѣрки сдѣланныхъ имъ распоряженій. Въ институтъ вошло по билетамъ

163 человѣка, но экзаменующихся между ними было очень мало,—нужно считать единицами. Это объясняется, надо полагать, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ пришедшихъ въ институтъ по билетамъ было немало и стачечниковъ, которые наблюдали за экзаменующимися, узнавали фамиліи ихъ и вносили потомъ въ издаваемый ими списокъ—«Къ позорному столбу». Вообще положеніе института было крайне печальное, а настроеніе студентовъ въ высшей степени возбужденное. Кто былъ за забастовку, кто—противъ забастовки. На стѣнахъ института появлялись самыя разнообразныя объявленія. Такъ, студентъ *Голубовъ* вывѣсилъ объявленіе, что онъ, не смотря на какую-бы то ни было забастовку, все время будетъ заниматься въ чертежной; на оскорбленія будетъ отвѣчать таковыми же; а на насиліе отвѣтитъ насиліемъ. Напротивъ того, другой студентъ *Девіеръ* повѣсилъ объявленіе, что онъ сожалѣетъ о томъ, что, занятый 17 января уроками, не могъ присутствовать на сходкѣ и проситъ занести его въ число исключенныхъ, дабы не считали его принадлежащимъ къ группѣ такъ называемыхъ академистовъ. Никто изъ профессорской коллегіи не желалъ такъ или иначе своимъ личнымъ участіемъ войти въ создавшееся положеніе вещей и помочь студентамъ встать на вполнѣ законный путь и обратиться къ занятіямъ.

29 анваря, въ порядкѣ усиленной охраны обысканы и арестованы студенты Константинъ *Джапаридзе* и Борисъ *Перетцъ*.

2 мая 1911 г. былъ обыскъ у студента Михаила *Бернштейна*, неоднократно приносившаго въ студенческую столовую по Черепичной улицѣ воззваніе отъ „Стачечнаго Комитета технологическаго института“ и распространявшаго ихъ, подкладывая подъ приборы. При обыскѣ у Бернштейна обнаружена была склянка довольно большихъ размѣровъ съ ціанистымъ кали. Судя по ярлыку, имѣвшемуся на склянкѣ, она взята была изъ лабораторіи аналитической химіи технологическаго института. Приходится недоумѣвать, какимъ образомъ такія сильныя ядовитыя вещества,

какъ ціанистый кали, и въ количествѣ не менѣе 150 граммъ, могутъ быть выносимы изъ лабораторіи института? Сколько людей можно отравить этимъ кали и сколько, быть можетъ, дѣйствительно было отравлено!

XVI.

Покушеніе на ограбленіе бухгалтера института Д. Н. Соковнина и ограбленіе почтоваго поѣзда.

Много пришлось уже написать о безпорядкахъ, непрерывною цѣпью проходившихъ за десять лѣтъ существованія Томскаго технологическаго института въ стѣнахъ этого высшаго учебнаго заведенія; но мы не коснулись еще самаго крайняго проявленія преступной дѣятельности студентовъ—убійства бухгалтера Соковнина, экспропріаціи на Томской вѣткѣ Сибирской желѣзной дороги и поджога зданій института. Положительно становятся дыбомъ волосы, когда узнаешь, до какого варварства и звѣрства можетъ дойти человѣкъ, да еще обучающійся въ высшемъ учебномъ заведеніи. Никакихъ оправданій такимъ преступленіямъ никогда не могло быть и не можетъ.

Слухи о предполагавшемся ограбленіи института носились давно. Бухгалтеръ Соковнинъ, опасаясь нападенія студентовъ, старался, по возможности, замаскировать нахожденіе при немъ денегъ и съ этой цѣлью прибѣгалъ, напримѣръ, къ такимъ пріемамъ: выходилъ на улицу съ своей маленькой дочерью и, ведя послѣднюю за руку, другой держалъ корзину, яко бы, съ провизіей, въ дѣйствительности же скрывая въ ней деньги. Подобный пріемъ не могъ, конечно, обмануть злоумышленниковъ, которые зорко слѣдили за своею добычей.

20 августа 1907 г. Соковнинъ получилъ въ казначействѣ деньги, необходимыя для раздачи служащимъ института въ жалованье и благополучно дошелъ съ ними почти до самаго зданія института, но тутъ,

оказалось, его подстерегали три злоумышленника. Два изъ нихъ, какъ говорятъ, сидѣли до приближенія Соковнина на бульварѣ передъ институтомъ на скамейкѣ и своимъ внѣшнимъ видомъ не обращали на себя вниманія. Какъ только бухгалтеръ поравнялся съ ними, неизвѣстные бросились отнимать у него сумку съ деньгами, но Соковнинъ вступилъ въ борьбу и не выпускалъ изъ рукъ казенное добро. Не разсчитывая, повидимому, одолѣть противника, одинъ изъ нападавшихъ ударилъ Соковнина по головѣ рукояткой револьвера, но тутъ револьверъ далъ неожиданный выстрѣлъ, который вызвалъ тревогу въ институтѣ и не далъ грабителямъ возможности докончить свое злодѣяніе. Испугавшись шума и выскочившихъ изъ института людей, разбойники бросились бѣжать, при чемъ пытавшихся преслѣдовать ихъ людей останавливали угрозою выстрѣловъ и скрылись въ университетскомъ саду. Соковнину была оказана медицинская помощь, а затѣмъ для возстановленія здоровья отъ удара въ голову и полученнаго нервнаго потрясенія разрѣшили ему отпускъ. На другой день послѣ ограбленія одинъ изъ служителей института, будучи посланъ съ какимъ-то порученіемъ, зашелъ по дорогѣ въ пивную и тамъ замѣтилъ за столикомъ двухъ неизвѣстныхъ, покушавшихся наканунѣ ограбить бухгалтера, они читали газету съ описаніемъ попытки ограбленія. Пока сторожъ далъ знать кому слѣдуетъ, одинъ изъ грабителей успѣлъ скрыться. Произведеннымъ впослѣдствіи дознаніемъ въ связи съ данными, добытыми при розыскѣ лицъ, виновныхъ въ ограбленіи 28 августа 1907 года почтоваго поѣзда № 4 на Томской вѣткѣ близъ станціи Басандайка выяснилось, что неудавшееся ограбленіе бухгалтера технологическаго института Соковнина было организовано при участіи студента этого института Николая Маршанда, который во время нападенія на Соковнина занималъ наблюдательный постъ въ зданіи института, и весьма опаснаго преступника, бѣжавшаго изъ тюрьмы Потылицина-Шешихина, скрывавшагося подъ вымышленнымъ именемъ и принадле-

жавшаго къ областной организаціи соціалъ-демократовъ. Потылицинъ—интеллигентъ, образованіе получилъ въ одномъ изъ училищъ Сибири, затѣмъ въ Кронштадтѣ былъ привлеченъ къ суду по дѣлу соціалъ-демократической организаціи, приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, былъ сосланъ, но изъ тюрьмы освобожденъ съ другими преступниками по требованію соціалъ-демократовъ, обращенному къ начальнику тюрьмы, выпустившему арестантовъ.

Не удовлетворившись преступленіемъ, учиненнымъ 20 августа, студентъ Маршандъ и Потылицинъ-Шешихинъ, въ соучастіи съ бѣглыми каторжниками, изъ которыхъ одинъ былъ мятежнымъ матросомъ Черноморскаго флота, задумали ограбить почтовый поѣздъ на перегонѣ Тайга-Томскъ; для этого запаслись бомбами, приготовленными въ институтѣ, ружьями, пистолетами системы „браунингъ“ и патронами, доставленными этой преступной шайкѣ лицомъ, носившимъ кличку „пролетарій“ и впослѣдствіи оказавшимся никѣмъ инымъ, какъ студентомъ-медикомъ Томскаго университета Нечетовымъ.

Утромъ 28 августа 1907 г. въ Томскъ шелъ почтово-пассажирскій поѣздъ № 4. На площадкѣ 29 версты поѣздъ былъ остановленъ по просьбѣ какого-то „рыжаго пассажира“ 3 класса, пожелавшаго высадиться и въ послѣдствіи оказавшагося Потылицынымъ-Шешихинымъ. Потылицинъ выскочилъ изъ вагона и, размахивая револьверомъ, крикнулъ:

Товарищи ко мнѣ!

Машинистъ, желая узнать причину внезапной остановки поѣзда спустился съ паровоза. Въ это время изъ лѣса съ обѣихъ сторонъ желѣзнодорожнаго полотна выскочили съ сѣтками на лицахъ около 10-ти человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Выстрѣливъ вверхъ, злоумышленники окружили машиниста и вмѣстѣ съ нимъ бригадную прислугу, почтово-телеграфнаго чиновника, сопровождавшаго почту и всѣхъ силою перевели въ вагоны, а публикѣ запретили не только выходить изъ вагоновъ, но и выглядывать. Затѣмъ нападавшіе, со студентомъ Маршан-

домъ во главѣ, вскочили на паровозъ, отцѣпили его съ двумя вагонами—багажнымъ и почтовымъ и уѣхали на сороковую версту Томской вѣтки, гдѣ разбивъ два денежныхъ ящика, похитили 34460 р. Пустивъ паровозъ по направленію къ Томску, грабители скрылись въ лѣсу. По слѣдамъ преступниковъ тотчасъ была организована погоня. Тѣмъ временемъ экспропріаторы, взявъ курсъ на рѣку Томь, попали въ с. Ярское, гдѣ купивъ лодку, поѣхали по Томи. Около деревни Вершининой они были замѣчены снаряженной изъ казаковъ погоней. Завязалась перестрѣлка. Добравшись до другого берега, экспропріаторы скрылись въ кустахъ. Здѣсь одинъ изъ участниковъ разбоя, Потылицынъ, несшій чемоданъ съ деньгами, отказался, вслѣдствіе усталости, отъ дальнѣйшаго слѣдованія и остался въ кустахъ вмѣстѣ съ похищенными деньгами. Предвидя неминуемую какъ, опъ. очевидно, думалъ, поимку, выстрѣлилъ себѣ въ високъ изъ имѣвшагося у него браунинга. Казаки нашли его еще съ признаками жизни, но вскорѣ послѣ того, какъ грабителя подняли и понесли, наступила смерть. Деньги оказались всѣ въ цѣлости. Остальные участники нападенія и ограбленія поѣзда на пятые сутки добрались до Томска; но двое изъ нихъ еще на верхнемъ перевозѣ были арестованы, а остальные, за исключеніемъ двухъ, которые остались неразысканными, были арестованы уже въ городѣ. Привлеченные къ суду, въ качествѣ обвиняемыхъ, студентъ Томскаго технологическаго института *Маршандъ* и лица неопредѣленныхъ занятій: *Андреевъ*, *Галайкинъ*, *Рябовъ* и *Рыжевъ* были присуждены 19 іюля 1908 года военнымъ судомъ къ смертной казни, замѣненной, по ходатайству суда, каторгой, а *Нечетовъ* и нѣкая дѣвица Марія *Кузмина*, первый, какъ обвиняемый въ пособничествѣ, а вторая въ недоносительствѣ были приговорены: Нечетовъ къ каторгѣ на 15 лѣтъ, а Кузьмина къ тюрьмѣ. Галайкинъ и Рыжевъ, сознаваясь на судѣ 19 іюля 1908 года въ нападеніи на почтовый поѣздъ, между прочимъ, сказали, что въ ихъ дѣлѣ участвовалъ нѣкто *Проминскій*.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ онъ былъ найденъ и 25 іюля 1911 г. предсталъ предъ военнымъ судомъ въ Томскѣ, который и вынесъ ему смертный приговоръ.

XVII.

Общестуденческая сходка и убійство Д. Н. Соковнина.

20-го октября 1907 года въ аудиторіи № 1, помѣщающейся во второмъ этажѣ главнаго зданія института надъ бухгалтерской комнатой и комнатой смотрителя, была назначена въ часъ по полудни общестуденческая сходка, при чемъ устроителями сходки были студенты-технологи *Бронштейнъ* и *Корецкій*. Не смотря на то, что сходка разрѣшена была въ часъ дня, студенты стали собираться въ зданіе института уже въ одиннадцатомъ часу утра, повидимому, въ очень большомъ количествѣ, такъ какъ участниковъ сходки, даже послѣ убійства Соковнина, когда явилась полиція и войско и когда, слѣдовательно, многіе изъ страха за могущую грозить въ будущемъ отвѣтственность, поспѣшили скрыться, было переписано около 700 человѣкъ. Бухгалтеръ Соковнинъ, какъ разсказывала вдова покойнаго, будто предчувствовалъ, что день 20 октября не пройдетъ благополучно, очень волновался и высказывалъ сѣтованіе на разрѣшеніе директоромъ Зубашевымъ въ такой опасный день, какъ 20 число, сходки. Вернувшись въ сопровожденіи охраны изъ казначейства въ институтъ, Соковнинъ не чувствовалъ себя даже въ помѣщеніи института въ безопасности и старался скрыть дѣйствительное мѣстонахожденіе денегъ и предварительно зашелъ въ помѣщеніе канцеляріи, гдѣ и пробылъ довольно долго. Въ два часа дня Соковнинъ былъ у себя на квартирѣ и передалъ женѣ, что онъ опасается ограбленія; въ случаѣ же нападенія свято исполнитъ присягу, будетъ защищать ввѣренное ему имущество и живой не отдастъ его. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, предчувствію покойнаго,

къ сожалѣнію, пришлось сбыться. Нужно замѣтить, что бухгалтерія помѣщается въ глухомъ концѣ бокового коридора сѣвернаго флигеля лекціоннаго корпуса, который отдѣляется дверью отъ главнаго коридора нижняго этажа; въ этомъ коридорѣ находятся также кабинетъ директора, пріемная и двѣ комнаты канцеляріи, которыя собщаются дверьми другъ съ другомъ и съ бухгалтеріей; кромѣ того, имѣются еще клозетъ и двѣ отдѣльныя комнаты съ выходомъ только въ коридоръ; аудиторіи же и чертежныя находятся во второмъ и третьемъ этажахъ, а въ нижнемъ—по главному коридору—канцелярія по студенческимъ дѣламъ, модельная, шинельная, возлѣ главнаго входа въ лекціонный корпусъ библіотека и буфетъ. Въ началѣ третьяго часа въ коридоръ нижняго этажа института, гдѣ расположена бухгалтерія, вошли 10-12 человѣкъ и направились въ ватеръ-клозетъ, откуда вскорѣ выскочили вооруженные револьверами, съ лицами, завѣшанными черными тряпками съ прорѣзами для глазъ; только у одного грабителя лицо осталось не замаскированнымъ, что и помогло раскрыть впослѣдствіи виновниковъ. Участники грабежа распредѣлили роли такъ: одинъ, безъ маски на лицѣ, всталъ у входной двери изъ малаго коридора въ большой; второй помѣстился у телефона (въ томъ же маломъ коридорѣ, у двери канцеляріи); третій занялъ мѣсто у двери въ бухгалтеріи, а остальные вбѣжали въ бухгалтерію и крикнули: „руки вверхъ!“, потомъ дали залпъ и потребовали денегъ. Бухгалтеръ Соковнинъ единственный изъ всѣхъ присутствовавшихъ въ бухгалтеріи не растерялся, захлопнулъ дверь кассы и выстрѣлилъ въ грабителя высокаго роста, плотнаго сложенія, перелѣзавшаго черезъ барьеръ, отдѣляющій часть публики отъ помѣщенія чиновниковъ. Говорятъ, что, будто бы, послѣ этого выстрѣла грабитель какъ бы осѣлъ и сдѣлался меньше. Отвѣтнымъ выстрѣломъ одного или двухъ разбойниковъ, въ точности не установлено, Соковнинъ былъ смертельно раненъ и упалъ ничкомъ. Одна пуля попала ему въ легкія, другая—въ позвоночникъ и третья—въ бокъ.

21 октября Соковнинъ скончался. Покончивъ съ единственнымъ вооруженнымъ человѣкомъ, вожакъ разбойничьей шайки, подскакивая по очереди къ остальнымъ служащимъ требовалъ отъ нихъ указанія, гдѣ находятся деньги, и заставилъ помощника бухгалтера открыть несгораемый шкафъ; но деньги на виду не лежали, а рыться въ шкафу было некогда.

Служащіе, запертые въ комнатѣ канцеляріи, подняли шумъ и начали разбивать окно, чтобы броситься за помощью; услышавъ это грабитель, бывшій на стражѣ у дверей канцеляріи, побѣжалъ въ бухгалтерію и крикнулъ: „разбиваютъ окна, товарищи, отступаемъ“! Всѣ бросились бѣжать, срывая на ходу маски, и, повидимому, немедленно вышли изъ института по главному входу, прежде чѣмъ распространилась тревога. Изъ дверей канцеляріи по студенческимъ дѣламъ видѣли, какъ два грабителя побѣжали по нижнему коридору къ шинельной, а два по боковой лѣстницѣ въ верхній этажъ, откуда, вѣроятно, спустились по главной лѣстницѣ къ шинельной. Всего грабителей было, какъ сказано выше отъ 8 до 12-ти человѣкъ, большею частью одѣтыхъ въ высокіе сапоги и черныя блузы; говорятъ, что нѣкоторые были въ студенческихъ тужуркахъ, поверхъ блузъ или подъ блузами. Одинъ изъ служителей, замѣтивъ двухъ бѣжавшихъ по коридору экспропріаторовъ, доложилъ объ этомъ Зубашеву. Когда директоръ пришелъ къ главному входу, то увидѣлъ какого то студента-технолога, блѣднаго, въ большомъ волненіи; онъ одѣвался съ лихорадочной поспѣшностью.—Что съ Вами? спросилъ Зубашевъ.

— За мной гнался экспропріаторъ, отвѣтилъ студентъ. Директоръ отдалъ распоряженіе закрыть входы и выходы. Вернувшись затѣмъ внизъ, онъ вновь увидѣлъ все еще одѣвающимся того же студента.

— Ваша фамилія? спросилъ Зубашевъ.

— Добролюбовъ, отвѣтилъ студентъ.

Какъ только распространилась тревога, была вызвана полиція; въ виду предположенія, что часть грабителей, именно побѣжавшіе въ верхній этажъ, не

успѣли уйти изъ института до закрытія дверей, а спрятались гдѣ либо или смѣшались съ толпой студентовъ, выходившихъ со сходки, институтъ былъ оцѣпленъ войсками. Всѣхъ задержанныхъ полиція выпускала поодиночкѣ, записывая фамиліи и обыскивая, причемъ требовалось предъявленіе суденческаго билета или удостовѣреніе личности присутствовавшими при выпускѣ директоромъ, деканами и вызваннымъ помощникомъ проректора университета.

Изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе на сходкѣ, полиціей, по удостовѣреніи личности, отпущено 600 человѣкъ; задержано для удостовѣренія личности 96 человѣкъ, изъ которыхъ 69 мужчинъ и 27 женщинъ.

Сходка носила чисто революціонный характеръ и была устроена центральнымъ студенческимъ органомъ, для рѣшенія вопросовъ кружка самообразованія № 2, т. е. студенческой фракціи соціалистовъ-революціонеровъ; собравшіеся почтили память борцовъ, погибшихъ въ г. Томскѣ въ этотъ день въ 1905 году; на этой же сходкѣ однимъ изъ ораторовъ присутствовавшіе призывались къ вооруженному возстанію. Разрѣшеніе на сходку своевременно не было записано въ книгу и сдѣлано лишь тогда, когда книгу потребовала полиція и, конечно, предметъ сходки былъ показанъ совершенно легальный „текущія академическія дѣла“.

Изъ осмотра книги, въ которую записываются разрѣшенныя сходки, видно, что всѣ они объявлялись, какъ устраиваемыя въ цѣляхъ обсужденія вопросовъ совершенно допустимаго характера, хотя на самомъ дѣлѣ были исключительно собраніями революціонеровъ. И это дѣлалось съ вѣдома директора Зубашева. Однако, по оплошности или по недосмотру, одна изъ записей въ этой книгѣ указывала на разрѣшеніе даже недопустимой сходки—„выборъ представителя въ центральный студенческій органъ“ (18 октября). Кромѣ того, разрѣшались, какъ видно изъ той же книги, сходки *кружковъ самообризованія* № 1, № 2 и № 3; кружки же эти, нося легальное наименованіе, на самомъ дѣлѣ представляли изъ себя студенческія фракціи: соціалъ-демократическую, соціалистовъ-революціонеровъ

ціонеровъ и кадетскую, что безусловно извѣстно было директору Зубашеву.

Подобное покровительственное отношеніе Зубашева къ образованію, сплоченію и широкой организаціи въ стѣнахъ института фракцій противоправительственныхъ партій должно быть поставлено ему въ вину, какъ директору заведенія, по меньшей мѣрѣ, въ смыслѣ бездѣятельности и попустительства. Но, принимая во вниманіе все имѣвшееся ранѣе о Зубашевѣ, можно заключить, что это не попустительство, а умышленное покровительство развитію революціоннаго направленія среди студентовъ и приготовленіе изъ нихъ свободныхъ дѣятелей.

Произведеннымъ въ тотъ же день, 20 октября, обыскомъ въ помѣщеніи института найдены были въ вестибюлѣ пальто студента Владиміра Добролюбова, его шапка и калоши, неизвѣстно кому принадлежащія маски, финскій ножъ, пули и другіе предметы. Вечеромъ 20-го же октября студентъ Вл. Добролюбовъ былъ доставленъ въ городскую больницу съ сквозной раной въ животѣ, причемъ лица, сдававшія его въ больницу, да и самъ онъ объяснили, что рана причинена какими-то неизвѣстными, которые стрѣляли въ Добролюбова на Тверской улицѣ, ранили его въ животъ; сверхъ того ограбили, сняли пальто, шапку и калоши. Однако, дознаніемъ не установлено, чтобы кто-либо стрѣлялъ на Тверской улицѣ; по медицинскому же осмотру оказалось, что рана Вл. Добролюбова, повидимому, нанесена ему за нѣсколько часовъ до поступленія въ больницу. Рана оказалась тяжелой и вызвала черезъ нѣсколько дней смерть. По словамъ знавшихъ покойнаго, онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Сопоставляя эти признаки съ аналогичными признаками грабителя, въ котораго стрѣлялъ Соковнинъ, а равно и то, что, во-первыхъ, верхнее платье Вл. Добролюбова оказалось на вѣшалкѣ въ институтѣ; во вторыхъ, что указаніе на стрѣльбу на Тверской улицѣ совершенно не подтвердилось, въ третьихъ, что Вл. Добролюбовъ оказался почему-то ограбленнымъ и, въ четвертыхъ, что рана его по

времени ближе къ событію въ институтѣ, чѣмъ къ тому ограбленію, на которое указывали покойный и лица, доставившія его въ больницу, по неволѣ приходится сдѣлать заключеніе, что студентъ технологическаго института Добролюбовъ былъ однимъ изъ участниковъ описаннаго преступленія. Затѣмъ нельзя опустить изъ вида и то обстоятельство, что братья-технологи Добролюбовы, ихъ было двое,—по даннымъ охраннаго отдѣленія, находились подъ большимъ сомнѣніемъ и что третій ихъ братъ замѣшанъ по политическому преступленію, обнаруженному въ Петербургѣ. Необнаруженію виновниковъ предполагавшагося грабежа и убійства Соковнина несомнѣнно способствовалъ ихъ гриммъ, такъ какъ благодаря чернымъ тряпкамъ, прикрывавшимъ лица экспропріаторовъ, не представлялось возможности разсмотрѣть ихъ физіономіи. Отсутствіе маски у одного грабителя, стоявшаго у входной двери въ коридоръ, дало возможность сторожу *Зуеву* запомнить примѣты грабителя и узнать его при первой встрѣчѣ. Встрѣча эта произошла въ канцеляріи института черезъ нѣсколько дней послѣ убійства бухгалтера. По разсказу Зуева, онъ, увидѣвъ грабителя въ формѣ студента получающимъ въ канцеляріи института денежную корреспонденцію, прямо „обомлѣлъ“, но не испугался, и когда неизвѣстный студентъ ушелъ, то Зуевъ спросилъ у барышни, служащей въ канцеляріи и завѣдывающей выдачею корреспонденціи, фамилію получателя. Оказалось, что неизвѣстнаго зовутъ *Наслѣдышевъ*, о чемъ Зуевъ сообщилъ полиціи. Слухъ о томъ, что одинъ изъ грабителей узнанъ, распространился по институту, дошелъ и до самого Наслѣдышева, который подойдя къ Зуеву, задалъ ему нѣсколько вопросовъ. Между Наслѣдышевымъ и Зуевымъ произошелъ такой діалогъ:

— Вы указываете на меня?

— Да!

— И пойдете заявить въ полицію?

— Пойду!

— Моя фамилія Наслѣдышевъ.... Нужно пойти приготовиться....

Разсмотрѣвъ данныя, относящіяся къ устройству 20 октября 1907 г. въ зданіи Томскаго технологическаго института сходки и руководствуясь существующими законоположеніями а также указаніями Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, временный генералъ—губернаторъ гор. Томска и губерніи призналъ необходимымъ раздѣлить участниковъ на слѣдующія группы:

1) Лица, принадлежащія къ составу учащихся того учебнаго заведенія, въ которомъ происходила сходка.

2) Лица, учащіяся въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію размѣровъ взысканія для лицъ, принимавшихъ участіе въ сходкѣ, генералъ-губернаторъ, въ силу предоставленной ему дѣйствующими законоположеніями и правилами власти, постановилъ:

1) Лицъ, отнесенныхъ къ первой группѣ (студентовъ-технологовъ), въ числѣ 415 человѣкъ, подвергнуть въ административномъ порядкѣ денежному штрафу въ размѣрѣ 1 рубля, съ замѣною въ случаѣ несостоятельности арестомъ при тюрьмѣ на трое сутокъ каждаго. (Удивительное наказаніе!)

2) Лицъ, отнесенныхъ ко второй группѣ-студентовъ университета, въ числѣ 128 человѣкъ, подвергнуть въ административномъ порядкѣ денежному штрафу въ размѣрѣ 5 руб., съ замѣною въ случаѣ несостоятельности арестомъ при тюрьмѣ на 6 сутокъ каждаго.

3) Изъ числа лицъ, отнесенныхъ къ первой группѣ, двухъ студентовъ Томскаго технологическаго института, какъ устроителей инкриминируемой сходки, подвергнуть денежному штрафу въ размѣрѣ пятидесяти рублей каждаго, съ замѣною въ случаѣ несостоятельности арестомъ при тюрьмѣ на три недѣли.

4) Въ отношеніи лицъ, отнесенныхъ къ третьей группѣ, принять слѣдующія мѣры:

а) Подвергнуть денежному штрафу въ размѣрѣ двадцати рублей, съ замѣною въ случаѣ несостоятельности арестомъ при тюрьмѣ на 2 недѣли, всего въ числѣ 55 человѣкъ.

б) Аресту при тюрьмѣ на десять сутокъ-одного человѣка.

в) Аресту при тюрьмѣ на двѣ недѣли каждаго съ зачетомъ въ срокъ этого наказанія времени предварительнаго заключенія-девять человѣкъ.

г) Аресту при тюрьмѣ на два мѣсяца съ зачетомъ въ срокъ этого наказанія времени предварительнаго заключенія-одного.

д) Аресту при тюрьмѣ на три мѣсяца съ зачетомъ въ срокъ этого наказанія времени предварительнаго заключенія-десять человѣкъ.

е) Объ участіи на митингѣ 20-го октября нижнихъ воинскихъ чиновъ сообщить по принадлежности воинскому начальству, для преданія виновныхъ суду.

ж) О воспитанникахъ церковно-учительской школы и реальнаго училища, участвовавшихъ на митингѣ, сообщить по принадлежности подлежащему учебному начальству,

з) Мастеровыхъ, въ числѣ трехъ человѣкъ, какъ не принимавшихъ участія на сходкѣ и задержанныхъ случайно, отъ взысканія освободить.

5) По выясненіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла и полученіи дополнительныхъ свѣдѣній о направленіи и дѣятельности лицъ, зачисленныхъ въ третью группу и подвергнутыхъ по настоящему постановленію высшей мѣрѣ взысканія, можетъ быть возбужденъ вопросъ о высылкѣ ихъ изъ предѣловъ Томской губерніи.

6) Предложить начальству технологическаго института немедленно съ полученіемъ соотвѣтствующаго сообщенія мѣстной административной власти, уволить отъ занимаемыхъ должностей лицъ, указанныхъ въ особомъ спискѣ.

Начальство же института, вмѣсто того, чтобы принять законныя мѣры какъ противъ участниковъ ясно опредѣлившейся революціонной сходки, такъ въ особенности противъ устроителей ея и покарать ихъ со всею строгостью, ограничилось слѣдующимъ вывѣшеннымъ въ институтѣ объявленіемъ: „Въ виду того, что на разрѣшенное г. директоромъ института г.г. студентамъ собраніе студентовъ-технологовъ въ ин-

ститутѣ въ часъ дня 20 октября были допущены студенты университета и другія постороннія лица, совѣтъ института ставитъ студентовъ въ извѣстность, что считаетъ такія собранія недопустимыми и вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваетъ на необходимости соблюденія правилъ о собраніяхъ 11-го іюля 1907 года. Несоблюденіе этихъ правилъ влечетъ за собою вмѣшательство внѣшней администраціи въ дѣла института и можетъ грозить закрытіемъ института. Кромѣ того, директоръ института ставитъ на видъ студентамъ Корецкому и Бронштейну, отвѣтственнымъ въ этомъ случаѣ, что они не исполнили взятыхъ на себя обязательствъ: устроили собраніе 20 октября въ 11 часовъ утра, въ то время, какъ оно было разрѣшено къ 1 часу дня и допустили на собраніе постороннихъ институту лицъ, увѣривъ его, что будутъ только студенты института. Такое отношеніе на будущее время лишаетъ его возможности относиться съ полнымъ довѣріемъ къ заявленіямъ студентовъ".

Такимъ образомъ, противозаконныя дѣйствія студентовъ, подлежащія согласно циркуляра Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 5 іюля 1907 года за № 13929 и ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 11 іюня 1907 г. положенія Совѣта Министровъ, сужденію дисциплинарнаго суда, вызвали только приведенное здѣсь объявленіе, не имѣющее даже характера выговора.

Тотъ же играющій въ руку революціонному элементу образъ дѣйствій Зубашева вызвалъ слѣдующее совершенно недопустимое явленіе: когда на всѣхъ участниковъ противоправительственной сходки 20 октября постановленіемъ генералъ-губернатора были наложены административныя наказанія отъ денежныхъ штрафовъ до заключенія подъ стражу, 1 ноября была собрана сходка студентовъ-технологовъ, съ разрѣшенія директора, для вырѣшенія, якобы, вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ выполнить это постановленіе? По этой программѣ сходка не могла быть разрѣшена, такъ какъ вопросъ объ отбытіи наказанія касался каждаго лица въ отдѣльности, и коллективнаго обсужденія

вопроса быть не могло. Однако, Зубашевъ нашелъ почему-то возможнымъ разрѣшить сходку, и она, какъ слѣдовало ожидать, приняла характеръ митинга; на этой сходкѣ рѣшались уже революціонные вопросы, до вопроса объ открытіи подписки и сбора денегъ на освободительное движеніе. Тогда Зубашевъ, какъ бы замѣтившій на этотъ разъ противоправительственный характеръ сходки, собралъ экстренный совѣтъ института, на которомъ постановлено было закрыть институтъ на три дня; одновременно съ этимъ сходка вынесла резолюцію о трехдневной забастовкѣ. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть согласія въ дѣйствіяхъ со студентами Зубашева и совѣта, кои, въ видѣ протеста противъ постановленія генералъ-губернатора, закрыли институтъ.

Въ ночь съ 2-го на 3-е ноября въ Томскомъ технологическомъ институтѣ, по распоряженію временнаго генералъ-губернатора, въ связи со сходкой и убійствомъ Соковнина, былъ произведенъ полиціймейстеромъ обыскъ въ присутствіи многихъ приставовъ и жандармскаго офицера. Обыскивали механическія мастерскія и подвалы химическаго корпуса; обыскъ продолжался отъ 10-ти часовъ вечера до 1 часу ночи.

XVIII.

Поджогъ студентами зданій технологическаго института. Демонстрація профессоровъ.

Теперь подходимъ къ самому нелѣпому и невѣроятному дѣлу. Это было въ 1911 г. Чтобы прекратить въ институтѣ занятія нѣкоторой части студентовъ, рѣшившейся не признавать забастовки, обструкціонеры рѣшили сжечь институтскія зданія. 21 февраля въ двѣнадцатомъ часу дня въ разныхъ мѣстахъ второго и третьяго этажа главнаго лекціоннаго корпуса почти одновременно появился дымъ. Служителя, преподаватели и студенты едва успѣли тушить огонь въ одномъ помѣщеніи, какъ крикъ „горитъ“!

раздавался въ другомъ мѣстѣ. Оказалось, что въ чертежныхъ №№ 4, 5, 8, 13 и курильной комнатѣ, а также въ 2-хъ клозетахъ и на наружной лѣстницѣ были брошены колбы съ вонючей жидкостью, которыя лопались и жидкость воспламенялась. Въ чертежной № 4 колбочка съ жидкостью была положена на батарею парового отопленія и завернута въ штору, отъ тепла батареи содержимое колбы нагрѣлось и образовавшіеся пары разорвали ее; вспыхнула штора, а затѣмъ и подоконникъ. Въ чертежной № 13 найдена цѣлая колба съ жидкостью оранжеваго цвѣта, съ желтымъ осадкомъ на днѣ; пробка залита парафиномъ, горлышко колбы окружено, для тяжести, широкимъ свинцовымъ кольцомъ. По опредѣленію лаборанта Калишева, жидкость состояла изъ смѣси спирта съ изонитриломъ, осадокъ—изъ хлористаго калія. Эта жидкость неспособна къ самовозгоранію. Въ другомъ мѣстѣ нашли пробирку съ слѣдами раствора фосфора въ сѣроуглеродѣ; эта жидкость на воздухѣ загорается сама. По мнѣнію проф. Михайленко, взрывъ колбы достигался второй жидкостью, а затѣмъ содержимое колбы загоралось. Нѣкоторыя колбочки, наполненныя спиртовымъ растворомъ изонитрила, подвѣшивались на шнуркахъ при помощи большого рыболовнаго крючка; крючекъ вонзался въ дерево, напр. въ блятъ чертежнаго стола; къ крючку былъ привязанъ шнурокъ, а къ шнурку колбочка, наполненная жидкостью почти доверху, плотно закрытая пробкой и для увеличенія вѣса, снабженная, какъ говорилось выше, широкимъ свинцовымъ кольцомъ. Подвѣсивъ такимъ образомъ колбочку, производившій поджогъ обливалъ шнурокъ растворомъ фосфора въ сѣроуглеродѣ и самъ уходилъ. Черезъ одну или двѣ минуты фосфоръ, вслѣдствіе испаренія сѣроуглерода, загорался и поджигалъ шнуръ, который и перегоралъ. Колбочка падала, разбивалась, горючее содержимое колбочки разливалось и воспламенялось или отъ горѣвшаго нижняго обрывка или отъ того, что часть поджигающаго раствора, фосфора въ сѣроуглеродѣ, попадала на самую колбочку. Словомъ, пріобрѣтен-

ныя въ институтѣ познанія студенты использовали самымъ надлежащимъ, съ ихъ точки зрѣнія, образомъ. Отъ огня жидкости загорался полъ и столы въ чертежныхъ. Кромѣ огня, появлялся удушливый запахъ изонитрила. Благодаря тому, что дымъ былъ скоро замѣченъ во всѣхъ чертежныхъ, кромѣ № 1, и въ курилкѣ, огонь былъ очень быстро потушенъ, обгорѣли лишь нѣкоторыя части пола; но въ чертежной № 1 дымъ появился около вентиляціонныхъ отверстій, и огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ главномъ ходу вентиляціи—вертикальной широкой трубѣ, проходящей всѣ четыре этажа крыла и обшитой сухимъ деревомъ и войлокомъ. Огонь постепенно охватилъ весь верхъ вентиляціонной трубы и вырвался наружу. Затѣмъ огонь охватилъ чердакъ всего сѣвернаго крыла—надъ чертежной № 1 prim и № 1 bis, между которыми въ стѣнѣ проходитъ главная вентиляціонная труба. Къ двумъ часамъ дня пожаръ былъ почти прекращенъ, но затѣмъ вновь разгорѣлся и принялъ угрожающій характеръ. Горѣли стропила и лѣстничная клѣтка; пламя вырывалось изъ оконъ. На пожаръ были вызваны всѣ пожарныя команды гор. Томска. Между прочимъ сильная опасность и даже гибель отъ массы выпущенной пожарными воды угрожала геодезической лабораторіи съ ея дорогими приборами; приборы, однако же, удалось спасти, закрывши ихъ брезентами. Можетъ быть, пожаръ не разыгрался бы съ такою силою, если бы въ институтѣ нашлись длинные пожарные рукава, но такихъ не нашлось; собранные же изъ разныхъ корпусовъ рукава оказались неподходящими одинъ къ другому. Пожаръ закончился къ 8-ми часамъ вечера. Задняя часть чертежной № 1 совершенно разрушена; потолокъ провалился въ нѣсколькихъ мѣстахъ: крыша надъ половиной сѣвернаго крыла сгорѣла почти совсѣмъ. Къ удивленію, балки оказались деревянными, вмѣсто, какъ бы слѣдовало, желѣзныхъ. Хорошо же, значитъ, производилась постройка и съ соблюденіемъ интересовъ казны! Убытокъ до 15000 рублей.

Въ горномъ корпусѣ въ большой горной аудиторіи тоже была разбита колба, но огонь вскорѣ потушенъ.

Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ привело неисполненіе г. Алексѣевскимъ и совѣтомъ Томскаго технологическаго института своихъ обязанностей, стремленіе къ политикѣ и попустительство. Студенты-поджигатели своего собственнаго храма науки—явленіе небывалое въ лѣтописяхъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній; чтобы дойти до этого, надо потерять всякое человѣческое достоинство. Справедливую оцѣнку такому безсмысленному и позорному поступку, какъ поджогъ институтскихъ зданій, дала „Академическая корпорація студентовъ Томскаго технологическаго института", напечатавшая въ № 9 „Сибирской Правды" за текущій годъ воззваніе: „Къ студенчеству"! Здѣсь говорится: Далѣе некуда итти! Разнузданная вакханалія политической страсти разразилась неслыханнымъ погромомъ. Страшно сказать, страшно подумать, что подожгли одинъ изъ центровъ высшей науки. Прежде, въ глубокой древности, темная чернь нерѣдко побивала каменьями людей знанія, жрецовъ науки, а теперь въ XX вѣкѣ, намъ, современникамъ, пришлось наблюдать поджогъ высшей школы... Но прежде была темная, некультурная чернь, а теперь!.. Кто же теперь сыгралъ мерзкую роль поджигателей Томскаго технологическаго института?.. Неужели это студенты? Намъ тяжело, намъ больно это говорить! Пусть скажетъ слѣдствіе, пусть скажетъ судъ! Пусть наше негодованіе велико! Пусть оставленныя стклянки въ многочисленныхъ мѣстахъ одновременнаго поджога въ институтѣ и университетѣ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво говорятъ о тѣхъ, которые подъ именемъ „стачечнаго комитета", объявивъ свободу дѣйствій, все время угрожали намъ обструкціей! Все таки намъ больно это признавать. Мы надѣемся, мы вѣримъ, что разумное студенчество возмущено до глубины души. Довольно безропотно сносить натискъ грубаго насилія! Пора сбросить иго политиканствующихъ и

поднять высоко знамя съ чистыми, святыми словами: „школа только для науки“!

Послѣ такого дикаго поступка, какъ поджогъ институтскихъ зданій, можетъ быть, многіе студенты и образумились, но профессора института нисколько не образумились: они продолжаютъ и, надо полагать, будутъ продолжать заниматься, вмѣсто науки, политикой. Не успѣли еще высохнуть стѣны института отъ воды, вылитой руками пожарныхъ 21 февраля, какъ профессора и преподаватели этого института послали *Мануйлову* слѣдующаго содержанія телеграмму: „Профессора и преподаватели Томскаго технологическаго института выражаютъ искреннее сочувствіе Вамъ и Вашимъ товарищамъ, такъ твердо и достойно отстаивавшимъ автономію (включая поджоги) высшей школы и надѣются, что вынужденное отсутствіе Ваше въ Московскомъ университетѣ будетъ непродолжительнымъ и автономный университетъ снова увидитъ всѣхъ ушедшихъ въ своихъ аудиторіяхъ, наполненныхъ слушателями“.

Подписали: *Янишевскій, Тове, Обручевъ, Малѣевъ, Доборжинскій, Джонсъ, Крыловъ, Потебня, Карташовъ, Лаврскій, Некрасовъ, Турбаба, Лебедевъ, Молинъ, Рыбалкинъ, Шпегинъ, Михайленко, Алексѣевскій, Бобарыковъ, Гутовскій, Казанскій, Введенскій, Гудковъ, Игнатьевъ, Гринаковскій, Рокачевскій, Микулинъ, Левченко, Калишевъ, Замараевъ, Еланцевъ, Угаровъ, Оржешко, Николинъ, Шутковъ, Карпенко, Юферевъ, Калимановъ, Даинъ, Дунаевъ, Семеновъ, Мраморновъ* и *Кижнеръ*.

По дѣлу о поджогѣ зданій института началось судебное слѣдствіе, и г. директоръ Алексѣевскій не приложилъ съ своей стороны никакого старанія освѣтить положеніе дѣла и оказать содѣйствіе г. слѣдователю; давать тѣ или другія формальныя данныя пришлось Попечителю учебнаго округа.

XIX.

Казанскій и Тираспольскій.

Личности бывшихъ директоровъ Томскаго технологическаго института г. *Зубашева* и г. *Алексѣевскаго* выяснены въ достаточной степени. Органически невыносившій порядка въ учебномъ заведеніи и склонный къ постояннымъ революціоннымъ выступленіямъ, Зубашевъ и составъ профессоровъ и преподавателей подбиралъ съ открытія института такой же. Въ этой главѣ мы остановимся на преподавателяхъ *Казанскомъ* и *Тираспольскомъ*.

Сынъ чиновника, Петръ Александровичъ Казанскій родился 25 іюня 1874 г. По окончаніи курса наукъ въ 1900 г. по естественному отдѣленію физико математическаго факультата Казанскаго университета и по выдержаніи въ физико-математической испытательной комиссіи при томъ же университетѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1900 г. испытанія, удостоенъ диплома I степени; затѣмъ предложеніемъ Г Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 23 декабря 1900 г. за № 32930 оставленъ при университетѣ на два года, съ 1 января 1901 г., для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ минералогіи и геологіи, съ назначеніемъ содержанія по 600 р. въ годъ изъ суммъ Министерства. Въ томъ же году, согласно избранію горнаго отдѣленія и совѣта Томскаго технологическаго института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, П. Казанскій, по распоряженію Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа, назначенъ старшимъ лаборантомъ института при каѳедрѣ палеонтологіи, съ 1 іюля 1903 г. Съ первыхъ же шаговъ своей службы Казанскій проявилъ себя незаурядпымъ работникомъ, и совѣтъ института, помимо лабораторныхъ обязанностей и завѣдыванія палеонтологическимъ кабинетомъ, поручилъ ему, за отсутствіемъ спеціалиста-преподавателя, чтеніе лекцій (2 часа въ недѣлю) по весьма отвѣтственному курсу исторической геологіи для студентовъ старшихъ семестровъ горнаго отдѣ-

ленія. Но, къ сожалѣнію, молодой ученый занимался не только наукой, но и политической агитаціонной дѣятельностью. Состоя еще студентомъ Московскаго университета, онъ былъ въ числѣ главныхъ руководителей студенческихъ безпорядковъ, происходившихъ въ ноябрѣ 1896 г. въ Москвѣ. По разсмотрѣніи въ особомъ совѣщаніи, образованномъ на основаніи ст. 34 Положенія о государственной охранѣ, обстоятельствъ дѣла о лицахъ, обвинявшихся въ производствѣ этихъ безпорядковъ, Казанскій былъ подчиненъ гласному надзору полиціи на 2 года. Въ Томскѣ онъ скоро сталъ извѣстенъ, какъ убѣжденный соціалистъ-революціонеръ и явился однимъ изъ самыхъ виднѣйшихъ руководителей студентовъ-революціонеровъ Томскаго технологическаго института. 19 октября 1905 г. на незаконномъ сборищѣ въ театрѣ Королева Томскимъ комитетомъ партіи соціалъ-революціонеровъ Казанскій былъ предложенъ кандидатомъ въ революціонное городское самоуправленіе. На этомъ сборищѣ въ театрѣ Королевой обсуждались вопросы о вооруженномъ возстаніи, о выборахъ въ революціонное самоуправленіе, объ обученіи и вооруженіи милиціонныхъ дружинъ и т. п. По свѣдѣніямъ жандармскаго надзора, относящимся къ 1906 г., онъ поддерживалъ въ Томскѣ самыя близкія сношенія съ видными противоправительственными дѣятелями и принималъ участіе во всѣхъ собраніяхъ, происходившихъ въ зданіи технологическаго института и въ составленіи въ оппозиціонномъ духѣ постановленія педагогическаго персонала института; онъ же предсѣдательствовалъ на сходкѣ младшихъ преподавателей института, состоявшейся въ октябрѣ 1907 года при чемъ передалъ дерзкое по формѣ заявленіе этой сходки въ совѣтъ профессоровъ. Въ ноябрѣ 1907 г. департаментомъ полиціи получено было взятое при обыскѣ конспиративнаго характера письмо, заключавшее въ себѣ подробное изложеніе условій побѣговъ политическихъ ссыльныхъ изъ предѣловъ Нарымскаго края. Въ этомъ письмѣ между прочимъ говорилось, что рекомендацію, а также всѣ связи по Нарымскому краю и не-

обходимыя указанія для побѣговъ можно получить у того господина въ Томскѣ, адресъ котораго уже былъ ранѣе сообщенъ адресату; тѣмъ не менѣе авторъ письма повторилъ этотъ адресъ шифромъ: «технологическій институтъ, приватъ-доцентъ Казанскій». Всѣ эти свѣдѣнія дошли до Министра Народнаго Просвѣщенія гофмейстера фонъ-Кауфмана. съ заключеніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что, въ виду установленнаго отобраннымъ при обыскѣ письмомъ участія приватъ-доцента Казанскаго въ организаціи побѣговъ политическихъ ссыльныхъ и предшествовавшей его противоправительственной дѣятельности, дальнѣйшее пребываніе его на службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія представляется крайне нежелательнымъ. Въ концѣ концовъ Казанскій, въ виду политической его неблагонадежности, уволенъ былъ отъ должности и службы вообще на основаніи п. 3 ст. 838 Св. Зак. т. III Уст. о сл., изд. 1896 г., безъ прошенія, послѣ чего онъ переѣхалъ на жительство въ Тверь. Здѣсь было установлено, какъ видно изъ лежащаго предо мною документа, что не только самъ Казанскій, но и жена его, урожденная княжна Кугушева, глубокіе соціалисты-революціонеры. Въ Твери Казанскіе жили до 1909 г., а затѣмъ Петръ Александровичъ работалъ по геологіи гдѣ-то въ Амурскомъ краѣ; семья же его проживала въ Твери, куда пріѣхалъ и братъ Казанскаго Павелъ Александровичъ, возвратившійся изъ административной ссылки изъ Сибири. Домъ Казанскихъ въ Твери представлялъ собой мѣсто постояннаго сбора и посѣщенія всѣхъ лицъ, составлявшихъ мѣстный соціалъ-революціонный кружокъ. Въ 1909 г. Казанскій съ женою участвовалъ въ собраніи Тверской революціонной группы, для избранія делегата на Московскій областной съѣздъ, по каковому поводу у него производился обыскъ.

Потерять такого виднаго политическаго дѣятеля, какимъ являлся лаборантъ Казанскій для корпораціи профессоровъ Томскаго технологическаго института, поддерживавшихъ антиправительственное и антигосударственное теченіе въ Россіи, было весьма нежела-

тельно. И вотъ начинаются настойчивыя ходатайства о предоставленіи Казанскому въ технологическомъ институтѣ прежней должности. Директоръ института, В. Алексѣевскій, въ представленіи на имя г. Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа отъ 12 февраля 1908 г. за № 428, расписываетъ дѣятельность Казанскаго самыми привлекательными чертами. Увольненіе Казанскаго, пишетъ онъ, среди учебнаго года, прервавшее чтеніе его лекцій и занятія со студентами, ставитъ горное отдѣленіе института въ весьма затруднительное положеніе, а палеонтологическій кабинетъ — въ совершенно безвыходное, такъ какъ послѣдній перешелъ съ осени 1907 г. въ новое помѣщеніе, и размѣщеніе старыхъ коллекцій, провѣрка и распредѣленіе большого количества вновь полученныхъ коллекцій требуютъ усиленной работы, какъ профессора палеонтологіи, такъ и лаборанта. За четыре года службы въ Томскомъ технологическомъ институтѣ Казанскій зарекомендовалъ себя, какъ талантливый преподаватель и полезный сотрудникъ профессора и представилъ уже ученый трудъ, который можетъ служить диссертаціей для полученія степени магистра. Въ заключеніе директоръ Алексѣевскій ходатайствовалъ о пересмотрѣ дѣла Казанскаго, уволеннаго отъ службы 29 декабря 1907 г. безъ прошенія, на основаніи, какъ говорилось выше, п. 3 ст. 838 Св. Зак. Росс. Имп., т. III, изд. 1896 г. Въ то же время самъ Казанскій возбудилъ въ Министерствѣ ходатайство объ измѣненіи порядка увольненія его, т. е. о замѣнѣ 3-го пункта-увольненіемъ отъ службы по прошенію. Министерство, благосклонно относившееся къ либеральнымъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, профессорамъ и преподавателямъ, не встрѣтило препятствій къ удовлетворенію ходатайства Казанскаго. Добившись одной существенно-важной уступки, г. Алексѣевскій могъ уже добиваться и другихъ уступокъ. Въ представленіи отъ 28 октября 1908 года за № 3151 онъ возбудилъ свое ходатайство за № 428 о назначеніи магистранта минералогіи и геологіи коллежскаго ассесора П. А. Казанскаго на должность старшаго штат-

наго лаборанта по каѳедрѣ палеонтологіи Томскаго технологическаго института, съ 20 октября 1908 г. Сначала въ удовлетвореніи ходатайства было отказано, какъ видно изъ предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 1 января 1909 г. за № 1, а потомъ на слѣдующія домогательства полученъ былъ удовлетворительный отвѣтъ. Въ предложеніи на имя г. Попечителя учебнаго округа отъ 23 мая 1910 г. за № 2843 Министерство высказалось, что со стороны его не встрѣчается препятствій къ опредѣленію магистранта минералогіи и геологіи Казанскаго на должность старшаго лаборанта при каѳедрѣ палеонтологіи Томскаго технологическаго института съ правами государственной службы и вознагражденіемъ изъ спеціальныхъ средствъ института, съ 1 мая 1910 года, съ тѣмъ, однако же условіемъ, чтобы г. Казанскій принятъ былъ подъ особое наблюденіе своего непосредственнаго начальства; въ случаѣ же отклоненія отъ своего служебнаго долга, Казанскій долженъ подлежать немедленному увольненію на основаніи пункта 3 ст. 838 Св. Зак. т. III Уст. о службѣ, изд. 1896 г.

Такимъ образомъ, въ Томскъ снова явился испытанный революціонный дѣятель, такъ сказать, травленный волкъ, который не скоро могъ бы попасться... А тутъ какъ разъ подоспѣли новыя серьезныя волненія среди учащейся молодежи, и ей требовались, конечно, хорошіе руководители. Не долго пришлось, однако же, служить Казанскому: онъ былъ снова уволенъ отъ должности.

Исправлявшій обязанности экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ прикладной механики Томскаго технологическаго института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II инженеръ-механикъ, коллежскій совѣтникъ Григорій Львовичъ *Тирасполькій*—почище Казанскаго. Никто другой, какъ онъ являлся постояннымъ и весьма дѣятельнымъ участникомъ профессорскихъ сходокъ и резолюцій о невозможности продолжать занятія при существующемъ государственномъ строѣ. Въ революціонныхъ событіяхъ октября 1905 г. онъ принималъ вы-

дающееся участіе: на всѣхъ сборищахъ и митингахъ выступалъ ораторомъ самыхъ крайнихъ революціонныхъ призывовъ—къ вооруженному возстанію и къ аресту представителей администраціи. 19 октября того же года, по окончаніи митинга въ театрѣ, увлекъ за собою въ зданіе технологическаго института толпу главарей мѣстнаго революціоннаго движенія и устроилъ судъ надъ бывшимъ Томскимъ Губернаторомъ статскимъ совѣтникомъ Азанчевскимъ-Азанчеевымъ, котораго находилъ необходимымъ немедленно арестовать. Затѣмъ Тираспольскій, предлагавшій толпѣ до основанія разрушить «капище», называя этимъ именемъ каѳедральный соборъ, въ которомъ тогда совершалось Высокопреосвященнымъ Макаріемъ, Архіепископомъ Томскимъ и Алтайскимъ, богослуженіе, былъ избранъ въ число членовъ Томскаго революціоннаго самоуправленія; послѣ пожара 20 октября бѣжалъ, какъ и депутатъ Государственной Думы Скороходовъ, переодѣвшись въ женское платье, и скрылся; привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу митинговъ 18, 19 и 20 октября 1905 года и по постановленію г. Томскаго Губернатора отъ 20 января 1906 года за № 453, сообщенному директору института 31 января 1906 г. за № 476, устраненъ отъ занимаемой должности, съ воспрещеніемъ жительства въ г. Томскѣ и высланъ на западъ на время продолженія военнаго положенія.

Гдѣ же Тираспольскій скрывался? Ни болѣе, ни менѣе, какъ выяснилось впослѣдствіи,—въ С.-Петербургѣ, на глазахъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Мало того, Тираспольскій получалъ въ теченіе истекшихъ со дня его бѣгства двухъ лѣтъ положенное по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 4 января 1901 г. штату Томскаго технологическаго института по должности экстраординарнаго профессора содержаніе: 1600 р. жалованія, 700 р. столовыхъ и 700 р. квартирныхъ, итого по 3000 р. въ годъ, а въ два —6000 р. Такое положеніе чиновника, состоящаго на государственной службѣ, Попечитель учебнаго округа г. Лаврентьевъ находилъ совершенно ненормальнымъ,

несогласнымъ съ уставомъ о службѣ гражданской по опредѣленію отъ правительства, безспорно убыточнымъ для государственнаго казначейства и безусловно вреднымъ для того учебнаго заведенія, въ которомъ г. Тираспольскій занималъ номинально каѳедру, а предметъ его никѣмъ не преподавался; студенты же были лишены возможности изучать этотъ предметъ и держать соотвѣтствующій экзаменъ. На основаніи изложенныхъ соображеній г. Попечитель ходатайствовалъ, въ представленіи отъ 9 октября 1907 г. за № 6496, предъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ отчисленіи профессора Тираспольскаго отъ занимаемой должности съ 1 ноября 1907 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о прекращеніи выдачи ему содержанія съ того же мѣсяца и числа; но не скоро еще г. Лаврентьевъ добился удовлетворенія своего ходатайства. Достаточно сказать, что по прошествіи одного года и трехъ мѣсяцевъ послѣ своего бѣгства изъ гор. Томска, г. Тираспольскій, какъ видно изъ увѣдомленій департамента общихъ дѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 24 января и 2 іюня 1907 г. за №№ 1034 и 7041, получилъ отпускъ срокомъ съ 16 января 1906 г. до 1 сентября 1907 г. и „просрочка признана уважительною“. Что разумѣлъ департаментъ подъ просрочкою, это осталось неразъясненнымъ до сего времени. Съ 1 сентября 1907 года Тираспольскій не имѣлъ уже никакого отпуска и все-таки продолжалъ пользоваться казеннымъ содержаніемъ. Защищая Тираспольскаго, и. д. директора института Алексѣевскій, въ представленіи отъ 18 марта 1908 г. за № 849, писалъ между прочимъ г. Попечителю учебнаго округа слѣдующее: „Что же касается ущерба академическаго характера, то предметы, порученные Г. Л. Тираспольскому, *не читались*; но въ виду существованія по нимъ прекрасныхъ курсовъ другихъ авторовъ студенты должны сдать по нимъ экзамены, и въ текущемъ семестрѣ производство этихъ экзаменовъ поручено слѣдующимъ лицамъ: по курсамъ графической статики и „подъемнымъ машинамъ“ преподавателю Бундюкову и по курсу „строительной механики“ для студентовъ X се-

местра преподавателю Введенскому. Проектированіе „передачи и фермъ“ и „подъемныхъ крановъ“ на V и VI семест. ведется профессоромъ Бобарыковымъ и преподавателями Крыловымъ и Гомеля; проектъ же моста на IX семестрѣ уничтоженъ съ 1907—1908 учебнаго года, такъ какъ съ открытіемъ старшихъ семестровъ инженерно-строительнаго отдѣленія и введеніемъ болѣе узкой спеціальности эти проекты перенесены на инженерно-строительное отдѣленіе. Такимъ образомъ, и здѣсь были приняты мѣры къ устраненію ущерба преподаванія. Въ 1906—1907 учебномъ году оканчивающіе курсъ студенты механическаго отдѣленія были освобождены отъ экзамена по подъемнымъ машинамъ и строительной механикѣ, такъ какъ курсъ имъ читался въ 1904—1905 учебномъ году очень краткій; проекты же подъемнаго крана и сданнаго въ 1906—1907 учебномъ году проекта моста являлись по существу письменными экзаменами. Экзаменъ по „графической статикѣ“ всѣми былъ сданъ своевременно. Хотя курсы, порученные Г. Л. Тираспольскому, въ 1907-1908 учебномъ году и не читались, но профессора И. И. Бобарыковъ и Н. В. Некрасовъ, при чтеніи своихъ курсовъ давали всѣ требуемыя свѣдѣнія по „графической статикѣ“ и, кромѣ того, Н. В. Некрасовъ такъ распредѣлилъ матеріалъ при чтеніи курса «строительной механики» для инженерно-строительнаго отдѣленія, что онъ могъ быть прослушанъ и желающими студентами механическаго отдѣленія, замѣняя имъ курсъ строительной механики механическаго отдѣленія“. Словомъ, все обстояло такъ хорошо и даже прекрасно, что Тираспольскій могъ свободно проживать въ Петербургѣ не только годы, а десятки лѣтъ, получая казенное содержаніе и ровно ничего не дѣлая. Тѣмъ не менѣе, по настоянію Попечителя учебнаго округа, ему было предложено въ концѣ 1908 г. подать въ отставку. Послѣ этого со стороны совѣта Томскаго технологическаго института начались усиленныя домогательства о назначеніи Тираспольскаго вновь исправляющимъ должность экстраординарнаго

профессора по каѳедрѣ прикладной механики названнаго института, но домогательства эти Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія были, въ предложеніи отъ 30 января 1909 г. за № 516, къ удивленію профессоровъ института, рѣшительно отклонены.

XX.

Кижнеръ, Козьминъ, Бундюковъ, Введенскій, Джонсъ и Н. Некрасовъ.

Это уже, сравнительно, мелкія сошки. Вотъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ ихъ политическую дѣятельность въ институтѣ.

18 октября 1905 г. на бывшемъ въ Томскомъ технологическомъ институтѣ революціонномъ митингѣ, собравшемся подъ предсѣдательствомъ профессора Томскаго университета *Соболева*, для обсужденія дѣятельности тогдашняго Томскаго Губернатора Азанчевскаго—Азанчеева, проф. Кижнеръ произнесъ страстную зажигательную рѣчь, хотя и имѣвшую, повидимому, цѣль нѣсколько смягчить впечатлѣніе, произведенное двумя предшествовавшими ораторами, студентами того же института *Лихонинымъ* Вячеславомъ и *Богдановымъ* Сергѣемъ, которые призывали къ вооруженному возстанію съ цѣлью истребить все царское войско, а затѣмъ перебить всѣхъ буржуевъ, при чемъ тутъ же на митингѣ производился денежный сборъ для этой цѣли. Проф. Кижнеръ въ это же смутное время по даннымъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ являлся организаторомъ забастовки среди профессоровъ и студентовъ и въ декабрѣ 1905 г. на сборищахъ и сходкахъ въ зданіи технологическаго института выступалъ съ рѣчами революціоннаго направленія, порицая между прочимъ профессоровъ и студентовъ, несочувствовавшихъ учебной забастовкѣ. Постановленіемъ Томскаго временнаго генералъ-губернатора отъ 10 февраля 1906 г. за № 682, на основаніи пунктовъ 16, 17 и 19прим. къ ст. 23 Общ. Учр. Губ., т. II, изд. 1892 года, профес-

соръ Кижнеръ устраненъ былъ отъ занимаемой должности съ обязательствомъ въ теченіе 48 часовъ выѣхать изъ гор. Томска въ мѣстность по его указанію и съ воспрещеніемъ пребыванія въ предѣлахъ Сибири и Степного Края на время продолженія военнаго положенія. Въ настоящее время г. Кижнеръ занимаетъ въ Томскомъ технологическомъ институтѣ свою прежнюю должность.

Преподаватель Томскаго технологическаго института инженеръ-технологъ Петръ Алексѣевичъ *Козьминъ* въ бытность его студентомъ Харьковскаго технологическаго института принималъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ весною 1899 г. въ гор. Харьковѣ, за что былъ уволенъ изъ института; кромѣ того, въ 1901 г. Козьминъ подозрѣвался въ политической неблагонадежности и въ сношеніяхъ съ лицами, близко стоящими къ революціоннымъ организаціямъ. Неблагонадежность его выразилась между прочимъ и въ томъ, что разрѣшенная ему для чтенія въ гор. Харьковѣ 21 іюня 1905 года лекція обратилась въ противоправительственную демонстрацію. 1 и 2 октября 1905 г. на сборищахъ уже въ зданіи Томскаго технологическаго института Козьминъ предложилъ резолюцію устраивать въ стѣнахъ учебныхъ заведеній митинги и требовать государственнаго переустройства, каковая и была принята. Козьминъ принадлежалъ къ Томской группѣ соціалистовъ-революціонеровъ и состоялъ членомъ „союза-союзовъ“.

Преподаватель того же Томскаго технологическаго института Никаноръ Ѳедоровичъ *Бундюковъ* на сходкахъ педагогическаго персонала въ зданіи института и на всѣхъ сборищахъ выступалъ, какъ сторонникъ забастовки и ораторъ крайняго направленія; онъ же участникъ революціоннаго банкета 12 ноября 1905 г. Бундюковъ принималъ участіе въ составленіи резолюціи этихъ сходокъ и передавалъ ихъ въ нелегальную типографію для отпечатанія и распространенія. Въ 1906 г. былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ гор.

Томскѣ, имѣвшаго связь съ сибирскимъ союзомъ, вслѣдствіе чего и закрытаго.

Въ интересахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности, на основаніи пунктовъ 16, 17 и 19 ст. 19, прим. къ ст. 23 Общ. Учр. Губ., т. II, изд. 1892 г., постановленіемъ временнаго генералъ-губернатора отъ 29 января 1906 г. за № 453 Козьминъ и Бундюковъ устранены были отъ занимаемыхъ должностей, съ воспрещеніемъ жительства въ гор. Томскѣ и высылкою ихъ на западъ Россіи, въ мѣстности по ихъ указанію, на время продолженія военнаго положенія, подъ надзоръ полиціи.

Приказъ объ увольненіи ихъ отъ занимаемыхъ должностей состоялся 16 марта за № 40.

Какъ же отнеслись къ этому обстоятельству совѣтъ и директоръ Томскаго технологическаго института. Вотъ какое рѣшеніе постановилъ совѣтъ: «Въ виду того, что не было произведено гласнаго судебнаго разслѣдованія вины уволенныхъ преподавателей, совѣтъ ходатайствуетъ передъ г. Попечителемъ учебнаго округа объ отмѣнѣ распоряженія объ увольненіи инженеръ-технологовъ Никанора Бундюкова и Петра Козьмина и впредь до выясненія основательности обвиненія не считаетъ возможнымъ замѣстить должности уволенныхъ другими лицами. Кромѣ того, совѣтъ находитъ, что подобное увольненіе преподавателей института въ административномъ порядкѣ вообще является непреодолимымъ препятствіемъ для возобновленія учебныхъ занятій». Директоръ препроводилъ это постановленіе г. Попечителю учебнаго округа 23 марта 1906 года за № 647, прося удовлетворить его ходатайство. Затѣмъ тотъ же директоръ института, въ представленіи отъ 13 сентября 1906 г. за № 1630, проситъ Попечителя учебнаго округа инженеръ-технолога Петра Козьмина и инженеръ технолога Никанора Бундюкова, уволенныхъ отъ службы съ 2 марта 1906 г. распоряженіемъ отъ 16 того же марта за № 1245, возстановить въ прежнихъ должностяхъ со дня увольненія ихъ отъ службы. Эти домогательства идутъ настолько настойчиво, что въ концѣ кон-

цовъ революціонные преподаватели, съ согласія временнаго Томскаго генералъ-губернатора, водворяются на прежнихъ своихъ мѣстахъ: Козьминъ съ 15 мая, а Бундюковъ съ 25 октября 1907 г. Хорошо еще, что Козьминъ съ 1 января 1908 года перешелъ на службу въ Кіевскій политехническій институтъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II на должность штатнаго преподавателя по технологіи дерева и мукомольному производству и тѣмъ освободилъ Томскій институтъ отъ своего присутствія.

Преподаватель института инженеръ путей сообщенія *С. А. Введенскій* во время забастовки студентовъ Томскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, когда нѣкоторые изъ технологовъ явились на занятія по геодезическимъ работамъ, сказалъ имъ: „Чего вы лѣзете съ своими работами, когда всѣ другіе студенты бастуютъ“! Въ январѣ мѣсяцѣ 1911 г. у задержаннаго въ городѣ Томскѣ съ паспортомъ на имя Старовойтова ссыльно-поселенца Енисейской губерніи Гузеватаго, бѣжавшаго изъ мѣста водворенія, при обыскѣ между прочимъ было обнаружено болѣе 150 брошюръ революціонно-тенденціознаго направленія, съ оттискомъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ мастичнымъ штемпелемъ словъ: „Томская воскресная школа“. При производствѣ обыска въ воскресной школѣ, въ шкафу съ книгами, принадлежавшими Обществу взаимопомощи учащихъ и учившихъ было обнаружено 112 брошюръ и книгъ, изъ коихъ многія были крайне вреднаго направленія. Завѣдывающимъ Томскою воскресною школою состоялъ г. Введенскій.

Профессора *Джонса* скомпрометировалъ сынъ его, студентъ Евгеній. 17 февраля 1911 г. въ зданіи Томскаго университета чинами администраціи былъ замѣченъ неизвѣстный молодой человѣкъ при наклейкѣ воззванія отъ имени „стачечнаго комитета“. По выходѣ изъ университета названный неизвѣстный былъ задержанъ чинами полиціи по указанію одного изъ университетскихъ курьеровъ. Въ участкѣ, куда былъ препровожденъ задержанный, личность его была установлена, и онъ оказался сыномъ профессора тех-

нологическаго института В. Н. Джонса—Евгеніемъ Валентиновичемъ Джонсъ. Въ гор. Томскѣ по этому случаю говорили, что „яблоко недалеко падаетъ отъ яблони".

Н. В. Некрасовъ—уроженецъ гор. Петербурга, родился въ 1879 г. Пройдя курсъ одной изъ Петербургскихъ гимназій, онъ получилъ высшее инженерное образованіе въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, который и окончилъ въ 1902 г.; въ томъ же году былъ приглашенъ въ Томскъ, въ мѣстный технологическій институтъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II штатнымъ преподавателемъ по инженерно строительному отдѣленію; здѣсь въ теченіе 1902—1903 г г. онъ исполнялъ различныя обязанности и какъ лекторъ, и какъ руководитель студенческихъ практическихъ занятій. Въ 1903 г. институтъ командировалъ Некрасова на два года заграницу для подготовки къ профессурѣ по каѳедрѣ статики сооруженій и мостамъ. Возвратившись въ Томскъ, онъ представилъ диссертацію: „Къ теоріи фермъ съ жесткими соединеніями въ узлахъ" и былъ избранъ профессоромъ инженерно-строительнаго отдѣленія Томскаго технологическаго института по каѳедрѣ статики и мостамъ. Въ 1905 же году, послѣ извѣстнаго перерыва занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ страны, Н. В. Некрасовъ принялъ участіе въ организаціи группы такъ называемаго „академическаго союза" (союзъ профессоровъ) въ Томскѣ; затѣмъ, пріѣхавъ временно въ Ялту, онъ вступилъ въ ряды мѣстнаго отдѣла конституціонно-демократической партіи и принялъ участіе какъ въ конструированіи, такъ и въ повседневной работѣ этого отдѣла. Съ осени 1906 г. Некрасовъ опять появляется въ Томскѣ, на профессорской каѳедрѣ и въ рядахъ мѣстной группы конституціонно-демократической партіи. Эта послѣдняя провела его въ члены 3-ей Государственной Думы отъ Томской губерніи; въ Думѣ Некрасовъ вошелъ въ конституціонно-демократическую фракцію. *)

*) „Сибирскій Торгово-Промышленный Календарь на 1911 г.".

Съ такими профессорами и преподавателями, которые болѣе склонны къ политической, чѣмъ учебной и ученой дѣятельности, далеко, конечно, не уѣдешь.

XXI.

Полная безграмотность и неспособность логически мыслить современныхъ студентовъ. Политическія партіи. Незавидное положеніе лицъ, которымъ хотѣлось бы учиться.

Профессора занимавшіеся политикой, съ особеннымъ покровительствомъ относились къ студентамъ, неспособнымъ къ научной работѣ, но способнымъ производить обструкціи и всячески безобразничать. И такихъ студентовъ всегда было много. Средняя школа, упадокъ которой за послѣдніе 10—15 лѣтъ выразился слишкомъ ярко, давала въ большинствѣ людей, совершенно чуждыхъ наукѣ; конкурсные же экзамены являлись таковою же комедіей, какою были курсовые и даже выпускные. *)

По § 25 Положенія о Томскомъ технологическомъ институтѣ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 12 іюня 1900 г. на имѣющіяся вакансіи въ названномъ институтѣ прежде всего зачисляются лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ уроженцы Азіатской Россіи, имѣющіе аттестаты или свидѣтельства среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Азіатской Россіи, если тѣ и другія имѣютъ въ аттестатѣ или свидѣтельствѣ по математикѣ, физикѣ и русскому языку не менѣе четырехъ балловъ въ среднемъ. Между остальными кандидатами, въ случаѣ, если число ихъ превышаетъ число свободныхъ вакансій, открывается состязательный экзаменъ изъ математики, физики и русскаго языка въ предѣлахъ гимназическаго курса,

*) Заявленіе пр. Соболевскаго.

при чемъ право на занятіе вакансій принадлежитъ получившимъ на семъ экзаменѣ большее число балловъ. При равенствѣ балловъ, преимущество дается уроженцамъ Азіатской Россіи и лицамъ, окончившимъ здѣсь курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Къ началу пріемныхъ испытаній въ 1910—1911 учебномъ году на 300 вакансій въ Томскій технологическій институтъ получено было 401 прошеніе, въ томъ числѣ 72 отъ лицъ іудейскаго исповѣданія. Комитетъ по студенческимъ дѣламъ, въ засѣданіи 23 августа 1910 г., постановилъ зачислить безъ конкурса, на основаніи § 25 Положенія объ институтѣ, 114 лицъ, въ томъ числѣ 15 евреевъ, а на остальныя 186 вакансій объявилъ конкурсный экзаменъ.

Къ началу конкурсныхъ испытаній явилось 209 человѣкъ; испытанія производились 27, 28 и 31 августа, а также 1 сентября 1910 г. По разсмотрѣніи результатовъ конкурсныхъ испытаній, комитетъ по студенческимъ дѣламъ, въ засѣданіи 3 и 6 сентября, постановилъ зачислить всѣхъ лицъ, кромѣ евреевъ, получившихъ въ суммѣ отъ 24-хъ до 12-ти балловъ включительно и троихъ получившихъ въ суммѣ 11 балловъ, а всего 186 человѣкъ; изъ нихъ имѣющихъ баллъ 2 по одному предмету 66 человѣкъ; 2 балла по двумъ предметамъ—18; 2 балла по тремъ предметамъ—12; 2 балла по четыремъ предметамъ—4 и, наконецъ, по одному баллу, т. е. по единицѣ, 4 человѣка. Такимъ образомъ, изъ 300 студентовъ, поступившихъ въ технологическій институтъ, 104 приняты съ неудовлетворительными отмѣтками, что составляетъ 34.66%. Вѣдь, это болѣе $^1/_3$ всѣхъ поступившихъ!

По русскому языку получили неудовлетворительныя отмѣтки 36 лицъ, въ томъ числѣ 32 двойки и 4 единицы. Можно себѣ представить, какихъ студентовъ пріобрѣлъ технологическій институтъ! Лишенные, какъ видно изъ письменныхъ работъ, способности логически мыслить и сколько-нибудь связно писать, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о правильности и чистотѣ слога и находящіеся въ постоянной и при томъ самой ожесточенной борьбѣ съ грамматикой, не

явятся ли они для института совершенно лишнимъ балластомъ?

Вотъ образцы поистинѣ замѣчательныхъ работъ этихъ вновь поступившихъ студентовъ.

Начнемъ съ сочиненія г. Стрижева.

Тема: „Общественное значеніе Мертвыхъ душъ. Гоголя".

Изложеніе: „Въ своемъ произведеніи, „Мертвыя души" Гоголь *художественнымъ образомъ* описалъ бытъ помѣщиковъ, *а также жителей тѣхъ селъ, деревень*, которыя находились вдали отъ просвѣщенныхъ центровъ, большихъ городовъ. Это произведеніе имѣетъ большое значеніе не только для русскаго человѣка, *но и для иностранца, вообще для всякаго развитаго человѣка, умѣющаго правильно обставить свою жизнь и обходиться съ другими людьми; Гоголь описалъ человѣческую духовную сторону, съ неправильно развитымъ понятіемъ, какъ побѣждается, при этомъ зло, и въ чемъ проявляется покровительство всякимъ добрымъ начинаніямъ. Гоголь умѣлъ заглянуть въ душу человѣка, передавъ свой образъ мыслей тѣмъ, что для русскаго человѣка, а также для иностранца читающаго это произведеніе выдѣлились совершенно ясно такія свойства людей, которыя въ обычныхъ литературныхъ, усваеваемыхъ нами формахъ не были замѣтны, но у Гоголя въ описанныхъ общественныхъ нравахъ и въ сложившейся жизни людей ярко обнаружились пороки и недостатки.* У Гоголя въ мертвыхъ душахъ, исчерпывается отрицательная сторона; его нельзя была обвинять что онъ хотѣлъ сдѣлать зло, нанести обществу ударъ; по натурѣ своей Гоголь не былъ таковымъ, чтобы создать вымышленное, онъ написалъ, передалъ то, чтобы дѣйствительно было въ тогдашніе времена. Своимъ произведеніемъ, *изобличивъ пошлость и безсиліе въ русскихъ отдаленныхъ деревняхъ среди помѣщиковъ, Гоголь совершенно ясно представилъ намъ картину того, что творилось тамъ благодаря отчужденности и замкнутости жившихъ по деревнямъ. Гоголь задумалъ написать мирную жизнь, путешествующаго человѣка, лишенную романическихъ свойствъ; онъ справедливо назвалъ свое произведеніе поэмой,—понятіемъ обнимающимъ*

всѣ роды повѣствованій, – отношеніе помѣщиковъ между собой, къ ихъ людямъ—прислугѣ; описана Гоголемъ также жизнь прислуги, *въ чемъ представлялись ихъ занятія, ихъ умственное, душевное состояніе. Изумительнымъ разнообразіемъ характеровъ, носящихъ родныя черты, знакомитъ насъ авторъ съ проявленіями русской духовной природы... Многіе помѣщики жили замкнуто въ своей обыденной жизни, были заняты личными интереса(ми), особенно хозяйствомъ, разведеніемъ животныхъ, и въ этомъ отразилось страсть не только какъ къ красивому природному существу, но, чтобы больше сдѣлать запасъ провизіи; было громадное соревнованіе*".

Развѣ эта работа не напоминаетъ „Записки сумасшедшаго", того же Гоголя, чью поэму «Мертвыя души» разбираетъ г. Стрижевъ? Да, это, именно, бредъ сумасшедшаго! Никакого другого названія сочиненію Стрижева нельзя подыскать.

Далѣе слѣдуетъ сочиненіе Мецоянца, писавшаго на тему: «Характеристика дѣйствующихъ лицъ романа «Евгеній Онѣгинъ». Изложеніе: „Пушкинъ выставилъ Онѣгина, какъ литературн*аго* тип*а*: положительныя качества Онѣгина бы*ло* его добросердечіе и любознательность (отъ слова любезный). Отрицательныя качеств*о* бы*ло* у Онѣгина его *нравственное испорченность*, лѣнь, отсюда и равнодушіе къ людямъ и къ общественному мнѣнію. Онъ получилъ поверхностное образованіе, вредныя послѣдствія было; душевная пустота и не привычка къ труду... Положительныя качества Татьяны бы*ло*, ея *э*нергичность, любознательность, воспріимчивость". . И т. д. все въ томъ же родѣ.

Эта работа напоминаетъ анекдотъ объ армянинѣ, написавшемъ своему сыну слѣдующій адресъ:

„На Типлысъ, на Капказъ, на военный проемнасъ, на мой сынъ, милый сынъ, на мальчишка первый класъ". Но, вѣдь, тотъ армянинъ, надо полагать, не учился въ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ всѣ науки преподаются на русскомъ языкѣ, а вышелъ изъ начальнаго училища. Для высшаго учебнаго за-

веденія работа Мецоянца совсѣмъ не подходяща; не подходяща она не только для технологическаго института или старшихъ классовъ гимназіи, не подходяща, сказать по совѣсти, для городского училища и даже приходскаго. Это срамъ одинъ и больше ничего!

Мишенинъ пишетъ: „Сначала разберемъ Онѣгина какъ литературнаго типа. *Литературнымъ типомъ онъ является, какъ типъ, который создался жизнью и для писателя, какъ Пушкинъ, онъ сталъ замѣтнымъ и благодаря чего Пушкинъ, и воспроизвелъ его героемъ романа подъ тѣмъ же названіемъ, т. е. Евгеній Онѣгинъ*“... И т. д.

Въ этомъ же родѣ пишутъ Карякинъ, Калининъ, Плюшкинъ, Девятовъ, Кондратьевъ, Преображенскій, Волокитинъ, Ревердатто, Корженевскій, Князевъ, Вольковичъ, Гриневъ, Кирилловъ и т. д. Получается цѣлый рядъ лицъ, лишенныхъ всякаго развитія и совершенно безграмотныхъ, которымъ открыты нынѣ двери Томскаго технологическаго института.

52 студента получили двойки по алгебрѣ, 12—по геометріи, 21 по тригонометріи и 38 по физикѣ. Въ общемъ, получилось впечатлѣніе состязательнаго испытанія на двойки и единицы. Казалось бы, безъ знанія алгебры и другихъ математическихъ наукъ въ институтѣ нечего дѣлать, тѣмъ не менѣе, „для заполненія установленнаго комплекта“, какъ сказано въ представленіи директора Томскаго технологическаго института отъ 25 сентября 1910 г. за № 2577, ихъ въ названное учебное заведеніе принимаютъ съ распростертыми объятіями. Не значитъ-ли это ставить себя Комитету по студенческимъ дѣламъ и другихъ въ ложное положеніе. Комитетъ не можетъ, конечно, не знать, по примѣру прежнихъ лѣтъ, что 97% изъ этихъ юношей неспособно будетъ учиться и курса не окончитъ; между тѣмъ самымъ фактомъ пріема въ институтъ поддерживается въ нихъ ложная надежда на возможность благополучнаго исхода.

Еще хуже дѣло обстояло до 1910-1911 учебнаго года и не лучше будетъ обстоять, надо полагать, въ послѣдующіе годы.

Обратившись къ статистическимъ даннымъ, мы увидимъ слѣдующее. Открытіе института состоялось 9 октября 1900 года. Въ 1906 году было уже 1440 студентовъ, въ слѣдующемъ—1513, въ 1908 г.—1597, въ 1909 г.—1474 и въ 1910 г.—1346 студентовъ. 1906 годъ далъ первый выпускъ; выдержало испытанія и удостоено дипломовъ по механическому отдѣленію 15 человѣкъ и по химическому 1, а всего 16. Въ 1907 году выдержало испытанія и удостоено дипломовъ по механическому отдѣленію 12 студентовъ, по химическому 2; всего же 14; 1908 годъ былъ нѣсколько благопріятнѣе, чѣмъ два предыдущіе года: выдержало испытанія по механическому отдѣленію 24 человѣка, горному—20 и химическому 3, а всего 47; удостоено дипломовъ, по представленіи удовлетворительныхъ работъ, 23. Въ 1909 г. выдержало испытанія по механическому отдѣленію 19 человѣкъ, по горному—9, химическому 3, инженерно-строительному 7; всего 38; удостоено же дипломовъ, по представленіи удовлетворительныхъ спеціальныхъ дипломныхъ работъ, по механическому отдѣленію 1 и по горному 4. Въ 1910 г. выдержало испытанія и удостоено дипломовъ 35 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 по механическому отдѣленію, 9 по горному, 3 по химическому и 10 по инженерно-строительному. И такъ за 5 лѣтъ, съ 1906 по 1910, окончило курсъ въ технологическомъ институтѣ 150 студентовъ; въ среднемъ, оканчивало курсъ по 30 человѣкъ въ годъ (2%).

Въ то же время выбыло изъ института 2277 студентовъ, а именно: въ 1906 году—95, въ 1907—625, въ 1908—390, въ 1909—554 и въ 1910—613; въ среднемъ выбывало въ годъ по 455 человѣкъ. Какой ничтожный % получается лицъ, оканчивающихъ курсъ, и какой огромный (28,5%) по отношенію къ лицамъ выбывающимъ,—болѣе $^1/_4$ учащихся! Ничего подобнаго, разумѣется, не было бы, если бы къ пріемному испытанію въ студенты института относились разборчивѣе. Правда, тогда было бы меньше обструкціонеровъ и уменьшилась бы доходность спеціаль-

ныхъ средствъ названнаго учебнаго заведенія, но за то улучшилось бы качество студентовъ и, безъ сомнѣнія, институтъ только выигралъ бы.

Qualis rex talis grex—говоритъ латинская пословица, которой наиболѣе подходяще придать значеніе русской: «каковъ попъ, таковъ и приходъ». Мы видѣли, что профессора не учили, студенты не учились, да по своему слабому развитію и ничтожнымъ знаніямъ не могли по настоящему и учиться. Мы видѣли, что профессора почти исключительно на протяженіи цѣлаго десятка лѣтъ занимались политикой, и студенты—тоже; это дѣло легкое и общедоступное; ни образованія, ни знаній какихъ либо научныхъ не требуется: достаточно отъ времени до времени читать прокламаціи и просматривать «Русскія Вѣдомости», «Рѣчь» или «Современное Слово», а то и проще одну «Сибирскую Жизнь». Постепенно развалъ института дошелъ до крайней степени... Развалу очень способствовали поддерживаемыя профессорами и преподавателями студенческія организаціи: центральный органъ, кружки самообразованія и землячества.

Центральный студенческій органъ Томскаго технологическаго института первоначально образовался въ числѣ 20-25 человѣкъ и распространялъ свою дѣятельность также на университетъ, имѣвшій въ организаціи своихъ представителей; онъ являлся исполнительнымъ органомъ студенчества, имѣлъ право постановлять рѣшенія при сношеніяхъ съ совѣтомъ профессоровъ, со всѣми студенческими организаціями другихъ городовъ, со всѣми другими учрежденіями и обществами, выбирался на основаніи четырехчленной формулы и пропорціональнаго представительства по политическимъ платформамъ. По уставу, общестуденческія сходки и самъ «органъ» имѣли законодательную власть; постановленія общестуденческихъ сходокъ являлись обязательными, если высказывалось за нихъ простое большинство. Въ члены центральнаго органа попадали только представители отъ политическихъ партій, а именно: соціалъ-демократической, соціалъ-революціонной и конституціонно-де-

мократической; такими членами были студенты института: *Корецкій*, *Бронштейнъ*, *Болховитиновъ*, *Давыдовъ*, *Мамаевъ*, *Неволодинъ*, и др. Эта организація была фактическимъ хозяиномъ института, который закрывала и открывала для занятій по своему усмотрѣнію; вліяла даже на замѣщеніе каѳедръ и распредѣляла пособія.

Кружки самообразованія, какъ говорилось уже выше, представляли собою исключительно политическія партіи: соціалъ-демократическую (1-й кружокъ самообразованія), соціалъ-революціонную (2-ой кружокъ) и конституціонно-демократическую (3-й кружокъ). Директоръ института Алексѣевскій и проф. Зубашевъ не отрицали, что кружки эти соотвѣтствовали по своему составу политическимъ организаціямъ и имѣли свои уставы конспиративнаго характера, но... не находили возможнымъ уничтожить ихъ, пока не будетъ дана населенію полная свобода собраній и союзовъ.

Землячества, подъ видомъ преимущественно экономическихъ организацій, такъ же вели безпрерывную противоправительственную агитацію, какъ и кружки самообразованія, направленную къ ниспроверженію существующаго порядка вещей; вмѣстѣ съ этимъ они являлись усовершенствованнымъ насосомъ для выкачиванія денегъ изъ кармановъ обывателей на нужды революціи и попойки студентовъ.

Отвлекая отъ науки, политическая жизнь не могла не дѣйствовать разрушительно на нервную систему учащейся молодежи, расшатывала здоровье, озлобляла студентовъ не только противъ государственной власти, но и противъ общества, создавала не мирныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ служенія своему отечеству, а людей, способныхъ на борьбу безъ созидательныхъ началъ, только разбивающихъ государственные устои и силы Россіи.

Были, конечно и настоящіе профессора, люди науки, старавшіеся оторвать студентовъ отъ политиканства и вернуть ихъ на лекціи, въ лабораторіи, посадить въ чертежныя. Къ такимъ профессорамъ при-

надлежалъ *Ефимовъ*. Постоянныя незаслуженныя оскорбленія со стороны товарищей-революціонеровъ, совѣта и студентовъ заставили его однако же оставить институтъ. Въ настоящее время почти въ такомъ же положеніи очутился пр. *Соболевскій*. Были и студенты, которые стремились къ наукѣ, являлись даже на сходки протестовать противъ обструкцій и забастовокъ, но сдѣлать ничего не могли. Въ отвѣтъ на заявленіе ихъ, что надо учиться, вздымались кулаки и „товарищи“ съ налившимися кровью глазами неистово кричали:

— Вонъ отсюда, вонъ!

— Подлецъ!

— Мерзавецъ!

— Шпіонъ!

Всякій говорившій противъ забастовки подвергался затѣмъ систематической травлѣ. Его преслѣдовали и оскорбляли на каждомъ шагу. Лица, желавшія учиться и доказывавшія необходимость этого, получали на свое платье порцію сѣрной кислоты или карманы ихъ пальто набивались прокламаціями самаго возмутительнаго характера, а въ жандармское управленіе дѣлался доносъ о политической ихъ неблагонадежности. Кромѣ того, когда такіе студенты отправлялись къ профессорамъ узнать объ экзаменахъ, нѣкоторые профессора съ многозначительною улыбкою говорили: „Запретить вамъ держать экзамены мы не можемъ, но только не поздравляемъ тѣхъ, кто будетъ держать экзаменъ“! Студенты не забастовщики рѣзались, а забастовщики, при абсолютномъ незнаніи получали лучшія отмѣтки. Разительнымъ подтвержденіемъ справедливости сказаннаго являются экзамены студента *Авраама Эпштейна*. Сей самый Эпштейнъ, въ виду вреднаго направленія и опасной для общественнаго порядка его дѣятельности въ сферѣ забастовочнаго движенія среди учащейся молодежи, былъ исключенъ изъ института; тѣмъ не менѣе 21 мая испытательная комиссія при горномъ отдѣленіи допустила его, въ качествѣ экстерна, къ экзамену и, не смотря на весьма слабыя познанія и оцѣнку ихъ со стороны

преподавателя Соболевскаго *единицей*, постановила, по представленіи Эпштейномъ дипломной работы и признаніи ее удовлетворительной, удостоить его званія горнаго инженера, для чего другимъ членамъ комиссіи пришлось поставить по четыре и пяти. Какая нелѣпость! Съ экзаменомъ, повидимому, очень торопились, въ виду предстоявшей высылки названнаго студента изъ предѣловъ Томской губерніи. Постановленіе о высылкѣ состоялось 5 іюля 1911 г.

XXII.

Пренебрежительное отношеніе къ институту ебщества и прессы. Профессора и студенты становятся посмѣшищемъ. Публицисты „Сибирскаго Слова“ изощряются на нихъ въ своемъ устроуміи и острословіи.

Результатомъ всего изложеннаго явилось весьма пренебрежительное отношеніе къ институту общества и прессы. Студенты и профессора стали, съ одной стороны, какъ бы посмѣшищемъ для публики, а съ другой предметомъ раздраженія родителей учащейся молодежи и болѣе здравой части населенія, смотрѣвшей на институтъ, какъ на учебное заведеніе.

Въ № 86 газеты „Новости“ за 1904 г. было напечатано такого рода сообщеніе.

„Въ Томскомъ технологическомъ институтѣ имѣется проф. *Тихоновъ*. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ онъ началъ чтеніе лекцій о механической обработкѣ дерева. Лекціи были превосходны, студенты въ восторгѣ. Все такъ ясно, отчетливо; изложеніе блестящее; учености пропасть.

— О! Г. Тихоновъ далеко пойдетъ! говорили въ профессорскихъ кружкахъ.

— Д... да! Можно сказать, умная голова.

И вздумалъ Тихоновъ издать свои лекціи.

— Хочу, говоритъ, обогатить научную литературу!

Сказано—сдѣлано. Вышла въ свѣтъ объемистая книга и не мало рублей принесла г. профессору. Все

бы шло хорошо, да сыскался у г. Тихонова недругъ. У кого не бываетъ завистниковъ? И написалъ этотъ недругъ статейку въ мѣстной газетѣ. Что же оказалось? Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ читалъ лекціи о механической обработкѣ дерева профессоръ Афанасьевъ и, спустя пятнадцать лѣтъ, точка въ точку повторилъ его Томскій профессоръ Тихоновъ.

П. Афанасьевъ.	Т. И. Тихоновъ.
„Механическая обработка дерева“, ч. I.	„Технологія дерева“, ч. I.
„При изученіи технологіи какого-либо матеріала крайне важно и необходимо знаніе его свойства,—этимъ обусловливается примѣненіе матеріала къ той или другой потребности, цѣль, успѣхъ и прогрессъ производствъ“. Стр. 2.	„При изученіи технологіи какого-либо матеріала крайне важно и необходимо знать его свойства,—этимъ обусловливается примѣненіе матеріала къ той или другой потребности, успѣхъ и прогрессъ производствъ“. Стр. 1.
„Между многолѣтними растеніями одни даютъ каждый годъ новыя вѣтки, умирающія въ томъ же году, въ какомъ появились; на зиму остается короткая часть стебля“ и т. д. Стр. 5.	„Между многолѣтними растеніями одни даютъ каждый годъ новыя вѣтки, умирающія въ томъ же году, въ какомъ появились; на зиму остается только короткая часть стебля“ и т. д. Стр. 3.
„Растенія древовидныя, какъ и всѣ другія, за исключеніемъ самыхъ низшихъ растительныхъ организмовъ, состоятъ изъ разнообразнаго сочетанія клѣточекъ, которымъ придано названіе тканей“. Стр. 16.	„Растенія древовидныя, какъ и всѣ другія, за исключеніемъ самыхъ низшихъ растительныхъ организмовъ, состоятъ изъ разнообразнаго сочетанія клѣтокъ, которымъ придано названіе ткани“. Стр. 16.
И т. д. въ томъ же родѣ.	

Любопытно между прочимъ одно обстоятельство: въ «Литературѣ по дереву», отдѣлъ, которымъ заканчивается трудъ молодого ученаго, не былъ указанъ

вовсе трудъ Афанасьева. Это совсѣмъ неблагородно. *Заимствовать*, мягко говоря, у человѣка весь трудъ его, присвоить себѣ и-даже не помянуть добрымъ словомъ".

Затѣмъ „Сибирская Правда" въ статьѣ: «Политика или наука»? посвятила нѣсколько весьма интересныхъ строкъ проф. *Некрасову*, о которомъ говорилось выше. „Г. Некрасовъ, читаемъ здѣсь (1909 г., 6 сентября, № 36), по окончаніи курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, былъ приглашенъ руководителемъ по черченію въ Томскій технологическій институтъ. За одинъ годъ пребыванія въ институтѣ онъ снискалъ расположеніе Зубашева и всей подчиненной ему профессуры, благодаря чему и получилъ двухгодичную командировку за границу, для подготовки къ профессорской дѣятельности. Послѣ возвращенія изъ за границы, онъ читалъ лекціи по строительной механикѣ и мостамъ; отношеніе къ дѣлу теперь было совершенно иное, чѣмъ въ первый годъ пребыванія: онъ читалъ лекцій очень мало по строительной механикѣ и совсѣмъ почти не читалъ по мостамъ (18 часовъ въ годъ). Это будетъ вполнѣ понятно послѣ нижеслѣдующихъ строкъ.

Г. Некрасовъ, по выраженію талантливаго публициста М. О. Меньшикова, принадлежитъ къ группѣ неудачниковъ, которыхъ въ каждой профессіи на одного удачника приходится сотни, коимъ скромное ремесло противно, почему зависть и празность толкаютъ ихъ къ власти. Именно, бездѣльнымъ людямъ кажется, что ихъ личное неудачничество происходитъ отъ несовершенствъ государственныхъ, и что, будучи плохими профессорами, они какъ разъ годятся править народомъ. Это-сибирскій Милюковъ. Во время пребыванія за границей онъ больше занимался политикой, чѣмъ наукой, и былъ делегатомъ на съѣздѣ кадетской партіи. По возвращеніи изъ за границы въ институтъ, Некрасовъ явился виднымъ членомъ мѣстной кадетской партіи и больше занимался партійными дѣлами, чѣмъ наукой; спеціальностью его было устройство предвыборныхъ собраній, хожденіе

въ кафешантаны, ухаживаніе за супругой товарища М., которую впослѣдствіи увезъ съ собой, а съ своей законной женой развелся. Хотя это и мелочи, относящіяся къ интимной семейной жизни, но и онѣ важны для характеристики этого „фрукта“ и для оцѣнки въ глазахъ тѣхъ лицъ, которые признаютъ семейные нравственные устои. Теперь, послѣ всего вышесказаннаго вполнѣ понятно, почему Некрасовъ предпочелъ политику передъ наукой, такъ какъ онъ попалъ въ профессуру по недоразумѣнію и очутился не на своемъ мѣстѣ. Потомъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Сибири, въ которой прожилъ, какъ говоритъ пословица: «безъ году недѣлю» и которой совершенно не зналъ. Всѣ научные труды Некрасова выразились въ ничтожной книженкѣ, подъ заглавіемъ „Къ теоріи фермъ съ жесткими соединеніями въ узлахъ“.

Въ № 22 той же «Сибирской Правды» за 1911 г. находится статья «Профессорская совѣсть». Вотъ что здѣсь мы прочитали:

„Когда въ денежныхъ расчетахъ допускается неточность, прижимка и вообще неблаговидная продѣлка простолюдиномъ, то это называютъ кулачествомъ, а когда тоже самое дѣлаетъ человѣкъ съ образованіемъ, тѣмъ болѣе высшимъ, да еще профессоръ, то мы не находимъ даже словъ для выраженія негодованія. Впрочемъ, такъ какъ большинство профессоровъ кадеки, то совѣсть ихъ вполнѣ укладывается въ іезуитскій регламентъ. Люди съ высшимъ образованіемъ— проф. Кошурниковъ и Хомичъ не платятъ рабочимъ, заставляя ихъ голодать, а проф. Зубашевъ возмущается, когда тоже просвѣтителя юношества, преподавателя Смитровича, городской голова Некрасовъ уличаетъ въ негуманныхъ поступкахъ, отнимающихъ кусокъ хлѣба у нуждающихся въ немъ и лишающихъ образованія неимущихъ. Въ № 21 мы уже привели милые разговоры происшедшіе въ городской думѣ относительно инцидента между городскимъ головой И. М. Некрасовымъ и гласнымъ В. В. Смитровичемъ, гдѣ между прочимъ проф. Зубашевъ выразился такъ: «Объясненіе городского головы стыдно было слушать. Что говорилъ

городской голова—это ушатъ съ помоями. Стыдно дѣлается за городского голову».

Не правда ли, читатель, грустно становится слушать такія рѣчи? Это уже не борьба за существованіе, когда голодный волей-неволей вырываетъ у сытаго кусокъ хлѣба, а просто безсовѣстность. Видимо, по мнѣнію проф. Зубашева, безсовѣстно обличать безсовѣстность, но дѣлать ее, какъ г. Кошурниковъ, можно. Впрочемъ профессорская совѣсть хорошо изложена въ учебникѣ для кадековъ Кизеветтера: „ученіе о томъ, какъ сухимъ выходить изъ воды"; совѣсть эта давно уже привыкла получать жалованіе задарма (самъ проф. Зубашевъ и пріятель его Тираспольскій), во время забастовокъ и высылки...

А развѣ можно назвать добросовѣстными поступки, напр., проф. *Доборжинскаго*, который будучи страстнымъ охотникомъ, манкируетъ учебными занятіями въ самое горячее для нихъ время? Приходятъ студенты въ аудиторію...

— Гдѣ профессоръ?

— Ушелъ на охоту.

А совѣсть проф. Эльяшевича, поставившаго отличную отмѣтку студенту, совсѣмъ незнавшему предмета, но принадлежавшему къ партіи профессора, а рядомъ ставится неудовлетворительная отмѣтка студенту, сдѣлавшему только одну ошибку, но къ кадекамъ не принадлежавшему.

Жутко становится, читатель, что тотъ, кто долженъ подавать примѣръ просвѣщенности и гуманности, поступаетъ хуже зауряднаго простолюдина".

Статья заканчивается словами: „Г.г. Профессора! Будьте щепетильны и не подавайте худого примѣра «малымъ симъ»; въ противномъ случаѣ, лучше камень вамъ на шею, чтобы вы потонули, по Евангелію, въ пучинѣ морской".

Въ № 5 «Сибирскаго Слова» за 1911 г. появился фельетонъ подъ заглавіемъ: «Профессорское предпріятіе». Вотъ что было написано въ этомъ фельетонѣ.

— Профессоръ?

— Профессоръ!

Обѣ разговаривавшихъ дамы, одна брюнетка бальзаковскаго типа, а другая болѣе молодая блондинка, искристыми взглядами провожали удалявшуюся фигуру профессора. Потомъ, когда онъ скрылся за поворотомъ алеи сада, онѣ почему-то глубоко вздохнули и задумчиво наклонили головы.

— Какіе они душки!—поднявъ длинныя рѣсницы, мечтательно почти прошептала блондинка.

— Кто?—понимая ее, машинально переспросила брюнетка. Блондинка не отвѣчала. Нѣсколько минутъ длилось мечтательное молчаніе; затѣмъ обѣ неожиданно оживились.

— Говорю о профессорахъ, отвѣтила блондинка: они ужасно интересны. Ахъ, профессора!

— Представь себѣ...

Бальзаковскаго вида дама стала разсказывать „ужасно интересную исторію о какомъ-то профессорѣ. По окончаніи разсказа, обѣ снова глубоко вздохнули и мечтательно прошептали:

— Ахъ, профессора!!.

Существуетъ особый „ахъ—профессорскій“ типъ. Отъ простого профессорскаго онъ отличается очень рѣзко, но для многихъ, а въ томъ числѣ и для тѣхъ женщинъ, которыя въ профессурѣ ищутъ «ужасно—ужасно интереснаго», это рѣзкое различіе незамѣтно. Красиво поднятая голова, гордый взглядъ, громкій, авторитетный голосъ, изрекающій банальныя истины и... бѣдныя, бѣдныя женскія сердца! Какъ онѣ льнутъ къ огоньку коптящей ахъ—профессорской лучины, принимая ее за свѣточъ истины.

Для ахъ—профессора его ученое званіе прежде всего является цѣнностью, удорожающей значеніе часто интеллектуально—ничтожной личности передъ лицомъ бога Амура.

Впрочемъ, господа профессора имѣютъ нерѣдко другія, кромѣ амурныхъ, предпріятія, чисто коммерческія. Какъ ни интересны сами по себѣ амурныя предпріятія ахъ—профессуры, мы въ настоящемъ разѣ отло-

жимъ ихъ пока въ сторону; коммерческія же предпріятія ихъ интересны еще болѣе.

Вотъ что сообщаетъ объ одномъ предпріятіи пострадавшій рабочій.

На 13-й участокъ второй Сибирской линіи, гдѣ «профессоръ» *Кошурниковъ* въ компаніи съ г. г. *Хомичемъ* и *Яковлевымъ* взялъ подрядъ по постройкѣ службъ, его уполномоченнымъ была нанята въ Томскѣ партія плотниковъ. По условію, подрядная контора «Пр. Кошурниковъ и К°» обязалась производить расплату съ рабочими въ двѣ недѣли разъ. Проработавъ мѣсяцъ, плотники стали голодать по той простой причинѣ, что «профессорское» предпріятіе денегъ за работу имъ платить не стало; въ долгъ же у мѣстныхъ торговцевъ рабочіе брать не имѣли возможности, потому-что и эти торговцы съ предпріятія денегъ за взятые товары не получали. Проѣвъ, что было можно, и наголодавшись вволю, плотники рѣшили забастовать. Для объясненій съ ними прибылъ довѣренный фирмы «Проф. Кошурниковъ и К°». Онъ сталъ требовать, чтобы плотники немедленно стали на работу, обѣщая расплатиться потомъ. Когда же рабочіе отказались, заявивъ, что на голодный желудокъ не то, что работать, а и пѣть мудрено, довѣренный просвѣщеннаго предпріятія цинично выругалъ ихъ съ поминовеніемъ родственниковъ по восходящей и нисходящей линіи и уплатить деньги отказался. Такимъ образомъ, бѣднымъ труженикамъ пришлось цѣлый мѣсяцъ проработать для г. Кошурникова на даровщину. Удастся ли имъ получить деньги по суду, вопросъ довольно мудреный и сомнительный. Рабочій, сообщившій этотъ случай изъ профессорской предпринимательской практики, называетъ фирму Кошурникова „солидной“ и письмо свое заканчиваетъ такъ: «Что же дѣлается тогда у болѣе мелкихъ подрядчиковъ?»

Конечно, у мелкихъ подрядчиковъ бываетъ еще хуже, но... недалеко отъ нихъ ушли и коммерческія предпріятія просвѣтителей Сибири.

Остановимся еще на двухъ маленькихъ фельетонахъ, помѣщенныхъ въ № 107 „Сибирскаго Слова“ за тотъ же 1911 г: «Curriculum vitae» и «Проф. Доборжинскій».

«Curriculum vitae *Томскаго проф. Пинегина*».

„Г. Пинегинъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ совершенно неизвѣстенъ. Впрочемъ, виноватъ: онъ написалъ „Отзывъ о работахъ г. Миловича“, въ которомъ совершенно уничтожилъ своего предшественника, настолько уничтожилъ, что потомъ сталъ пользоваться его трудами, уже не рискуя заслужить упрекъ въ позаимствованіяхъ.

Г. Пинегинъ состоитъ профессоромъ по каѳедрѣ гидравлики и гидравлическихъ двигателей. Этотъ фактъ замѣчателенъ самъ по себѣ тѣмъ, что спеціальность г. Пинегина—сопротивленіе матеріаловъ — имѣетъ такое же близкое отношеніе къ занимаемой имъ каѳедрѣ, какъ Кіевскій дядько къ бузинѣ, растущей въ огородѣ. Неудивительно поэтому, что самое избраніе Пинегина на каѳедру гидравлики вызвало необычайную сенсацію.

— Да неужели Васенька—профессоръ?—удивленно спрашивали лица, хорошо его знающія.

— Представьте себѣ, да!

Всѣ ахали .. Скоро пришлось ахать и студентамъ. Въ чертежной нерѣдко стали происходить такія сценки.

— Господинъ руководитель, обращается студентъ къ разносителю проф. Миловича, я вотъ начертилъ ось, но гдѣ-то вкралась ошибка. Въ атласѣ Бобарыкова діаграмма имѣетъ другую форму... И почему это—не могу понять?

— Гм!.. надувая щеки, глубокомысленно изрекаетъ г. Пинегинъ: сейчасъ мы это разъяснимъ.

Разъясненіе продолжается довольно долго и проходитъ при обоюдномъ молчаніи руководителя и студента.

— Что, поняли? спрашиваетъ, наконецъ, Пинегинъ.

— Нѣтъ.

— Гм!.. А вы подумайте. Надо думать побольше... Я всегда много думаю.

Съ этими словами г. Пинегинъ удаляется, предоставивъ студенту самому считаться съ атласомъ Бобарыкова. Студенты, впрочемъ, не удивляются, такъ какъ хорошо понимаютъ, что сопротивленіе матеріаловъ можетъ и спасовать передъ сопротивленіемъ мысли...“

„Проф. Доборжинскій“.

Аудиторія пуста. Нѣтъ ни одного студента ни въ ней, ни даже въ вестибюлѣ, и нѣтъ потому, что проф. Доборжинскій сегодня долженъ читать свою очередную лекцію. Самъ виновникъ этого необычайнаго явленія сидитъ въ кабинетѣ и ведетъ интересный разговоръ съ швейцаромъ „Иваномъ Андреевичемъ“.

— Что, Иванъ Андреевичъ, никто не пришелъ?

— Никого нѣту, г. профессоръ.

— А можетъ быть, кто въ вестибюлѣ притаился? Знаешь, Иванъ Андреевичъ, они студенты, часто въ вестибюляхъ собираются.

— Да нѣтъ же, г. профессоръ! Намедни весь корпусъ обошелъ; хотя бы одинъ пришелъ...

Вздохъ. Молчаніе.

— И почему это ко мнѣ, Иванъ Андреевичъ, никто не ходитъ.

А? не знаешь ли?

На лбу у швейцара появляется строгая складка, и онъ наставительно говоритъ:

— Плохо читаете, г. профессоръ!

— Да, вѣдь, я же стараюсь. Предметъ у меня, видишь ли, такой... Самъ Обручевъ интересно не прочитаетъ.

Въ коридорѣ какой-то шумъ. Оба настораживаются.

— Иванъ Андреевичъ, полушопотомъ, дрожа отъ волненія, говоритъ профессоръ: никакъ студенты?

Швейцаръ набожно крестится.

— Слава Тебѣ, Господи.

Въ коридорѣ и аудуторіи дѣйствительно собралось десятка полтора студентовъ. Идетъ интересный разговоръ.

— Нѣтъ, мнѣ больше нравится игра Званской...

Столько экспрессіи, такъ много нюансовъ, горячится одинъ изъ студентовъ.

— Помилуй, Володька! Какая экспрессія! Какіе нюансы! возражаетъ другой.

Входитъ профессоръ, и всѣ замолкаютъ. Воцаряется тишина.

— Господа, чему обязанъ? волнуясь спрашиваетъ онъ: я, кажется, ничего особеннаго не обѣщалъ.

Студенты улыбаются.

Взойдя на каѳедру, профессоръ воодушевляется и начинаетъ лекцію.

— Вообразите, господа, безконечно большой кубъ въ безконечно маломъ пространствѣ...

Студенты смѣются.

Профессоръ подходитъ къ доскѣ и начинаетъ писать. .

Пишетъ и стираетъ; стираетъ и пишетъ; снова пишетъ и стираетъ.

— Опять напуталъ, вполголоса разговариваетъ онъ самъ съ собою: вѣчно я путаю.

Звонокъ. Половина лекціи кончилась. На вторую часть ея проф. Доборжинскій важно входитъ въ аудиторіи, но, увы! она пуста...

Опять пусто и уныло въ аудиторіи. Это проф. Доборжинскій собирается читать свою лекцію».

Не будемъ далѣе останавливаться на проф. *Рыбалкинѣ*, по выраженію мѣстныхъ газетъ „по научнымъ вопросамъ слабъ, а на счетъ политики-другое дѣло“ и еще на одномъ профессорѣ Т., въ пьяномъ видѣ испражнявшемся въ залѣ общественнаго собранія. Непріятно произнести даже имя этого профессора, доживающаго, вслѣдствіе пристрастія къ водкѣ, быть можетъ, послѣдніе дни.

«Сибирское Слово»—газета не черносотенная; напротивъ того, соціалъ-демократическая; Томскій технологическій институтъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II тоже соціалъ-демократическій. И если уже за него принялись такія газеты, какъ «Сибирское Слово», значитъ дѣло обстоитъ изъ рукъ вонъ плохо, и

нельзя позавидовать судьбѣ профессоровъ, ставшихъ посмѣшищемъ прессы и мѣстнаго общества.

Еще хуже обстоитъ дѣло со студентами. Мѣстный художникъ *Щегловъ* издалъ открытки съ каррикатурными типами сибиряковъ, въ числѣ которыхъ фигурируютъ и Томскіе студенты; они изображены въ двухъ видахъ: пьяницами и хулиганами; не доставало еще изобразить ворами, а основаніе къ тому было и есть.

„Остерегайтесь воровъ“!

Подобнаго рода плакаты вывѣшиваются обыкновенно въ такихъ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ очень много разнаго рода публики, напримѣръ, въ банкахъ, казначействахъ, почтамтахъ и т. п. Къ такимъ плакатамъ съ нѣкотораго времени стали прибѣгать и высшія учебныя заведенія. Въ концѣ 1907 г. въ технологическомъ институтѣ появилось объявленіе: „Долой воровъ“!— „Товарищи, воровство въ институтѣ, гласило объявленіе, стало хроническимъ явленіемъ. 18-го ноября у меня украдена зимняя шапка. Предлагаю начать энергичную борьбу съ воровствомъ и инициативу ее взять на себя Ц. С. О.“ *) И въ настоящее время нерѣдко пропадаютъ книги, калоши, чертежныя доски и т. п. Какъ же можетъ общество относиться съ уваженіемъ, если студенты не уважаютъ сами себя и такъ низко пали въ нравственномъ отношеніи.

И вотъ какъ то невольно вспоминаются слова фонъ-Анрепа, сказанныя имъ въ 1908 г. съ каѳедры Государственной Думы: „Наша современная школа не даетъ ни воспитанія, ни образованія; въ нашихъ университетахъ науки нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ томъ положеніи, какъ я желалъ бы ее видѣть; студенты—это толпа молодежи, не имѣющей ни малѣйшаго уваженія къ профессорамъ и доходящей до звѣроподобныхъ къ нимъ отношеній; профессора никакого авторитета не имѣютъ и не могутъ имѣть, такъ какъ многіе изъ нихъ, если не большинство, по слабой своей научной подготовкѣ, не достойны профессорскаго званія“...

*) „Время“ 1907 г., № 251.

XXIII.

Ревизія технологическаго института.

Въ виду ненормальнаго положенія дѣлъ въ институтѣ, за все время его существованія, это учебное заведеніе подвергалось неоднократно ревизіи. Въ 1907 г., въ порядкѣ, установленномъ ст. 1086 Уст. Угол. Суд., поручено было произвести предварительное изслѣдованіе о безпорядкахъ въ Томскомъ технологическомъ институтѣ члену Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія тайному совѣтнику *Спѣшкову* и въ помощь ему командированъ былъ помощникъ юрисконсульта Министерства надворный совѣтникъ *Даевъ*. Въ запискѣ своей ревизоры указали на всѣ творившіяся въ институтѣ безобразія, но толку много не вышло, такъ какъ сошедшій со сцены Министръ Народнаго Просвѣщенія г. Кауфманъ, со своимъ товарищемъ Герасимовымъ, ревностно только хлопотавшіе набить высшія школы толпой, хотя бы и совсѣмъ невѣжественной и не дисциплинированной, не дали никакого движенія дѣлу.

Въ 1911 г. ревизію Томскаго технологическаго института поручено было произвести Управляющему отдѣломъ промышленныхъ училищъ Министерства дѣйствительному статскому совѣтнику *Жданову*, члену ученаго комитета проф. С.-Петербургскаго технологическаго института ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I дѣйствительному статскому совѣтнику *Гатцуку* и Вице-Директору департамента общихъ дѣлъ коллежскому совѣтнику *Даеву*. Къ исполненію своихъ обязанностей названныя лица отнеслись весьма серьезно и самымъ тщательнымъ образомъ прослѣдили всю жизнь института въ разныхъ ея проявленіяхъ. Положеніе оказалось дѣйствительно печальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и въ учебномъ и хозяйственномъ; печальнѣе же всего было то обстоятельство, что студенты и лѣваго и праваго направленій, и среднія группы относились къ профессорскому и преподавательскому составу не только неуважительно, но даже пренебрежительно. Министръ Народнаго Просвѣ-

щенія, разсмотрѣвъ данныя о дѣятельности служебнаго персонала Томскаго технологическаго института, объявилъ бывшему директору института г. *Алексѣевскому* выговоръ за непринятіе надлежащихъ мѣръ къ обезпеченію нормальнаго порядка въ институтѣ, предложилъ ординарному профессору статскому совѣтнику *Яншевскому* и и. д. экстраординарнаго профессора коллежскому секретарю *Рыбалкину* немедленно подать въ отставку и предупредить ординарнаго профессора статскаго совѣтника *Обручева*, что онъ въ ближайшемъ будущемъ долженъ перейти въ другое учебное заведеніе. Этого, конечно, мало; но, можетъ быть, и это малое послужитъ хорошимъ урокомъ для будущаго.

Между прочимъ, ревизія установила, что на неуспѣшный ходъ занятій въ институтѣ оказала въ значительной степени неблагопріятное вліяніе предметная система. При этой системѣ представляется затруднительнымъ организовать правильную постановку руководства занятіями студентовъ. Невозможность учесть заранѣе количество студентовъ, которые будутъ исполнять опредѣленный проектъ въ данное полугодіе, заставляетъ назначать вознагражденіе руководителямъ предположительно: поэтому трудъ однихъ руководителей является чрезвычайно легкимъ, трудъ же другихъ—обременительнымъ, вслѣдствіе чего послѣдніе не могутъ относиться къ занятіямъ студентовъ такъ внимательно, какъ слѣдуетъ.

Интереснѣе всего, что либеральные профессора не забывали своего кармана. На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 4 января 1901 г. штата института казенныя квартиры присвоены 22-мъ должностнымъ лицамъ: 1 директору, 8—старшимъ лаборантамъ, 8—младшимъ, 1—инспектору, 1—дѣлопроизводителю, 1—бухгалтеру, 1—смотрителю зданій и 1—фельдшеру. Въ настоящее же время подъ казенныя квартиры отведено 39 помѣщеній, изъ которыхъ 16 большихъ, площадью отъ 48,2 до 60, 4 кв. саж., и 23 малыхъ, площадью отъ 18,8 до 39,9 кв. саж. Администрація института создала такимъ образомъ лишнихъ 17 квар-

тиръ; эти квартиры заняли въ химическомъ корпусѣ профессора: *Турбаба*, *Михайленко*, *Кижнеръ*, *Рыбалкинъ* и *Джонсъ*; въ физическомъ: *Вейнбергъ*, *Бобарыковъ* и *Потебня*, въ горномъ: *Обручевъ*, *Тове* и *Янишевскій*; въ инженерномъ: *Тихоновъ* и *Малѣевъ* и въ главномъ *Крыловъ*; затѣмъ, нѣкоторыя квартиры отведены подъ помѣщеніе преподавателей, лица же, коимъ полагались квартиры по штату, какъ инспекторъ студентовъ, 10 старшихъ и младшихъ лаборантовъ, а также фельдшеръ не могли никакъ добиться казенныхъ квартиръ. Мало того, что профессора Томскаго технологическаго института незаконно пользовались казенными квартирами; незаконно пользовались они освѣщеніемъ и водой, такъ какъ при казенныхъ квартирахъ полагается только отопленіе. Если освѣщеніе квартиры въ среднемъ обходилось по 96 р. въ годъ, а вода по 60 р., то институтъ несъ въ годъ убытку съ 17 квартиръ 3652 р., да втрое болѣе этого стоило отопленіе.

Незаконно пользуясь квартирами сами, профессора допускали еще проживаніе въ нихъ постороннихъ лицъ, иногда даже извлекая матеріальную выгоду, при чемъ особое въ этомъ отношеніи вниманіе остановилъ на себѣ ординарный профессоръ статскій совѣтникъ *Турбаба*, въ квартирѣ котораго около двухъ съ половиною лѣтъ проживалъ совершенно посторонній институту г. *Ирбе*. Профессору Турбабѣ предложено очистить занимаемую имъ казенную квартиру къ 1 сентября 1911 г.

Теперь нѣсколько словъ о Янишевскомъ. Профессоръ Янишевскій нашелъ возможнымъ половину отведеннаго ему помѣщенія предоставить своимъ пріятелямъ, которые устроили тамъ зубоврачебный кабинетъ! Болѣе раціональное примѣненіе для казеннаго зданія, болѣе остроумную комбинацію трудно и придумать. Недостаетъ только, чтобы друзья институтскихъ профессоровъ и преподавателей открыли въ казенныхъ квартирахъ магазины готоваго платья и бакалейныя лавки. О роскоши отдѣлки квартиръ нечего и говорить! Соціалъ-демократы отдѣлали свои помѣще-

нія прямо по-царски; между тѣмъ какъ лабораторіи и учебно-вспомогательныя учрежденія института оборудованы чрезвычайно плохо, вслѣдствіе того, что строительная комиссія отняла отъ оборудованія ихъ около 150.000 р. для уплаты перерасхода по устройству неположенныхъ профессорамъ квартиръ. Въ лабораторіи паровыхъ двигателей имѣется только одна ничтожная по количеству силъ паровая машина, годная для производства только опытовъ; въ другихъ лабораторіяхъ нѣтъ даже половъ; объ оборудованіи же не приходится и заикаться. Этому убожеству институтскихъ лабораторій далеко не соотвѣтствуетъ комфортабельное устройство вспомогательныхъ учрежденій при профессорскихъ квартирахъ. Профессоръ Обручевъ пользуется казеннымъ помѣщеніемъ для своихъ коровъ и лошади. На оборудованіе конюшни, занимаемой этимъ профессоромъ, по показанію десятниковъ, институтомъ было израсходовано болѣе 1.000 рублей на строительный матеріалъ и оплату рабочихъ рукъ.

Ревизія хозяйственной части технологическаго института производилась еще комиссіей, составленной по распоряженію г. Попечителя учебнаго округа, подъ предсѣдательствомъ окружнаго инспектора коллежскаго совѣтника Иванова, изъ бухгалтера Канцеляріи Попечителя Н. Г. Фиксена, столоначальника Г. Ф. Бѣдненко и представителя отъ Томской Контрольной Палаты. Дѣлопроизводство по денежной части найдено въ безпорядкѣ. Насколько беззаботно относилась администрація института къ денежнымъ интересамъ этого учебнаго заведенія, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

1. Согласно распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 17 декабря 1904 г. за № 7442, профессору *Янишевскому* въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1905 г. выдана была ссуда въ размѣрѣ 1500 р. изъ спеціальныхъ средствъ института на изданіе перевода учебника палеонтологіи Штеймана съ тѣмъ, чтобы деньги были возвращены по мѣрѣ продажи книги. Не находя въ бухгалтерскомъ дѣлопроизводствѣ никакихъ данныхъ о возвратѣ ссуды въ теченіе 5 лѣтъ, учебно—

окружнымъ начальствомъ 26 ноября 1910 г. за № 10386 предложено было директору института доставить необходимыя свѣдѣнія. Въ отвѣтъ на это предложеніе директоръ института представилъ, въ копіи, рапортъ профессора Янишевскаго такого содержанія:

«Ссуда въ размѣрѣ 1500 р., выданная мнѣ въ 1905 году Совѣтомъ Томскаго технологическаго института изъ спеціальныхъ средствъ на изданіе перевода учебника палеонтологіи Штеймана до сихъ поръ не могла быть возвращена по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, переводъ учебника, печатавшійся въ гор. Томскѣ, появился въ продажѣ только въ 1909 г., такъ какъ печатаніе его сильно затянулось, по причинамъ, независѣвшимъ отъ переводчиковъ. Во вторыхъ, продажа учебника идетъ очень медленно, несмотря на то, что онъ разосланъ въ нѣсколько университетскихъ городовъ. Въ третьихъ, издержки по изданію значительно превышаютъ выданную мнѣ сумму: онѣ опредѣляются въ размѣрѣ 2552 р. 45 коп. Въ виду этого я полагалъ бы правильнымъ погашать выданную мнѣ ссуду только послѣ возмѣщенія всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ изданіемъ перевода. Въ случаѣ, если бы оказалось что я, согласно разрѣшенію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 17 декабря 1904 года за № 7442, долженъ погашать выданную мнѣ ссуду теперь же, я обращаюсь съ просьбой ходатайствовать предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о томъ, чтобы погашеніе ссуды было отсрочено до того времени, когда будутъ возмѣщены всѣ издержки по изданію книги. Въ обезпеченіе же своего долга я могъ бы передать въ институтъ 300 экземпляровъ учебника на сумму 1500 р., считая каждый экземпляръ по 5 руб.

Такъ ссуда до сего времени и не возвращается.

2. Выдано и. д. экстраординарнаго профессора Тираспольскому за время высылки его изъ Томска, кромѣ содержанія, присвоеннаго по должности профессора, какъ руководителю *практическихъ* работъ, которыхъ онъ не могъ, конечно, вести, проживая въ Петербургѣ, 3449 р. 84 коп., въ томъ числѣ 333 р. 33 к.

за время съ 20 октября по 31 декабря 1905 года, 1899 р. 92 коп. за 1906 г. и 1216 р. 60 к. за 1907 г. И не совѣстно было профессору получать эти незаработанныя имъ деньги!

3. Уплачено въ 1905 г. за сыръ, икру, сардины, балыкъ и другія закуски, а также за чай и сахаръ 278 р. 91 к., въ 1906 г. 93 р. 8 к., въ 1907 г. 432 р. 36 к., въ 1908 г. 521 р. 98 к., въ 1909 г. 275 р. 43 коп.; а всего израсходовано на закуску въ пять лѣтъ 1698 р. 79 коп. спеціальныхъ средствъ; въ среднемъ, расходовалось по 340 р. въ годъ. Расходы эти формулированы въ ассигновкахъ, какъ хозяйственныя нужды института. Сладко же ѣли и пили г. г. профессора, только не за собственный счетъ! Когда Томская Контрольная Палата сдѣлала на распорядителей кредита начетъ, въ суммѣ 1698 р. 79 коп., со стороны директора института послѣдовало такого рода объясненіе: „Печенье, лимонъ и сыръ, а въ исключительныхъ случаяхъ также и колбаса подавались на вечернихъ засѣданіяхъ совѣта, отдѣленій, комиссій и т. п., *во избѣжаніе преждевременнаго ухода проголодавшихся членовъ и прекращенія занятій*; икра, сардины, семга покупались исключительно для преподавателей въ дни конкурсныхъ испытаній, которыя продолжаются въ большинствѣ случаевъ съ 9 часовъ утра до поздняго вечера и *требуютъ отъ экзаменующихъ чрезвычайнаго напряженія силъ*".

Голодающіе профессора и поддерживающіе энергію за счетъ студентовъ*) икрою по 3 р. фунтъ, балыкомъ и сластями—это что-то новое, исключительно современное.

4. Расходъ каменнаго угля производился безъ всякаго контроля и выписывался въ расходъ безъ указанія года, мѣсяца и числа, повагонно, отъ 1 до 46 вагоновъ въ одинъ разъ, т. е. отъ 1125 до 34500 пудовъ. Документально дѣйствительность расхода даннаго количества ничѣмъ не подтверждалась и никѣмъ не контролировалась, а потому за многіе года никакихъ отчетовъ не имѣется. Благодаря такому по-

*) Спеціальныя средства составляются изъ сбора платы со студентовъ за обученіе.

ложенію вещей стоимость отопленія, освѣщенія и водоснабженія института доходила до 30000 р. въ годъ, въ томъ числѣ около 12000 р. расходовались изъ спеціальныхъ средствъ и 18000 р. казенныхъ.

5. На наемъ писцовъ для канцеляріи и канцелярскія принадлежности въ 1909 г. израсходовано изъ тѣхъ же спеціальныхъ средствъ института 8366 р. 95 коп., не смотря на то, что по штатамъ института, на этотъ предметъ ежегодно ассигнуется по 3000 р.

И т. д., т. д.

XXIV.

Какъ же быть теперь съ технологическимъ институтомъ?

Оставить институтъ въ настоящемъ его положеніи не мыслимо, особенно въ виду безполезности огромнѣйшихъ затратъ изъ средствъ казны на содержаніе этого въ сущности неучебнаго заведенія, въ которомъ молодежь пріучается къ ничего недѣланію и воспитывается почти исключительно въ духѣ революціонныхъ движеній, доводящихъ ее до такихъ ужасныхъ преступленій, какъ поджогъ своей alma mater. Изъ нижеприведенной таблицы видно, во что обходится государству, въ среднемъ, каждый студентъ-технологъ и въ частности окончившій курсъ.

Израсходованная сумма.							Средняя стоимость.					
Годы.	Изъ Государственнаго Казначейства.		Изъ спеціальныхъ средствъ института.		Итого.		Общее число учащихся.	Число окончившихъ курсъ.	Одного учащагося.		Одного окончившаго курсъ.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.			Руб.	К.	Руб.	К.
1906	340161	40	83108	12	423269	52	1440	16	293	93	26454	44
1907	354791	90	88718	37	443510	27	1513	14	293	13	31679	30
1908	357783	75	132426	40	490210	15	1597	47	313	85	9769	73
1909	330385	19	101970	13	459177	36	1607	38	285	73	14715	19

Самый дешевый инженеръ, химикъ или механикъ, выпущенный изъ института, стоилъ 9769 р. 73 коп.,

а самый дорогой—31679 р. 30 коп. Вѣдь, это прямо нелѣпо! Никто не повѣритъ, не увидя приведенныхъ здѣсь цифръ, что въ сказанномъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Стоитъ ли при такомъ положеніи дѣла содержать институтъ? Конечно, нѣтъ! Но институту можетъ быть дано иное направленіе: необходимо теперь же сдѣлать его учебнымъ заведеніемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, съ чисто практическими цѣлями, для чего необходимо, во первыхъ, установить точныя программы примѣнительно къ каждому отдѣленію и курсу и въ концѣ учебнаго года производить соотвѣтственно программамъ экзамены, для перехода на слѣдующіе курсы; во вторыхъ, установить для профессоровъ обязательное число лекцій и обязательное посѣщеніе ихъ студентами. Теперь же сплошь и рядомъ студенты лекцій совершенно не посѣщаютъ и цѣлыми годами служатъ на желѣзныхъ дорогахъ и заводахъ, работаютъ въ качествѣ практикантовъ на постройкахъ или ходятъ съ летучими отрядами „боевиковъ“; въ институтъ эти студенты являются только для экзаменовъ и вымаливаютъ себѣ удовлетворительныя отмѣтки. При такомъ положеніи дѣла, профессора не знаютъ студентовъ, а студенты профессоровъ. Затѣмъ, внутри института не должно быть никакихъ обществъ, кромѣ научныхъ: ни политическихъ, ни экономическихъ. Сходки не допускаются; собранія же научныя должны происходить съ разрѣшенія директора института, подъ руководствомъ того или другого профессора. Выборное начало должно быть отмѣнено, такъ какъ русскіе профессора въ значительной своей части не дошли еще до того, чтобы благоразумно имъ пользоваться. Директоръ, профессора и преподаватели назначаются; профессоровъ и преподавателей можетъ рекомендовать совѣтъ института. При выборномъ началѣ верхъ забираютъ профессора-революціонеры, благодаря своей сплоченности и безцеремонности въ дѣйствіяхъ; выборъ директора падаетъ обыкновенно на одного изъ „товарищей“ или же на такое лицо, которое, по безволію своему, предоставляетъ управленіе выбравшимъ

его коллегамъ, которые и „работаютъ“ за спиною своего избранника. Отсюда—партійность, переходящая всѣ границы. На борьбѣ партій сосредоточивается вся жизнь учебнаго заведенія, а наука ставится на послѣднее мѣсто. Выборный директоръ, покровительствуя въ большинствѣ случаевъ своей партіи, тѣснитъ такъ или иначе профессоровъ и преподавателей, несогласныхъ съ его воззрѣніями, часто нарушая самыя элементарныя требованія справедливости. Профессорами выбираются также люди своей партіи, хотя бы въ научномъ отношеніи они являлись тупицами и бездарностями; что ни написали бы они, все хорошо, какъ бы худо ни было; за самостоятельностью работы либеральные профессора не гонятся и вполнѣ довольствуются одними компиляціями. Преподаватель, неугодный завладѣвшей институтомъ партіи, имѣя массу цѣнныхъ научныхъ трудовъ и будь семи пядей во лбу, никогда не выбьется въ профессора, какъ, напр. г. Соболевскій, профессоръ же неугодный партіи долженъ бѣжать, куда глаза глядятъ, какъ, напр., Ефимовъ.

2 іюня 1911 года.

Печатано по распоряж. Г. Попечителя Зап.-Сиб. учебн. окр.

1-654990